ПИОНЕР 2

ФЕВРАЛЬ ● 1974 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЛУШАЙ

Дорогие юнармейцы!

Приветствую и поздравляю вас всех с Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота! Желаю вам отлично учиться, быть активными в пионерском отряде, в военно-спортивной игре «Зарница»!

Военно-техническая революция изменила характер Вооруженных Сил СССР, требования к бойцам неизмеримо выросли. Уже сейчас, участвуя в военно-спортивной игре «Зарница», вы должны знакомиться с техникой и

оружием, уметь обращаться с радиопередатчиком и радиопеленгатором, метко стрелять, быть сильными и выносливыми.

Я, ваш командующий, хотел бы особо сказать о роли командира в отряде. Командир имеет право отдавать приказания и требовать их выполнения. Но делать это надо с большим уважением к каждому юнармейцу и быть требовательным не только к тем, кто в твоем подчинении, но и к самому себе прежде всего.

Командир должен быть распорядительным, находчивым, предусмотрительным. Командир должен воспитывать в своих товарищах смелость и уметь опираться на инициативу своего отряда.

Успеха вам в «Зарнице»!

Командующий Всесоюзной пионерской военно-спортивной игрой «Зарница», Генерал армии, Герой Советского Союза Андрей Лаврентьевич ГЕТМАН.

23 февраля —
День Советской
Армии
и
Военно — Морского
Флота

МОЮ КОМАНДУ!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Издательство «Правда»

Москва 1974 г.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ

Сила

Шла великая Московская битва. Фашисты рвались к Москве.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь на Угре под Юхновом обороняли советские солдаты мост.

Рвутся к мосту фашисты. Танки сосредоточились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят наши солдаты на пушки, на танки:

— Братцы, сила, смотри, какая!

Глянешь на эту силу, и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша. Молодой совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата.

Расположились бойцы в окопах. Ждут — обещали им помощь.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулеметный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Еще немного — захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И все ж понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы.

— Где же помощь? — тревожится молодой солдат.— Не удержим мы левый берег.

И вдруг. Смотрит Гаркуша — отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

— Ура!

Видимо, помощь пришла.

МОСКОВСКОЙ БИТВЕ

Только «ура» прокричал солдат, как открыли фашисты минометный огонь по нашим. Минным градом осыпают наш берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми бьет фашиста Гаркуша. Грозен в бою молодой солдат.

Стойко сражались наши. И смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду пришла.

Но ударила по нашему берегу фашистская артиллерия. Как плуги, пашут снаряды землю.

Снова фашисты идут в атаку на мост. Не сдается упрямый мост. Не пропускают солдаты вперед фашистов. Оживился совсем Гаркуша:

— Ура! Братцы, не трусь! Братцы, вперед!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша — отходят фашисты.

Доволен солдат: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь пришла.

Повернулся Гаркуша назад, посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Все те же кругом бойцы.

— Где же сила? Была же сила!

Смотрит солдат на соседа.

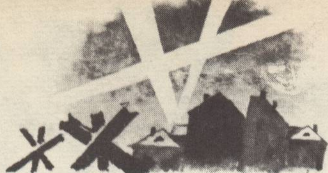
— Где же оно — пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чем, мол, солдат, толкуешь?

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Лопата

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет.

Москва готовилась к встрече врага. Люди учились владеть винтовкой, бросать гранаты, истреблять танки. Создавались роты, полки и даже целые дивизии народного ополчения.

Вокруг Москвы возводили оборонительные рубежи. Рыли окопы. Создавали баррикады, завалы, возводили проволочные заграждения, устанавливали «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты...

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идет, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересек оголенное поле. Ушел за ближайший лес.

Это противотанковый ров. Много их на подступах к Москве. И этот. И чуть правее. И чуть левее. И дальше — за лесом. И дальше — за полем...

Костя Незлобин — студент-текстильщик, работает в землеройной бригаде.

Костя просился в армию:

— В снайперы я хочу!

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землекопах теперь Незлобин. Вместе с другими копает ров. Старшим — старик Ордынцев.

Объясняет Костя:

— Не взяли в снайперы.

— Тут тоже, Незлобин, фронт,— отвечает старик Ордынцев.

— Подумаешь, фронт,— усмехнулся Костя,— канава.

— Нет, военный объект,— поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе, низко, совсем над землей, над людьми, над окопом, пронесся фашистский летчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

— Ложись! — закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день прилетали сюда фашисты.

— Ну, чем же тебе не фронт,— посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли землекопы. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах.

Только стал засыпать Незлобин, послышались крики:

— Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобин. Момент — на улице. Узнал, в чем дело. Оказалось, сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони — наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату — вперед, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь — Ордынцев. И вдруг, глядит, солдат фашистский. Повис на стропах. И прямо в группу.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобин свою лопату и на фашиста. Упал десантник...

Отбили люди налет фашистов. Вернулись в избы, ко сну, к покою.

А утром снова трубит побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

— Врага не пустим!

— Врага осилим!

И взмах лопаты, как взрыв снаряда. И, если надо, она копает. И, если надо, она стреляет.

Трое

Отстояли наши войска Москву. По фашистам сами теперь ударили. Погнали врага на запад.

Осташевский район — глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе — дальняя.

Отступали фашисты через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти все засветло. Один из отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нем и разместились фашисты на ночь.

Хорошо им под крышей. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

О тепле, о костре стали мечтать солдаты. Покрутились вокруг сарая. Не видно ли рядом дров (в лес-то идти опасно). Разыскали немного щепок. Зажгли. Огонь улыбнулся и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил.

Прижались солдаты покрепче друг к другу. Стали дремать. Вдруг слышат скрип шагов на снегу за сараем. Встрепенулись фашисты. Автоматы немедля в руки:

— Партизаны!

Однако видят, идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном. Третий солдатским ремнем затянут.

Подошли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты, автоматы не опускают.

— Партизаны?! — взвизгнул один.

Взвизгнул и сам смутился. Видит же он, и другие видят: перед ними стоят ребята.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю. Рассмотрели фашисты: за спиной у подростка что-то.

— Цюрук! Назад! — закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты — охапка дров.

— Берите,— сказал мальчишка.

— О-о-о!

— Гут!

— Карашо!

Опустили враги автоматы. Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. За спиною вязанки.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом. Греют солдаты руки, спины. Чуть ли не лезут в костер с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот, что в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнем затянут.

Пылает костер. Дрова, как сахар в горячем чае, тают. Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

— Нох? Еще?

— Нох! Нох!—закричали фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, явился со связкой хвороста. Скинул он хворост и прямо в костер всю связку. Еще сильнее взметнулось пламя. Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты.

— О-о-о!

— Гут!

— Карашо!

Смотрят, а где ж мальчишки? Сдуло их, словно ветром.

И в ту же секунду грохнул взрыв. Разнес сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были спрятаны мины.

Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

Верная дорога

Наступали советские части. Шел со всеми и хозяйственный взвод: повара, пекари, писари, ездовые. В походах хозяйственный взвод шагает всегда последним.

Так и сейчас. Идут солдаты. Тянут свое хозяйство. Едут сани, солдатские кухни. Даже пекарня, даже баня походная движется. Даже сапожная мастерская.

Идут солдаты. Пора бы своих догнать. Да что-то своих не видно.

Взяли левее, взяли правее. Нет, не встречают наших.

Беспокоиться стали солдаты. Поблуждали еще с часок. Ясно всем: то ли сбились где-то с дороги, то ли наши ушли далеко вперед. Решили: ушли вперед. Что ж, наддай, ребята! И по-суворовски зашагал хозяйственный взвод.

Двигались лесом. Вышли к большой поляне. Остановились. И тут... Видят солдаты из леса идут на поляну фашисты. Наши схватили винтовки. Секунда, и грянет огонь. Только смотрят солдаты: поднимают фашисты руки.

Что же такое случилось? Взвод хозяйственный — это не полк, не сила. Где же такое водилось, чтобы кухням и баням сдавались в плен? Хитрость, возможно? Обман фашистский?

Нет. Все больше и больше выходит фашистских солдат на поляну. Все бросают оружие, руки — кверху.

— Гитлер капут!

Не верят солдаты своим глазам.

— Гитлер капут! — повторяют фашисты.

Значит, и в самом деле сдаются.

Собрали наши бойцы автоматы, ножи, пистолеты, гранаты. Построили пленных. Решают: где же искать своих? Брать ли правее, левее, по-суворовски снова идти вперед?

Решили дальше идти. Только собрались, и вдруг на ту же поляну вышел отряд бойцов. Смотрят солдаты — бойцы-то свои, родные, из их полковой разведки.

И разведчики тоже признали хозяйственный взвод:

— Как вы здесь!?

— Почему?

— Откуда?

— Да вот своих догоняем,— отвечают солдаты.

— Как догоняете!? Нет никого впереди. Вся дивизия наша сзади.

Вот так история! Вот так сюрприз! Выходит, хозяйственный взвод обогнал дивизию. Понятно теперь солдатам, почему фашисты им сдались. Хозяйственный взвод обычно идет последним. «Значит,— они решили,— главные силы русских уже впереди. Значит, попали мы в окружение...»

Взводу пришлось назад возвращаться. Идут, и рады удаче и не рады. Всякому будет ясно, сбился где-то с дороги, заблудился хозяйственный взвод.

Вернулись бойцы в свой полк. Помялся, помедлил взводный, пошел к командиру полка, доложил о прибытии и объяснил задержку.

— Виноват. Задержались. Дорогой не той пошли.

Посмотрел командир на взводного:

— Значит, вперед прошагали?

— Так точно, ошиблись, пошли вперед.

— Почему же ошиблись? Не назад ведь шагали!

— Так точно, не назад,— оживился взводный.

— Шли же вперед?

— Так точно, вперед!

Улыбнулся полковник, на лейтенанта глянул.

— Значит, верной вы шли дорогой.

КОСТРЫ НАД ДНЕПРОМ

Юрий **КАЧАЕВ**

Рисунок С. **ТРОФИМОВА.**

17 февраля исполняется тридцать лет со дня гибели Вали Котика, кавалера ордена Отечественной войны I степени, Героя Советского Союза. Ему было одиннадцать, когда он стал партизаном. А умер он, на шесть дней пережив свое четырнадцатилетие.

Имя Вали Котика знает теперь каждый. Но сколько его ровесников пало в борьбе с фашизмом, оставшись безымянными! Их были тысячи и тысячи — подростков, смертью своей победивших смерть, и мы должны помнить о них.

В день праздника Советской Армии по всей нашей стране проходят смотры пионерского строя и песни. Ложатся венки на могилы тех, кто отстоял свободу нашей Родины. Каждый год красные следопыты открывают новые для нас имена, которые никогда не будут забыты.

Я хочу рассказать вам о земляках Вали Котика, об их трагической и высокой судьбе.

Вторую ночь на правом берегу Днепра горели хлеба. Огненная поземка уползала от реки все дальше на запад, изредка выбрасывая в небо желтые столбы пламени, — это вспыхивали уже сметанные скирды.

Восточный берег был темен, но и в темноте чувствовалось, что там лежит и дышит большой рабочий город.

А между вражеским и нашим берегом, словно исполинский кит, надвое резал днепровские воды остров Хортица: двенадцать километров в длину, три в ширину. На нем окапывались фашисты, готовясь к прыжку через левый рукав. Днем Саша видел, как они устанавливали пулемет на крыше школы. Саша хотел посмотреть, что делается на Хортицком валу, но часовой заорал «Цурюк!» и погрозил кулаком. Цурюк так цурюк, будто туда другой дороги нет! Саша вернулся и прокрался к валу со стороны кладбища.

Остров весь тонул в садах и виноградниках. Спрятать среди них солдат и пушки врагу было проще простого. Проползав на животе часа три, Саша успел высмотреть почти все фашистские секреты. Для чего ему это было надо, он и сам пока не знал. Сообщить своим он все равно не мог — переплыть Днепр силенок явно не хватило бы. Хотя для своих одиннадцати лет Саша плавал неплохо.

На обратном пути он столкнулся в кустах с Вилем Писаревичем и Володей Литягой. Оба они учились в седьмом.

— Сидельников? — удивился Володя. — Ты что это на кладбище забыл?

— Ну, был на валу, — нехотя признался Саша. — Там фашисты землянки роют и орудия поставили. А еще такие... вроде трубы на ножках.

— Минометы, — пояснил Писаревич, быстро взглянув на Володю. — А ты не запомнил, сколько их?

— Восемь, а еще пушки — четыре, нет, пять, — сказал Саша. — Дула толстые, с набалдашниками. И колеса, как у легковушки.

— Слушай, Сидельников. — Володя Литяга взял Сашу за плечо. — Ты ведь не болтун? Нет? Ну так запомни: мы с тобой не виделись и ни о чем не говорили. Понял?

Над Хортицей с тяжелым гулом проплывали вражеские самолеты — их Саша уже отличал от наших по работе мотора. Фашисты прорвались к Днепру неожиданно, и многие островитяне не успели опомниться, как в поселке появились чужие солдаты. Раньше на Хортице жили рыбаки и бакенщики, а теперь остались только их семьи, потому что мужчины ушли воевать. Ушел в Красную Армию и Сашин отец.

Под утро Сашу разбудил чуть слышный стук в окошко.

На улице стоял густой туман. Сквозь него чернели над Днепром быки взорванного моста. Саша огляделся, но никого не увидел. Сзади хрустнула ветка, — за яблоней стоял Форка Емельянов, голый! Незадолго до войны Емельяновы переехали на левый берег, в Вознесеновку. А сейчас Форка вдруг оказался на острове... да в таком виде.

Форка поманил Сашу к себе и кивнул в сторону сарая.

— П-пойдем, п-поговорить надо, — стуча зубами, сказал он.

В сарае было полутемно и пусто: поросенка еще в первый же день забрали фашисты.

— Ты с той стороны? Вплавь? — спросил Саша.

— Нет, н-на крыльях, — огрызнулся Христофор. — Где Писаревичи живут, знаешь? Скажи Вилю, что я его жду. Пусть захватит какую-нибудь одежку. А то я свою утопил ненароком.

Саша бросился в сени, притащил товарищу старый полушубок и исчез в тумане, словно растаял.

Вернулся он через полчаса вместе с Вилем и Володей Литягой.

Одноклассники поздоровались сдержанно, как и полагается мужчинам.

— В общем, хлопцы, дело такое, — переодевшись, сразу заговорил Христофор. — Один из наших командиров просил раздобыть сведения о фашистах. Сроку — два дня. В одиночку мне не справиться. Нам нужен разведотряд. Я говорю напрямую, потому что знаю вас с первого класса...

— Значит, наши собираются вернуть Хортицу? — спросил Володя.

— Думаю, да. Из Запорожья надо эвакуировать заводы. А враг отсюда будет бить по железной дороге из артиллерии. Смекайте сами.

Саша во все глаза смотрел на соседа и про себя дивился: за несколько месяцев Форка стал совсем взрослый, а ведь давно ли дед Михай драл его хворостиной, чтобы не лазил по чужим вентерям. «Я из спортивного интересу! — кричал при этом Форка. — Нужна мне ваша рыба!»

— Сведения у нас есть, — помолчав, сказал Володя Литяга. — Мы тоже не мух ловили. Не знаем только, что творится в Широкой балке. Там все колючкой опутано, и часовые на каждом шагу.

— А балку с чердака Томки Золотухиной хорошо видать, — подал голос Саша. — Надо ее попросить.

— Верно, — подтвердил Писаревич. — Ты у нас, Саня, умница!

Тем же вечером, как только стемнело, они снова собрались в сарае Сидельниковых. Пять человек, считая и Леню Панфиловского, которого привел с собой Володя.

На опрокинутой бочке чадила коптилка. В щели сарая дуло, и от сквозняка пламя коптилки вздрагивало, отбрасывая на стены изломанные тени ребят.

— Я предлагаю назвать нашу группу «Юные чапаевцы», — вполголоса сказал Христофор. — Боевые задания мы будем получать из штаба той части, которая меня послала. Связным назначается Владимир Литяга. Дальше: никто из нас не смеет ничего делать без приказа, с сегодняшнего дня мы бойцы Красной Армии.

— А как с присягой? — спросил Володя.

— Ты давал клятву, когда вступал в пионеры? Это и есть наша присяга... Теперь вот еще что. Новых ребят будем принимать так: если ты за человека ручаешься, мы испытываем его на деле. Но он все равно не должен знать других членов группы. — Христофор достал из кармана лист бумаги и развернул на коленях. Это была самодельная карта Хортицы. — Давайте посмотрим, все ли здесь правильно.

Огрызок карандаша пополз по карте.

— Вот детские ясли. Теперь тут немецкий штаб... Володя, запоминай хорошенько, показывать нашим будешь по памяти, на настоящей карте. А это Широкая балка... Виль, а ты был у Золотухиных?

— Был, — сказал Писаревич. — Целый час на чердаке просидел, фашистов в балке — что тараканов.

— А точнее?

— Я насчитал сотни три. И пятнадцать орудий. Фашисты их почти не маскируют: с того берега все равно не видно.

— На севере, вот здесь, у дороги — зенитная батарея, — сказал молчавший до сих пор Леня Панфиловский.

Когда на карту были нанесены все вражеские огневые точки и скопления живой силы, Христофор подал Володе чистый лист и карандаш.

— Рисуй.

И Володя по памяти стал набрасывать план укреплений, минометные и зенитные батареи. Последним он нарисовал штаб гитлеровцев и поставил на нем жирный крест.

— Молодец! — похвалил Володю Христофор. — Упустил только пулемет на школьной крыше.

Ребята попрощались и по одному скрылись в темноте. А Христофор с Володей еще полчаса о чем-то говорили шепотом.

Подталкивая перед собою обрубок бревна, Володя Литяга плыл к левому берегу. Вода казалась неподвижной, и в ней отражалось ночное августовское небо. На водяных усах от бревна звезды покачивались, как светящиеся поплавки.

Изредка над рекой взмывала ракета, и тогда Володя с головой уходил под воду.

Берег выступил неожиданно. Оскользаясь на мокрой от росы траве, Володя выбрался на землю и негромко свистнул.

— Кто идет? — окликнули его.

— Хортица.

Подошел невысокий красноармеец и набросил на плечи Володи шинель.

«Ждали», — подумал Володя и сказал:

— Мне к товарищу Мельникову.

Через несколько минут он уже сидел в блиндаже и пил горячий чай.

— Ты пока на печенье налегай, — говорил ему Мельников. — А потом мы тебя накормим как следует.

— Спасибо, я уже сыт! — Володя отодвинул стакан. — Давайте карту.

Карта была подробная, и Володя без труда узнавал на ней знакомые с малых лет высотки и овраги.

— Про пулемет на школе не забудьте, товарищ командир, — напомнил он еще раз, когда под рукой Мельникова карта запестрела цифрами и значками.

— Школу мы трогать не будем, — потирая крутой подбородок, сказал Мельников. — Между прочим, меня зовут Борисом Семеновичем. Усвоил?

Володя в ответ улыбнулся.

— А теперь сосни немного. Часика через два я тебя разбужу. — Мельников посмотрел на часы и вышел.

В третьем часу ночи Мельников сам вывел Володю к берегу.

— Спасибо тебе и ни пуха, ни пера!

На этот раз Володя плыл с канистрой, наполненной листовками. Канистра была герметичной и легко держалась на плаву.

«Наши части все время атакуют противника на острове Хортица. Северная часть этого острова занята немцами,

южная часть — нашими войсками. Большую работу по организации боя провел генерал-майор Харитонов и помначупр фронта по комсомолу тов. Мельников. Ими же в Запорожье была организована группа молодежи, которая назвала себя «Юные чапаевцы». Они переправлялись на тот берег Днепра, разведывали противника, затем невдалеке разводили костры, как условный знак для действий нашей артиллерии и авиации. Результаты их работы очень хорошие».

(Запись переговоров по прямому проводу члена Военного совета Южного фронта тов. Запорожца с Маршалом Буденным, 27 августа 1941 года. Архив Министерства обороны.)

Это было одно из первых наступлений Красной Армии в Великой Отечественной войне. Сохранилась «Плановая таблица взаимодействия частей по захвату острова Хортица, 22—23 августа 1941 года». В ней наряду с авиацией, артиллерией, пехотой и танками назван отряд «Юных чапаевцев». Его включили в план операции как самостоятельную боевую единицу.

Вечером 23 августа Христофор Емельянов передал ребятам приказ командования: подготовить сигнальные костры и зажечь их ровно в полночь.

Весь отряд был разбит на двойки. Саше Сидельникову и Лене Панфиловскому достался самый трудный участок — Широкая балка. Подойти к ней было непросто, но главная сложность заключалась в другом: как разложить костер, чтобы сторожевые посты заметили его не сразу?

Выход придумал Леня Панфиловский, и Христофор, выслушав, одобрительно кивнул.

К 23.00 они были уже на месте. Из Широкой балки доносилась приглушенная немецкая речь, позвякивал металл. Леня воткнул в землю три полутораметровых заостренных палки, так что они образовали треугольник, смотревший вершиной в сторону оврага. Саша раскатал старый половик, и они набросили его на колья. Теперь можно было не опасаться, что фашисты обнаружат костер тотчас же. А с тыла его прикрывали густые заросли орешника.

Саша достал из мешка поленья, заранее пропитанные керосином. Сложив их клеткой, Леня натрусил из снарядной гильзы узкую дорожку пороха до самых кустов. Теперь оставалось ждать. Ждать красной ракеты с того берега.

Она взлетела в назначенное время, рассыпая в темноте колючие звезды. Леня чиркнул спичкой и поднес ее к пороховой дорожке. Голубая змейка огня побежала к поленнице.

— Бежим! — Саша дернул товарища за рукав.

— Погоди, успеем, — сказал Леня. И, лишь убедившись, что костер загорелся, они нырнули в чащу орешника. На минуту ребята задержались у кладбища — здесь проходил телефонный кабель, связывающий Широкую балку с другими опорными пунктами. Перекусив кусачками шнур в двух местах, Леня забросил его концы в разные стороны.

Они прибежали к Саше, когда в небе уже стоял гул самолетов. На левом берегу заговорила наша артиллерия, обрушив свой огонь по всему острову.

Мальчики не видели, как взлетел на воздух фашистский штаб, как дыбом встала земля в Широкой балке. Они сидели в погребе. Таков был приказ. Наутро они узнали, что наши десантники высадились на южном берегу острова.

Советские войска удерживали хортицкий плацдарм полтора месяца. За это время металлургические заводы Запорожья успели эвакуироваться.

В северной части острова продолжали сражаться «Юные чапаевцы». Они переправляли на правый берег тысячи листовок, резали телефонную связь, ходили связными в партизанские отряды. За бесстрашные действия в тылу врага командование фронта наградило их почетными грамотами.

Первым из юных мстителей погиб Володя Литяга. Гитлеровцы схватили его, когда он шел на задание. Подробности его смерти никому не известны. Мы знаем только, что Володя не сдался живым и дрался до последнего. Гитлеровцы так изуродовали его тело, что мать смогла опознать сына лишь по рубашке.

В октябре 1943 года за связь с партизанами был расстрелян вместе с матерью Лидией Григорьевной Саша Сидельников.

23 декабря 1943 года погиб под городом Марганцем партизан Виль Писаревич.

Христофору Емельянову и Лене Панфиловскому удалось дождаться прихода наших войск. Они вступили в Красную Армию и оба пали смертью храбрых, освобождая Родину от гитлеровских полчищ.

На берегу Днепра, на острове Хортица, стоит теперь памятник юным героям. Их имена звучат на торжественных линейках. А по запорожскому радио все еще слышен призыв:

— Кто знает о судьбе Тамары Золотухиной, Бориса Чудакова, Коли Иванова, Василия Гладкова, Владимира Нагибина, напишите нам! Адрес: город Запорожье, остров Хортица, отряд красных следопытов школы № 43.

Люба ИВАНОВА из белорусского поселка Плещеницы написала стихи про своего старшего брата Александра.

* * *

Мой старший брат —
Советской Армии солдат.
Вначале трудно было привыкать,
Теперь умеет он маршировать,
Ползти, и бегать, и стрелять,
И честь, как надо, отдавать...

Пусть хорошо проходит служба,
Пусть крепнет воинская дружба,
Чтобы ребята всей земли
Спокойно жили и росли!

✻

Миша МУРЗАКОВ, восьмиклассник из г. Белгорода, был на мемориале, посвященном Курской битве. Об этом он сочинил стихотворение.

* * *

Мягко пружинит сиденье,
Мчится автобус вперед.
Нас этим утром весенним
Прошлого эхо зовет.

Едем мы к Курску, где стала
Памятником земля,
Где в сорок третьем пылала
Даже стальная броня.

Молча стоят обелиски,
Память о прошлом хранят.
Золотом выбиты списки
Павших героев-солдат.

Павших друзей вспоминают
Здесь ветераны боев.
Надписи с грустью читают:
Павлов, Корчной, Иванов...

Поздно пришлось мне родиться,
Нет уж тех грозных годов,
Но если все повторится,
Так же встать в строй я готов!

СЛУШАЙ МОЮ КОМАНДУ!

М. НЕВЗОРОВА

Фотографии В. ГУСЕВА.

Семь часов пятьдесят восемь минут. Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». Лучшие отряды юнармейцев страны готовы к атаке. Сегодня самый трудный день V финала «Зарницы». Пионерская военно-спортивная игра под кодовым названием «Кавказ» потребует от юных бойцов выносливости, смелости, военной сноровки.

Наступила какая-то удивительная тишина. Даже ветра нет, кажется, и он притаился, залег в белесоватой степной траве.

Метрах в двухстах от меня встали огромные кусты взрывов. Пора! Атака! Атака! В районе Красной Поляны пошли танки. «Ура-а-а!» — раскатывается по степи. Это юнармейцы идут на штурм высоты.

Мне не удается увидеть своих, тех ребят, с которыми успела подружиться, но я все равно волнуюсь за них, потому что знаю: мои друзья вместе с другими юнармейскими отрядами прорывают линию обороны «противника», проходят зону химзаражения, идут на штурм высоты.

✻

С Юрой Моисеевым, командиром отряда из Латвии, я познакомилась, когда мы шли со стрельбища. Юра говорит сосредоточенно, словно стреляет: прицелился, пауза, огонь!

Кавалер трех орденов Славы. Разведчик, который прошел всю войну. Ударник коммунистического труда. Ивану Михайловичу Лядову есть о чем рассказать бойцам-юнармейцам.

метров до него? — И тут же сам отвечает: — Семьдесят.

Проверяем. Семьдесят пять. Юра ошибся только на пять метров, а я — на целых двадцать.

— Юра, здесь — в «Орленке», есть командиры девочки?

Юра улыбается.

— Я, по правде сказать, за командиров мальчишек, потому что командир должен быть сильным, чтобы в нужную минуту прийти на помощь. Как Чапаев, где труднее, опаснее — там и он.

Потом я узнала, что во время генерального сражения, с которого я начала свой рассказ, Юра в приказном порядке отобрал у бойцов-девчонок тяжелые фляги и с таким нелегким снаряжением штурмовал высоту.

❄

Девочку командира встретишь не часто. Может, и прав Юра? В самом деле, это все же дело мужское. Ну, звеньевая, председатель совета отряда — привычное дело. Я спросила у Маши Шелухи, командира зарничного отряда из города Черкасс, есть ли в ее отряде юнармейцы, знающие военное дело лучше, чем она.

— Конечно, — удивилась Маша,— у нас такие мальчишки!

— И они слушаются тебя?

Маша пожала плечами:

Бой окончен. Можно поговорить.
— А в танковое училище принимают только отличников?
— Какая мощность у двигателя танка?
И снова бой. Снова атака.

— Ты хотел, чтобы тебя выбрали командиром?

— Да, хотел.

— Что, по-твоему, главное в характере командира?

Юра вытаскивает из кармашка сложенный вчетверо листок. Это мишень.

— Только не подумайте, что я хвастаюсь,— говорит он.— Но раз ты юнармеец, раз ты командир, то оружие свое должен любить и уметь им пользоваться. А иначе на что мне винтовка дана?

Я разглядываю Юрину мишень. Да, ничего не скажешь. Вся черная середина ее изрешечена пулями.

— Я разведчик,— продолжает Юра,— значит, очень важно для меня точно определять расстояния.— Юра указывает на дерево, которое находится от нас, помоему, метрах в пятидесяти.— Как вы думаете, сколько

— Слушаются... А как же иначе?

Я часто бывала в отряде у Маши. Один раз слышу:

— Саша, заправь кровать получше,— уговаривают кого-то в спальне у мальчишек.

— Сойдет!

— Маша сказала...

И Саша, не споря, принимается за дело.

Однажды прихожу, Маша рассказывает ребятам о Суворове, о знаменитом переходе через Альпы... Слушают — не шелохнутся.

Маша прочитала не одну книгу по военной истории. Она считает: командир должен ответить на любой вопрос.

Как-то пришла я, Маша сидит, разговаривает с девочкой, и разговор, видно, серьезный.

— Понимаете,— объяснила она мне потом,— один раз эта девочка, я не буду называть ее имени, споткнулась, когда отряд маршировал, и все засмеялись. С тех пор она, будто заколдованная, спотыкается без конца. Кажется, чего проще — заставить ее помаршировать лиш-

них два часа — и порядок. А я решила поговорить, потому что если командир будет только командовать, то ничего хорошего из этого не получится.

Тогда, признаюсь, меня удивил такой «невоенный» подход Маши к дисциплине. Но когда на смотре строя и песни я увидела, как маршировал отряд Маши и вместе со всеми чеканила шаг та девочка, то подумала, что, может, права Маша. Командир должен быть не только требовательным, но и добрым.

Командир и отряд... Какие должны быть взаимоотношения? Как они складываются? Как вообще в отряде появляется командир?

Вспоминается мне еще один разговор, не с командиром, а с ребятами-юнармейцами из отряда города Полярного. Говорили мы об их командире Юре Юрьеве. В общем гуле я уловила удивившие меня слова:

— А командир наш что надо. Он нас строевой учил, стрельбе, а мы его...— Говоривший мальчишка запнулся.

— А вы что?

— Ну, вроде бы командиром научили быть. Понимаете, уж очень он любил на коне гарцевать... на воображаемом, в общем, зазнаваться начал, а мы его с этого коня один раз и стянули.

— А совсем отстранить не думали? — спросила я.

— Да что вы! — зашумели ребята.— Мы за Юрой в огонь и в воду! Может, без него мы бы и в финал не вышли.

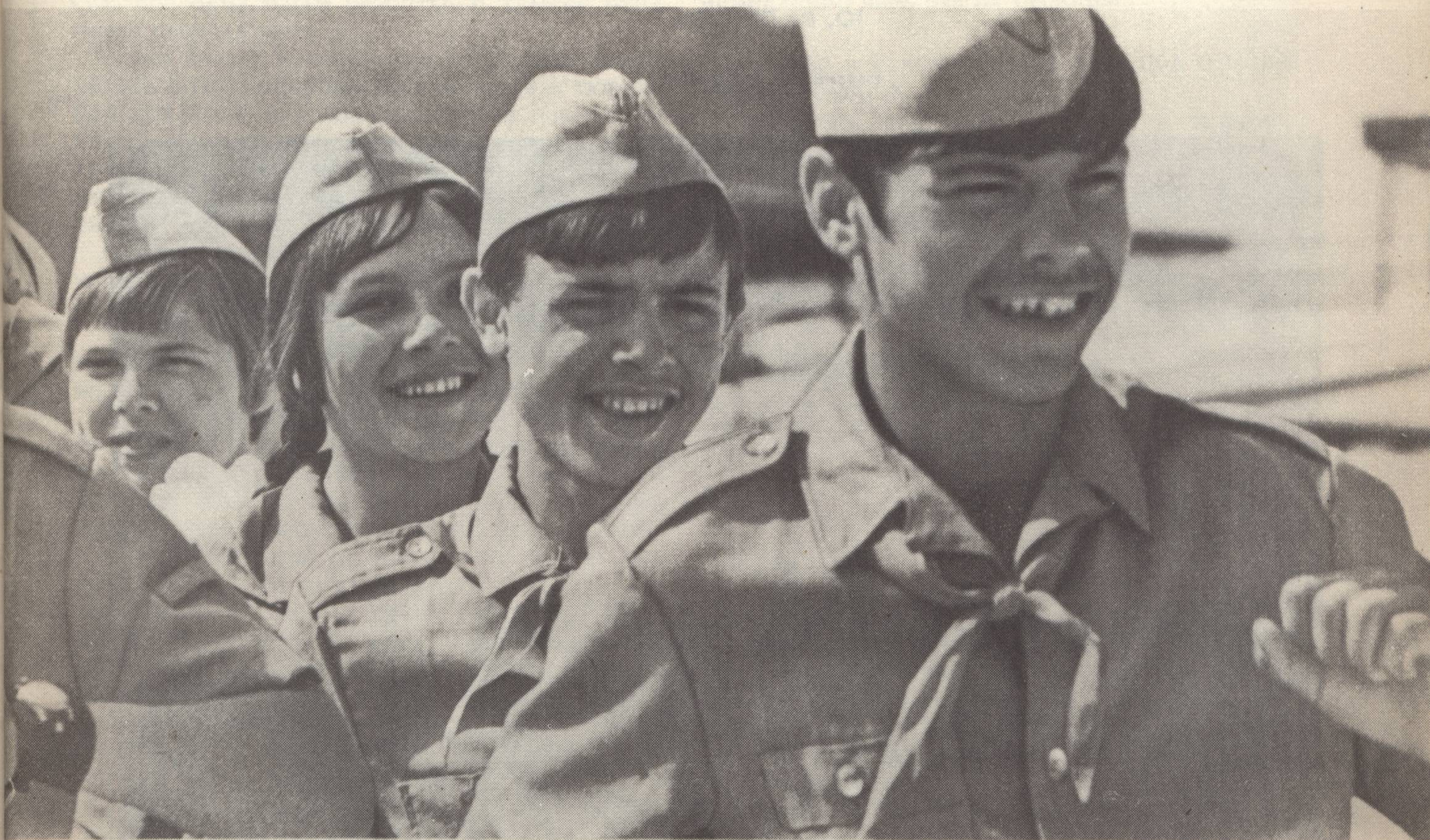
Командир и отряд. Каким же должен быть командир? Наверное, таким, чтобы прийти на помощь в трудную минуту. Таким, чтобы, глядя на него, любому бойцу захотелось так же собирать и разбирать винтовку и выбивать на стрельбище пятьдесят из пятидесяти. И, конечно же, необходима командиру сильная воля, чтобы понять свои ошибки, когда товарищи скажут, что неправ. И потом снова встать и громко, по-дружески сказать:

— Отряд! Слушай мою команду!..

ВСЕМ, КТО УЧАСТВУЕТ В «ЗАРНИЦЕ»!

За что ты уважаешь своего командира? Каким бы ты хотел его видеть? Без каких качеств, по-твоему, нельзя представить командира «Зарницы»?

Подумай над этими вопросами и напиши нам.

Повесть об отце

Продолжение. Начало в № 1.

Ю. КАЛИНИНА

Рисунки В. ДУДКИНА.

Отца отправили в Петербург, в дом предварительного заключения. Как он вспоминает в своих записках, «в 1903 году уже чувствовалось новое время... Все предварилки были набиты политическими».

Однажды во время обеда отец услышал, как со двора кто-то крикнул «Товарищи!». Он бросился к окну, выходившему на тюремный двор, и увидел, как на высокий забор, отделявший одну клетку двора от другой, влез человек. Человек держался на этом заборе и призывал к протесту против произвола в тюрьме. Его тут же, на глазах у отца, стащили, начали избивать, куда-то поволокли.

Но крик его, как искра, пронесся по камерам: во двор полетели стекла, рамы, подожженные матрацы, подушки, во дворе загорелись дрова.

Заключенные объявили шестидневную голодовку протеста.

Самым мучительным был первый день. У отца в кармане лежал хлеб. Он подумал: «Вот сейчас съем его». Но вытерпел и не съел. Этот кусок хлеба, дразня его, так и пролежал в кармане до конца этих шести дней — выбросить хлеб отец не мог даже и в эти дни! И здесь, в тюрьме, никакие обстоятельства не могли изменить его крестьянского отношения к хлебу.

На третий день стало легче, на четвертый еще легче, но на пятый и на шестой многие не могли подняться.

Отец еще держался.

Все это время в тюрьме шел непрерывный гул. Все окна были разбиты. В камере отца вовсе слетела рама.

Через шесть дней, когда голодовка окончилась и отец впервые притронулся к тюремной похлебке, еда показалась ему наслаждением. Заключенные предупреждали друг друга, что после голода надо есть понемногу, иначе может быть плохо. Хватило у отца выдержки и на это.

Наиболее активные организаторы стали исчезать из камер один за другим.

Пришли и за отцом.

У выхода стояла карета, вокруг нее — конвой. Повезли через Неву. Отец ехал и думал: куда везут?

Его привезли в «Кресты». В этой тюрьме было уже много участников голодовки. Их предупреждали, чтобы ничего подобного больше не было, пригрозили: здесь полторы тысячи уголовных, управа на вас найдется.

Отца поместили на пятый этаж. Он был доволен, что из камеры виден большой кусок неба, несколько крыш и даже уголок улицы. Был доволен, что до камеры доносится уличный шум, голоса — будто жизнь плескалась о стены тюрьмы.

Заключенные перестукивались. Кто-то предложил вести лекции из окон так, чтобы «политических» услышали уголовники.

И снова тюрьму всполошил крик: кого-то тащили по лестнице волоком.

Повторилось все, что было в предварилке: вниз полетели стекла и рамы. Из камер выхватывали то одного, то другого. Люди сопротивлялись. Избиение начиналось в камере, продолжалось где-то на задворках тюрьмы.

Надзиратели шли из камеры в камеру, с пятого этажа вниз. Дошла очередь и до отца. За день до этого его перевели на первый этаж. В камеру ворвались надзиратели — человек восемь сразу, с ними начальник тюрьмы, все красные, как после тяжелой работы.

Они схватили отца и стали бить куда попало — и в грудь, и в голову, руками и ногами.

Начальник тюрьмы при этом выкрикивал: «Так им и надо, мерзавцам, я им покажу революцию!»

В этот день тюремщики избили сорок человек. Кое-кто из тех, кто пережил этот день, умерли через год, через полгода. Отец был сорок первым—тюремщики устали уже, а «помолотив» его десять минут, и вовсе изнемогли.

Надели на него смирительную рубашку, туго связали и бросили. На нем и кончилась эта расправа. На другой день он получил еще семь суток карцера: это темная камера, холодный асфальтовый пол, черный хлеб и вода.

События в «Крестах» взволновали весь Петербург. Спустя полтора месяца после этого отца освободили и предложили ему немедленно выехать из столицы.

И снова в Ревель, теперь уже под особый надзор полиции.

Оказалось, что, пока он сидел в тюрьме, марксистские кружки в Ревеле сделали многое. В движение включилось больше эстонцев, листовки распространялись не только в Ревеле, но и в других городах Эстонии.

Отец опять поступил на завод Вольта и опять вернулся к делу: наладил связь с заграницей, установил контакт с воинскими частями.

Свой кружок отец собирал по воскресеньям в лесочке, около озера Юлемисте. Но не прошло и года, как его вызвали в контору. Помощник пристава, эстонец, человек, как видно, к отцу расположенный, смущенно сказал, что должен его «взять». Отцу назначалась четырехлетняя ссылка в Сибирь.

Время уже было такое, что некоторые полицейские заигрывали с заключенными.

По дороге из ревельской тюрьмы в Петербург оказалось, что конвой читает нелегальную литературу, а начальник конвоя вполне дружески спросил отца: «Между прочим, вы знаете, куда вас везут?» В связи с начавшейся русско-японской войной Сибирь отцу заменили Олонецкой губернией.

Он был рад: все же не так далеко от Петербурга.

Можно подумать, что царское правительство специально заботилось о том, чтобы отец повидал мир.

Кавказ, Прибалтика, а теперь вот Карелия.

Он всегда был открыт впечатлениям, независимо от того, при каких обстоятельствах они входили в него, никогда не терял свежести взгляда. И теперь жадно вглядывался в этот край, куда его привела судьба. Потом он писал: «Само путешествие было очень интересно... Публика растягивается по дороге довольно далеко, поют песни... Покупают рыбу, варят уху...»

Описывая Повенец — «свету конец», маленький деревянный городишко среди лесов, отец вспоминал рыбные расстегаи, чай с брусникой, скамейку на «Польской горке», где ссыльные пели песни. А товарищи по ссылке вспоминали, как он голодал, потому что казенного пособия долго ему не давали, а работы токарю сначала не было вовсе, да и потом попадалось ее недостаточно, чтобы прожить, вспоминали, как ему приходилось за копейки переписывать бумаги.

И в этих условиях он продолжал свое дело: организовал марксистский кружок, переписывался с ревельскими марксистами, получал от них газеты и книги.

Это было уже после январских событий 1905 года.

Прасковья Ивановна сидела за прялкой. Случайно она глянула в окно. Крупными хлопьями падал снег. Видит мимо окон проезжает пара лошадок, запряженная цугом.

Лошади завернули во двор, и она увидела *кто* встал из саней.

Выскочила, как была, неодетая.

Бабушка крикнула: «Паша, куда ты?»

И тоже увидела, тоже побежала навстречу.

Дедушка лежал на печи и встать быстро не смог — отец уже был в избе.

Шапка на нем была меховая, а пальтишко осеннее. Дедушка взглянул и сказал: «Я выхожу теперь мало, ты мою шубу носи. Примерь-ка».

Отец сразу вошел в заботы по дому. Семен, младший брат, был опять в отходе, все в доме ждало сильных мужских рук.

Пришла пора объезжать молодую лошадь. Отец помог сестренке надеть на лошадь хомут, запрячь ее в сани.

Сестренка подала ему вожжи: «Ты хозяин, ты и править садись».

Отец ответил: «Нет, ты тут хозяйка, а я только гость».

Прасковье Ивановне было тогда четырнадцать лет. Наверно, ему хотелось увидеть, что

Под пасху шли святить куличи.

сестренка умеет. Поспорили, она подчинилась, села вперед, взяла в руки вожжи.

Он сел спиной к ветру, притулился к спине сестренки.

Лошадь сразу послушалась и побежала, навстречу — снежок. Отец сидел, подняв воротник, и радовался, что рядом сестренка, что он дома, что снег, что ветер, что такой хороший зимний денек. Они так хорошо тогда прокатились, что Прасковья Ивановна и сейчас улыбается совсем молодой улыбкой, когда вспоминает эту поездку.

Как-то валил отец с мужиками и бабами лес. Сели передохнуть. Женщина одна подсела к нему, спросила: «Так что же такое, Михайло, тюрьма?»

Он рассказал, как били, как по сговору с товарищами шесть суток пищи не принимал. Бабы вздыхали: целых шесть суток! Смотрели на него с любопытством и жалостью — столько перетерпел, а вот такой же, как все в деревне, ничем и не отличишь его.

Дедушкин дом был ветхий, неказистый.

Подошла пасха. Бабушка сделала кулебяку — это блин из черной муки, а в него творог завернут, вроде ватрушки. Положила на кулебяку пару яиц, завернула все это в чистое полотенце, а потом завязала в белый платок.

Кто-то должен был в церковь идти — святить кулебяку и яйца. А до церкви пять верст, встать нужно рано, чтобы поспеть к заутрене. Дедушке пяти верст не пройти, у Паши сапоги прохудились. Бабушка решила уж было сама пойти. Отец предложил: «Хотите, я схожу в церковь?»

Это он бабушку, наверное, пожалел: день суетилась и ночь не спать.

Вышел отец из избы, а дед говорит: «Ты бы сама, мать, сходила. Боюсь, не начудил бы он чего».

Бабушка не согласилась: «Нет уж, пусть идет, раз согласен. Хорошо, что он постоит на заутрене: люди его безбожником называют».

У паперти собралось много парней и молодых мужчин. Приехали они из города домой на праздник — вот их и послали с узелками в церковь. Утро было холодное. Пока церковь еще не открылась, зашли в сторожку погреться. Кто-то узнал отца, спросил его, что нового в Питере. Слово за слово, разговор завязался о «кровавом воскресенье» девятого января. Уже церковь открыли, сторож гонит парней, а им не оторваться никак от свежего человека, который в курсе столичных событий.

Спохватились, когда заутреня кончалась.

Освятил отец кулебяку с яйцами или нет, так и осталось тайной. Вернулся он домой как ни в чем не бывало. Бабушка была довольна, что он побывал в церкви.

У нас на пасху сначала в церкви служба, потом священник с дьяконом по избам ходят.

К вечеру и в наш дом пришли. Священник попросил всех выйти из дома, остался с дедом наедине.

«Что же, Иван, с сыном твоим будем делать? Опять крамолу разводит. Всю заутреню в сторожке вторую службу служил».

Дедушка слушал его, потом вдруг вскипел: «Сын у меня взрослый и грамотный. Вот вы с ним самим и поговорите. А я что могу?»

Отец Василий тоже вскипел: «Он твой сын — ты его и учи. Тебя мне жалко, а то б доказал».

Когда священник ушел, дед объяснил бабушке: «Видно, отец Василий разговаривал уже с Михайлой, да не сумел ни в чем его убедить. Это ему не со мной разглагольствовать».

В тот вечер дед снова имел разговор с отцом. Только разговор был у них уже не такой, как прежде.

«Я ведь знаю, Михайло, наверно, ты прав, но мало вас, очень мало таких, как ты. Прав ты, а все равно это бесполезно. Зря только мучаешь нас и себя».

Отец за победу счел и то уже, что он прав!

Со здоровьем у дедушки становилось все хуже. Во всем стараясь помочь ему, отец ходил за него и на сходки. Мужики на сходках ругались, дело доходило чуть не до драки. То лес поделить не могут, то сенокос...

Отцу иногда удавалось найти решение, выгодное для всех, и помирить мужиков. Те стали к нему привыкать. То боялись словом с ним перемолвиться, а теперь приходили за советом: он знал законы, просили жалобу написать. Иные даже говорили: «Ему старостой быть бы, а не «политическим».

На этот раз около года прожил отец в Верхней Троице, кончил полевые работы — и снова в Питер.

Это было осенью пятого года. Какое-то время отец находился на нелегальном положении, так как не имел разрешения на жизнь в Петербурге. Но он не мог не приехать сейчас сюда: шла подготовка к восстанию. Приехал и стал сразу работать в Нарвском райкоме партии, создавал рабочие боевые дружины.

Когда в Москве вспыхнуло восстание, из Петербурга на подавление восстания отправили войска. Отец был среди рабочих, готовых ценой почти верной гибели взорвать железнодорожный мост, чтобы не пропустить эти войска. Вместе с товарищами он пережил тогда тревожную ночь: собрались в его комнате, ждали взрывчатки...

В эти напряженные дни на квартире у большевички Татьяны Словатинской, с которой отец был связан еще по ревельскому подполью, он встретил маму. Мама уже участвовала в ревельской забастовке ткачей. Потому-то она и приехала в Питер—ей нельзя было оставаться в Эстонии. Так уж случилось, что там, на родине матери (мама — эстонка), они прошли где-то недалеко друг от друга и не встретились, а здесь, в этом огромном бурлящем Питере, друг друга нашли.

Тут в их жизнь ворвались такие события, как стачка на Путиловском и увольнение отца (он успел снова поработать на Путиловском какое-то время), избрание его в Петербургский комитет партии, нелегальная поездка в Стокгольм, участие в партийном съезде, поручение организовать металлистов Васильевского острова в профессиональный союз.

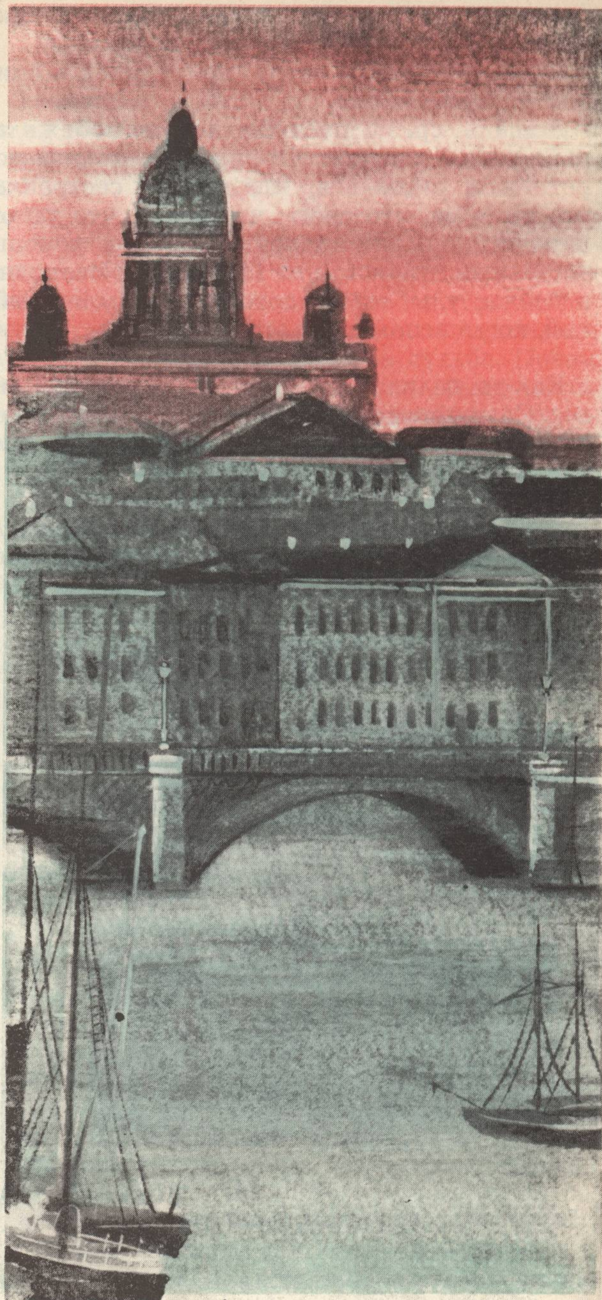
Такой неспокойной обещала быть и вся остальная жизнь.

Во время всех этих бурь и волнений отец снова устроился токарем, теперь уже на военный завод. Один из товарищей рекомендовал его начальнику своей мастерской как родного дядю, только что приехавшего из деревни. На разговор с начальником явился степенный мужичок, стриженный под скобку, в ватном пиджаке, в русской рубахе, в русских простых сапогах. Такая солидность была во всем его облике и такой у него был неторопливый, спокойный говор, что никаких сомнений у начальника не возникло.

Здесь, на Трубочном заводе, отец создал большую организацию коммунистов.

Один из рабочих, который в ту пору был настроен против большевиков, потом вспоминал: «Часто у нас с ним бывали споры. Хочешь что-то ему доказать, а он обязательно тебя разобьет. На вид так себе мужичишка, бородка общипанная, а никак нельзя было устоять против него».

В шестом году мама и отец поженились, и отец повез ее в Верхнюю Троицу. Как вспоминала мама, ее поразила красота нашей деревни: синяя Медведица, а вокруг леса и леса — целое море. Но с порядком верхне-

Вот он, официальный, холодный Петербург.

троицкой жизни, вернее, с ее беспорядком, она не могла примириться.

Мама знала, что такое нужда. Отец ее был сапожником, на фабрику она пошла восьми лет, в четырнадцать уже была заправской ткачихой, она участвовала в стачке, когда ей было только семнадцать. Но такой нужды и такого быта, как у нас в Верхней Троице, в Эстонии она не видала.

Ей трудно было понять, как это так: живут в лесах, а баню себе не срубят, моются в русской печи, там же, где пекут хлеб. Живут на земле, а впроголодь, сидят на картошке, а коровье масло, если и наберут за лето, так продают.

Маме все это было дико.

Через год, когда они ждали ребенка, отец снова отвез маму в деревню. Ему казалось, что маме здесь будет спокойнее. Но, по правде сказать, маме в деревне не очень-то были рады. И не венчаны они были с отцом, и говорила мама по-русски плохо, и приданого за ней не было никакого, а главное — хотя и не белоручка она была, с детства в труде, а все-таки городская, крестьянской работы не знала совсем. И то сказать, в доме беда: дедушка был так слаб, что в сенокос его на телеге возили, только чтобы взглянул на травы и дал совет, а вскоре дедушка умер; в каждом углу — нужда, а отец то в тюрьме, то в ссылке да еще невестку такую привез — только смотри на нее. Лишний рот, а помощи никакой. Ни печь истопить, ни хлеб испечь, ни жать, ни косить, ни молотить, а уж пахать совсем не умеет — в Эстонии женщины вообще никогда не пахали.

Характером мама была вспыльчивая, прямая. Словом, не ужилась она в Троице, взяла и уехала в Петербург.

Отец все еще работал токарем на Трубочном заводе. Пока не было мамы, он переселился на остров со странным названием Голодай и уже собирался было на отпуск ехать в деревню. Здесь, на острове Голодай, родился у них первый ребенок, мальчик.

Как-то отец пришел очень поздно. Пришел не один — привел товарищей показать им сына. Вынул его тихонько из постели, на стол положил, распеленал, показал не только ноги и руки, но каждый пальчик в отдельности — так он гордился сыном.

Как я говорила уже, назвали мальчика Валерьяном.

После рождения Вали у мамы с отцом был разговор, определивший их жизнь на многие годы. В ту пору, когда они познакомились, мама уже посещала питерские подпольные кружки, слушала выступления социал-демократов, меньшевиков и большевиков. Ей понятнее были большевики: мама всегда была человеком решительным, энергичным. терпеть не могла никаких полумер. Она собиралась вступить в партию, выполняла отдельные поручения и даже была выбрана в Петербургский Совет рабочих депутатов. Но вот родился ребенок — как же теперь? Отец «ненадежный»: сегодня здесь, завтра — в тюрьме. В то время он был членом Петербургского комитета, членом Петербургского правления союза металлистов, секретарем Василеостровского районного бюро союза металлистов, руководил партийной организацией Трубочного завода.

Правда, однажды случилось так, что маленький Валя ему помог. Отец нянчил его, поджидая маму, она куда-то ушла и задержалась, а отцу нужно было идти на заседание Петербургского комитета. Оставить новорожденного одного отец не решился. Он опоздал на полтора часа. Подходит к дому, где было назначено заседание, и видит, что дом оцеплен солдатами. Не останавливаясь, он прошел мимо, предупредить остальных товарищей. Но эта удача, конечно, не значила, что и дальше все будет сходить так счастливо.

И мама с отцом договорились: пусть он делает то, что должен, и за себя, и за нее, а она для сына себя побережет.

И верно, не успел Валя головку поднять, как отца выгнали с Трубочного завода. Поводом было то, что он вступился за несправедливо уволенного рабочего. Через какое-то время он устроился на оптический завод Рейзеля. Но ясно было, что скоро он опять лишится работы, а то и сядет в тюрьму. Отец стал уговаривать маму ради ребенка хотя бы до осени поехать в деревню. Очень не хотелось маме опять ехать в Троицу, но чтобы отцу было спокойно, она согласилась.

В деревне начались для нее все те же мучения. Крестьянская наука давалась ей нелегко.

Мама написала отцу, что уезжает с ребенком к своей матери. Он ей ответил: «Зачем же к матери? Приезжай сюда, будем вместе».

Отец к тому времени перебрался в Москву: в Питере полиция житья ему не давала. В Москве он поступил на Лубянскую электростанцию — стал монтером.

Когда мама с ребенком приехала, отец снял на Полянке две маленькие комнатки в мезонине. Мама купила на рынке несколько ящиков из-под яблок, отец смастерил из них стол, шкаф для посуды, кроватку для Вали — сами они с мамой спали пока на полу.

Жили, во многом отказывая себе, но дружно.

Кроме работы на электростанции, отец разносил подписные книги по адресам. Это давало дополнительный заработок, и было удобно посещать нелегальные квартиры.

В августе девятого года в этой квартире родилась я.

Недолго мы тут пожили. Случилось так, что скоро в Верхней Троице бабушка осталась с Пашей одна.

Разуверившись, что в деревне можно одолеть нужду, уехал из дома Семен. И Надя отчаялась, вслед за братом бросила дом, потерять который еще недавно страшилась. Поселились они на Кавказе, о котором в деревне рассказывали, что это, мол, не земля, а рай. Вот и приехала бабушка за мамой в Москву: «Едем, Катерина, в деревню, веди хозяйство сама, я уж не знаю, за что браться, буду заниматься с внучатами». Отец тоже стал уговаривать маму. Он понимал, как непрочно положение нашей семьи в Москве: его не сегодня-завтра опять арестуют, а мама с нами, двумя ребятами, работать не может. Да и нельзя совсем запускать хозяйство в деревне. Как там ни трудно, а все же это более верный источник существования.

Весной десятого года мы отправились с бабушкой в Троицу.

Теперь-то и пришлось маме по-настоящему привыкать к крестьянскому делу. Даже пахать она научилась.

Мужчины удивлялись: «Смотрите, даром, что Екатерина Ивановна городская, а свою полоску разделала, как подушку пуховую».

Дом наш одним концом клонился уже к земле, крыльцо и сени перекосились. Лошадь хоть и была, но больная. Сбруя веревочная, залатанная, перевязанная мочалкой. Телега едва живая, колеса худые — нужно их перетягивать. Отец в эту пору зарабатывал мало — все время отдавал партийной работе. Того, что ему удавалось послать в деревню, едва хватало на уплату страховки, на подати, на соль и на спички.

Перерыла мама весь дом, горницу и сарай: искала, что можно продать, чтобы поднять хозяйство. На дне сундука нашла спрятанные дедом, должно быть, «про черный день», карманные серебряные часы. Продали их соседу за восемь рублей.

В сарае под поленьями лежали огромные дровни. Посоветовались они с бабушкой и продали дровни за двенадцать рублей.

Собралось целых двадцать рублей.

На эти деньги они с бабушкой заказали новую сбрую — не веревочную, а ременную, починили плуг, борону и телегу.

К концу лета мама совсем освоилась в деревне, забыла, что когда-то чувствовала себя здесь чужой. Теперь и у отца на душе стало спокойнее: хозяйство в Троице какое ни бедное, а на ходу; в случае если его снова посадят, мы, ребята, все же будем накормлены.

Осенью после очередного ареста его выслали в Верхнюю Троицу на поселение. Каждую неделю он должен был отмечаться в волости. Выезд в город, даже в самый ближайший, не разрешался, приходилось искать заработок на месте.

В соседней деревне Никулкине жил коробейник, торговал по деревням всякой всячиной, в том числе путаной ниткой. Вот он и посоветовал отцу этим заняться. Ездил отец по ярмаркам и базарам, возил в лубяных корзинах путаные нитки, но ничего у него не вышло из этого: сколько он тратил на товар, столько и выручал, даже убыток был.

Бросил отец это, занялся крестьянским хозяйством. Все лето работал в поле, а мама с мая, когда приехали в свое имение Болтовские, нанялась к ним доставлять почту из Кашина. Лошадь у каждого летом занята в поле, поэтому требовался ходок.

За лето она прошла более тысячи километров.

Был еще один источник «дохода»: выжигали древесный уголь. Мама возила его на продажу в Кашин. Так они с отцом поменялись обязанностями: он работал в поле, следил за скотиной, а мама добывала деньги на уплату податей.

Но осень пришла, и отец сказал маме, что должен ехать. Она не спорила: год побыли вместе — и то уже счастье.

Уехал он не в Москву, а в Петербург — опять нелегально.

Об одной из таких поездок он писал потом, вспоминая прошлое: «Приедешь из провинции на Николаевский вокзал, денег, по обыкновению, ни гроша, выходишь на Знаменскую площадь, идет... мокрый снег. Скупой питерский свет скрывает конец проспекта... Вдыхаешь полной грудью воздух столицы. Ах, как хорошо!

Если есть деньги, на трамвай сядешь, а нет — быстрее трамвая айда на Васильевский, Выборгскую или за Нарвскую заставу, к выходу рабочих с завода. Там встреча с товарищами... Кормят обедом, устраивают с квартирой. Пускаются в ход все пружины...

Вечером — тесная компания — идет обсуждение заграничных новинок, новые тезисы Ленина...»

Ему удалось поступить токарем-лекальщиком (специальность, требующая самого высокого мастерства) на Орудийный завод.

Рабочие вспоминают, отец пришел на завод на вид уже немолодым. Он выглядел старше своих лет: заботы и тюрьмы не молодили. Ходил он в косоворотке и в пиджаке, железная оправа очков была у него сломана и скреплена проволокой. Как просто он выглядел, так просто и держался, не упускал ни одной возможности побыть вместе с товарищами по работе, хотя заботы его не ограничивались только одним заводом.

В перерыв рабочие со своими кружками, свертками собирались между станками вокруг большого общего чайника. Здесь же присаживался со своей кружкой отец. После получки рабочие шли в пивную или в трактир — и он шел с ними, хотя всем было известно, что он не пьет. Поставит рюмочку перед собой да так и просидит с нею весь вечер. Зато сколько за вечер услышит и сколько расскажет!

Начинал он всегда с самых простых, каждому понятных, близких вещей, а потом далеко уводил за собой.

Говорил доходчиво, и в ту пору уже не любил громких, эффектных фраз. Если слушатели слишком громко его одобряли, просил: «Ребята, не надо». Он старался не быть на виду. Была тут и врожденная скромность, и, конечно, значение имело его нелегальное положение, необходимость соблюдать конспирацию.

Кто-то из рабочих во время одного такого разговора вдруг почему-то сказал: «А знаешь, Михаил Иванович, если наша революция победит, мы тебя выдвинем на пост церемониймейстера наших пролетарских праздников».

Отец засмеялся: «Чудак, какой же я церемониймейстер, если я и в очках дальше как через дорогу не вижу».

Теперь он реже выступал при открытых столкновениях с администрацией. В молодости шутил иногда: «Вот сяду в тюрьму — отдохну». Теперь считал, что не имеет права тратить время на тюрьмы.

На заводе вспыхнула стачка после того, как администрация снизила расценки. Атмосфера накалилась, и начальство прибегло к «резервам», как говорили рабочие. Выступил полковник Михайловский, это был единственный человек из администрации, к которому рабочие были расположены. Он уговорил было рабочих приступить к работе. Пообещал, что через год администрация пересмотрит расценки и выплатит разницу. Тогда отец, стоявший в сторонке, подозвал одного из рабочих и подсказал ему, как повернуть ход разговора.

Рабочий последовал совету отца и, прикинувшись простачком, задал коварно-невинный вопрос: «Все это хорошо, Михаил Васильевич, мы вам верим, только скажите нам адрес той лавочки, где нам будут давать продукты в кредит, под обещание, которое вы нам дали».

Этот вопрос и полковника обескуражил и рабочим открыл глаза. Миссия полковника потерпела крах, рабочие добились надбавки.

И все же как ни осторожен теперь был отец, скоро его снова арестовали и выслали в Троицу.

Только он приехал в деревню, как нагрянули к нам жандармы и все в доме перевернули.

Об этом обыске и теперь помнят в Троице. Рассказывают, что приехали сразу три тройки: урядник, пристав, жандармы — кто из Кашина, кто из Твери, а кто и из самого Петербурга.

Отец в этот день молотил на гумне и только подъехал с возом к своей избе, как ему навстречу ребята: «Дядя Миша, гляди, к тебе из города сколько приехало».

Он и сам увидел, что дома неладно: вокруг избы уже собрался народ.

Отец спокойно прошел в избу; говорят, что какие-то нелегальные листовки у него все же имелись: то ли при себе были, то ли он их прятал в сенях, только по рассказам выходит, что он сумел пройти из сеней на кухню и сунуть эти листовки в самовар: одни говорят — туда, куда уголь сыплют, другие — куда льют воду.

Потом отец прошел в горницу, встал у стола и, как полагается хозяину дома, поздоровался с непрошеными гостями. Так он и стоял у стола, пока они все переворачивали в доме, в сенях, на чердаке и в чуланах — на всех полках, во всех сундуках. На дворе весь навоз вилами перерыли — ничего не нашли. Только самовар не тронули, слишком уж мирно выглядел он, чтобы внушать подозрение.

Теперь-то, когда видно было, что в Петербурге за ним следят, мог же он хоть сколько-то задержаться дома — только дела в хозяйстве стали чуть лучше, и мама уже снова ждала ребенка. Нас, ребят, он любил. Возился с нами. Один на колени ему залезет, другой — сзади, на плечи, а то устроим с ним «кучу малу», пока мама нас не разгонит.

И все же в конце года он снова сказал маме, что должен ехать.

Мама отвезла его на лошаденке до станции и в январе, оставив нас бабушке, отправилась вслед за ним.

Отец опять жил в Петербурге, опять нелегально, опять работал токарем-лекальщиком на Орудийном заводе, входил в состав только что восстановленного после разгрома Петербургского комитета партии большевиков.

Снимал он угол в комнате у хозяйки — три шага в длину, два шага в ширину. Условий для мамы в ее положении, конечно, тут не было, и через несколько дней отец отправил маму в Нарву, где жили ее родители. Там родился у нее третий ребенок — Лида.

Вале было четыре с половиной, мне — два с половиной, и вот в нашей семье еще одна девочка!

Мама заехала в Петербург, показала маленькую отцу и вернулась в деревню.

Теперь, когда в семье было трое детей, жить стало еще труднее. Среди всех своих дел отец никогда не забывал позаботиться о семье арестованного или уволенного товарища: то ли поручит кому-то деньги собрать, то ли сам соберет, отнесет их жене или матери. Но для себя к помощи товарищей он почти не прибегал (разве что в крайних случаях). Говорил обычно: «Не следует к этому привыкать, если взялся за дело, так нечего ныть».

Летом он приехал опять в деревню, помог маме и бабушке справиться с сенокосом и уехал обратно.

Он сказал, что это был отпуск, но, может быть, это снова была высылка после ареста.

В октябре мама приехала к нему повидаться, взяла с собой Валю и Лиду.

Не успели они побыть с отцом и неделю, как его снова арестовали. Мама не знала, в какой он тюрьме, обращалась во все полицейские участки, ей отвечали, что такого не знают.

Как-то утром мама одела Валю — ему тогда было лет пять, завернула в одеяло Лиду — она еще грудная была,— завязала в платок булку и пошла с ребятами в охранное отделение — оставить их было не с кем. Зашла в приемную, где сидел дежурный, и сказала, что никуда не уйдет, пока ей не скажут, где ее муж и когда он вернется обратно.

Сидела так с ребятами целый день. Лида кричала на всю охранку. Наконец маме сказали, что дня через три муж ее будет дома...

Мама в это не очень поверила, пообещала, что, если через три дня не будет отца, она снова придет сидеть здесь с детьми, пока его не отпустят.

Кончались уже третьи сутки. Выкупала мама ребят, уложила их спать в девять часов, выстирала пеленки. Вот уже десять, а нет никого.

Мама подумала, что ее обманули, решила, что завтра пойдет опять и хоть три дня будет сидеть, а своего добьется.

В половине одиннадцатого она легла спать, а уснуть не может. За стеной уже пробило одиннадцать, в доме тихо, все уснули давно, а она лежит, к каждому шороху прислушивается.

Вдруг слышит — хлопнула нижняя дверь, слышит быстрые шаги по лестнице, тихий стук. Вскочила, что-то накинула на себя, открыла дверь — он!

Мама вспоминала, что это была очень счастливая встреча. Побыли они немного вместе, и снова маме пришлось отправиться в Троицу. Там ведь была я, бабушка, все наше хозяйство. Что бы делали отец и мать во всех этих бурях с нами тремя, если бы не было этого твердого островка — нашей избы в три окна и скупого надела нашего в Верхней Троице.

В тринадцатом году отец работал на заводе «Айваз».

Здесь были собраны лучшие металлисты Питера. И в таком коллективе, как говорили товарищи, работавшие с отцом, он был одним из трех лучших токарей-лекальщиков завода. Станок у него был очень маленький и всегда содержался в особой чистоте и аккуратности. Работа на этом станке требовала большого навыка, смекалки, выдержки и терпения. Мастера такой высокой квалификации считались рабочей аристократией и часто к другим рабочим относились высокомерно. Можно и не говорить, что отцу это никак не было свойственно.

Ходил он в ту пору с бородкой клинышком, носил все те же поломанные очки, скрепленные проволокой или ниткой, и побуревшую, видавшую виды шляпу. Молодым рабочим он казался совсем стариком, хотя ему было тогда меньше сорока. Дело тут, может быть, не только в том, как он выглядел, а в том, какое место он занимал в коллективе. На заводе собралась сильная группа меньшевиков. Нередко у отца возникали с ними ожесточенные споры. Противники его, желая доказать свою правоту, кричали, стучали кулаком о верстак, а он взглянет на них, поправит ломаные очки и докажет свое — весело и без крика. Таким вспоминают его те, кто с ним работал. Он был действительно старшим.

В ту пору отец принимал большое участие в работе новой большевистской газеты «Правда». Газеты доставляли на заводы прямо из-под типографской машины, прежде чем цензура успеет наложить на номер запрет. К этому опасному делу отец привлекал молодежь. Поручал молодым и выступления. Один из молодых в ту пору рабочих потом вспоминал: «Хорошо нам было тогда рядом с ним. Всегда он был бодрый, жизнерадостный и веселый».

Иногда отец приезжал ненадолго в деревню — чаще он делал это, когда над ним нависала угроза ареста. Иногда мама навещала его, беря с собой то одного, то другого из нас. Так и жила наша семья. К этому времени у нас появился еще один мальчик — Шура.

В шестнадцатом, закончив постройку нового дома, мама приехала к отцу со мной и с Валей.

Помню высокую, длинную комнату.

В комнате трое незнакомых людей.

Я не могла понять, почему гости так странно себя ведут — отодвигают стол, кровать, роются в ящиках и на полках, все переворачивают, бросают на стол бумаги, будто они тут хозяева, а не гости, почему отец с ними ни о чем не говорит, а просто стоит посреди комнаты, руки за спину, будто он здесь чужой, а не они.

Потом эти люди увели с собою отца. Позже я узнала, что это был *обыск и арест*. Когда они ушли, мама уложила нас спать, стала все приводить в порядок.

Уехать из Питера она теперь не могла: беспокоилась за отца, разыскивала его. Пришлось ей устраиваться на работу. Здесь нас двое, а в деревне еще двое и бабушка. Там нужно платить и подати, и страховку за дом, и кому-то, чтобы помогли бабушке управиться с хозяйством.

Вот и решила мама поступить вместо отца на «Айваз». Хорошо, что в то время в Петербурге жила ее мама, наша вторая бабушка, мама перебралась с нами двумя к ней на Выборгское шоссе. Здесь она могла оставлять нас, пока работает на заводе.

Стала мама зарабатывать, посылать деньги в Троицу и продолжала искать по полицейским участкам отца.

Наконец, когда отца перевели из участка в тюрьму, мама получила свидание с ним, взяла с собою меня.

Помню большой коридор, в котором и стены и потолок — все было серым. В двери — зарешеченное окно, по ту сторону решетки — отец, с этой стороны у окошка — мама. Они разговаривают о чем-то между собой. Я стою на другой стороне коридора и ничего не могу понять. Я уже знаю слово *тюрьма*, знаю, что мы в тюрьме, но что это такое, почему отец не хочет подойти к нам поближе, это до меня не доходит.

В памяти осталась еще одна встреча в тюрьме — возможно, что это была уже дру-

гая тюрьма: большая комната, перегороженная двойной решеткой, по одну сторону отец и еще много мужчин, все в серых халатах, по другую — мы с мамой, другие женщины и ребята. Многие плачут, а моя мама не плачет.

На этот раз я запомнила их разговор: говорили они про Валю, про Шуру, про меня и про Лиду. Отец беспокоился о нас, спрашивал маму, как она справляется с нами.

Помню отца худощавым, подтянутым, стройным: таким он стоял перед нами в тот день за решеткой, таким был всю жизнь — он никогда не полнел.

На этот раз я уже понимала, что отец не может к нам выйти, что он не волен делать то, что ему хочется.

В августе стало известно, что следствие по его делу закончено и его высылают этапом в Сибирь.

На свидании отец просил маму похлопотать, чтобы ему разрешили ехать в ссылку не этапом, а на собственный счет: он, мол, хочет побыть дома, проститься с семьей.

С большим трудом маме удалось добиться такого разрешения. Отец вернулся домой в ноябре, просидев в тюрьме одиннадцать месяцев. Товарищи посоветовали ему не торопиться с отъездом: надвигались решающие революционные события. Он устроился работать в механической мастерской около Финляндского вокзала под маминой девичьей фамилией Лорберг.

Не прошло двух недель, как снова полиция нагрянула с обыском. Ничего не нашли, но в доме все раскидали. На другой день отец покинул нашу квартиру.

По решению Петроградского комитета партии он перешел на нелегальное положение. До февраля семнадцатого года я его больше не видела.

Маме запомнился тот февральский день, когда в цехе, где она работала, кто-то закричал: «Собирайтесь на митинг!» — и в цех внесли красные флаги.

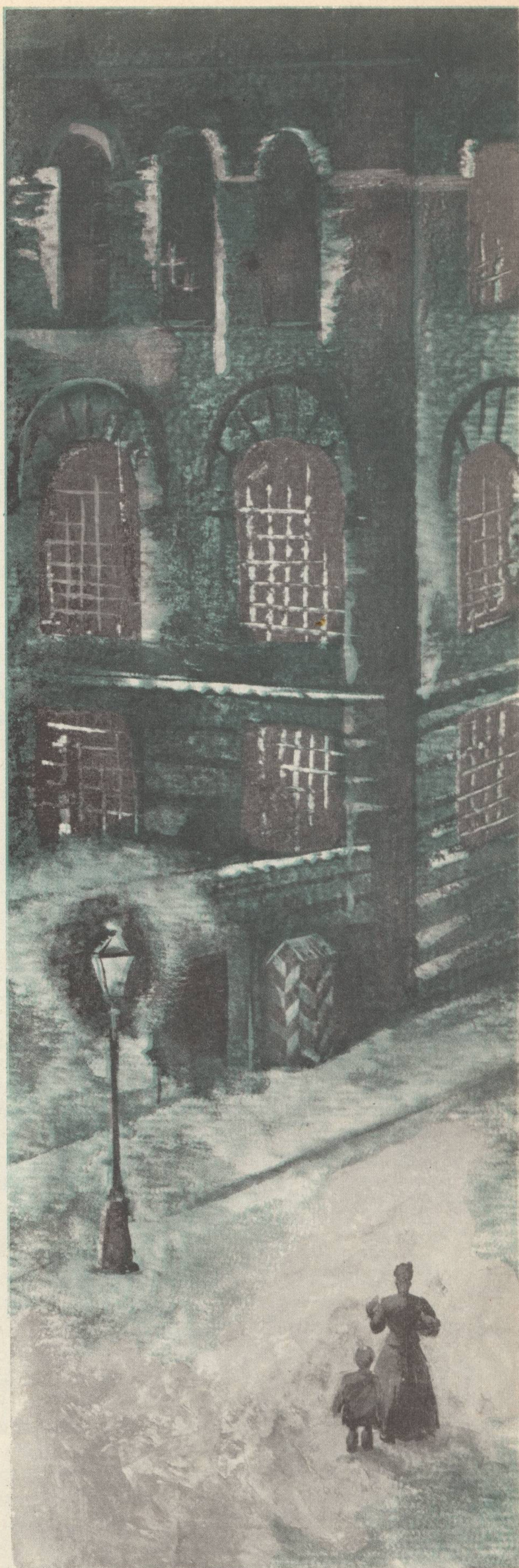
На Невском, куда со всех концов Питера шли рабочие, женщины бросались к казакам, хватали лошадей за уздечку, стаскивали верховых за ноги, просили, молили, требовали, чтобы казаки переходили на сторону народа.

Среди этих женщин была и мама.

А отец в это время был среди тех солдат и рабочих, которые брали Финляндский вокзал. Овладев вокзалом, толпа не знала, что делать дальше. Солдаты кричали: «Где вожаки, ведите нас!..»

Отец быстро поднялся на платформу, крикнул: «Если хотите иметь вождей, то вот, рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить!»

Вечером мама возвращалась домой, к нам на Выборгское шоссе. У Литейного моста

Мама пошла с ребятами в охранное отделение.

пылало жандармское управление. Из окон выбивались языки пламени, вокруг бушевала толпа. Вот тут-то, у пожарища, мама и увидала отца.

Он только что был в «Крестах», куда ходил с рабочими и солдатами освобождать политзаключенных. Когда мама кинулась к нему, он воскликнул: «Катерина! И ты здесь!» А потом сказал: «Пойдем хоть по стакану чая выпьем!»

Они разыскали чайную на Литейном, выпили горячего чаю. Отец рассказал маме, какие задачи ставят сейчас большевики, говорил, что теперь ей обязательно нужно вступать в партию, партия должна знать всех, кем она может располагать. До этого он маму берег — и без того у нее на плечах была тяжелая ноша.

Недалеко от завода «Айваз» они снова увидели полыхавший на улице костер. Из окон полицейского участка в огонь бросали кипы бумаг. Отец посмотрел на огонь, сказал маме: «Сегодня мы можем спокойно спать, сегодня уж ни один полицейский к нам не придет». И они вместе пошли домой, к нам на Выборгское шоссе.

Кстати, именно в этом доме, в нашей квартире и состоялась в октябре конспиративная встреча Владимира Ильича, который находился тогда в подполье, с руководителями Петроградского комитета. На этой встрече обсуждался вопрос о вооруженном восстании.

На высоком посту

Весной семнадцатого года мы снова уехали к бабушке в Верхнюю Троицу. После Октября к отцу отправили Валю: ему уже нужно было учиться. Отец в ту пору был в Питере городским головой и как городской голова среди прочих своих обязанностей ведал изъятием хлебных излишков в городе. Как-то он пожаловался своему заместителю: «Беда мне с Валькой. Как ни спрошу его: «Хочешь есть?»— всегда отвечает: «Хочу». Но что же отвечать было Вале: он голодал в ту пору вместе с отцом, как и большинство других петроградцев.

А мы еще около года жили у бабушки.

Отец взял нас к себе в девятнадцатом году, когда после смерти Я. М. Свердлова по предложению Владимира Ильича был избран председателем ВЦИКа и переехал в Москву.

Из человека, которого преследовал закон и власть, он превратился в человека, стоящего во главе власти, в человека, без подписи которого в России не мог выйти ни один закон. Однако отец нисколько не изменился и на этом высоком посту сумел остаться таким же простым, естественным, доступным, скромным в быту, требовательным к себе и умеющим понимать других.

Мне запомнились чечевичная похлебка, которую изо дня в день давали нам на обед, и залатанные валенки, в которых нас повели однажды в Большой театр.

Все так жили в Кремле.

Только теперь, вспоминая те времена, я понимаю, какой суровой была наша жизнь. Тогда же нам, ребятам, это казалось в порядке вещей.

Отец в те годы мало бывал дома. Выдвигая его на пост председателя ВЦИКа, Владимир Ильич говорил о том, как важно завоевать доверие среднего крестьянина к Советской власти, к рабочему классу. Отца он считал человеком наиболее подходящим для решения этой задачи.

Как только отец был избран, он сразу же по предложению Ленина отправился на агитпоезде «Октябрьская революция» знакомиться с положением дел на местах, исправлять допущенные ошибки, разъяснять обстановку в стране.

Агитпоезд «Октябрьская революция» без конца колесил по стране. Это была буквально Советская власть на колесах.

Жизненный опыт отца, его навык общения с самыми разными людьми, приобретенный в революционном подполье, нашли отражение в этой работе, в которой он сразу оказался на виду у миллионов людей.

Это были годы гражданской войны, годы голода, тифа. Поезд приходил туда, где было всего труднее, где было опасней.

В Минске поезд попал под обстрел вражеских самолетов.

На юге, когда отец приехал в Первую Конную и, стоя на тачанке, выступал перед бойцами, тоже налетели вражеские самолеты и открыли огонь. Оружия у отца не было, да и слишком плохо он уже видел в ту пору, чтобы стрелком быть.

Он стоял под огнем во весь рост и ждал. Когда красноармейцы отбили нападение и наконец стало тихо, он как ни в чем не бывало продолжал свое выступление.

Случалось, что перед поездом взорван мост, или разобраны рельсы, или просто кончилось топливо для паровоза. Тогда выходили из вагонов, грузили топливо, переносили вещи из состава в состав. Работали все, и отец, как вспоминают его спутники, первым брался за дело.

Поезд встречали на самых далеких станциях. Иногда отец и его товарищи на санях или на машинах добирались до мест, где нет железнодорожных путей.

Бывало, что по русскому обычаю навстречу им выносили хлеб-соль, а чаще бывало, что там, куда они приезжали, не было ни хлеба, ни соли, и вот об этом-то самом насущном и шел разговор.

«Моя цель, моя главная цель,— говорил отец,— непосредственно подойти к уезду, к волости, к трудящемуся народу, отдаленному

от центра, и узнать его нужды, подслушать голос самой жизни».

Сейчас, когда перечитываешь стенограммы его бесед с людьми, слышишь в них как раз то самое, что он хотел услышать,— голос самой жизни.

— Вот, товарищи, перед вами власть,— говорил отец, приехав к казакам,— вы можете изложить перед ней все свои нужды...

— Я объезжаю города и волости России,— говорил он крестьянам Самарской губернии,— чтобы, с одной стороны, ознакомиться, насколько укрепляется новый порядок, а с другой стороны, исправить на местах те огромные неурядицы, которые продолжают существовать.

Впрочем, дело не ограничивалось исправлением ошибок местных властей. Вопрос ставился шире:

— Товарищи! Я приехал услышать от вас, как вы живете. Сейчас вы каждую просьбу можете довести до самого центра.

Информация поступала непосредственно Ленину, и многое тут же на ходу исправлялось.

Он не уклонялся от трудных встреч; не боялся идти к голодающим. Когда перед ним была тяжелая правда жизни, главным его оружием была тоже правда — честное, откровенное слово.

К крестьянам села Вязовый Гай, Самарской губернии, он приехал в августе двадцать первого года: здесь после засухи дело дошло до того, что ободрали кору с деревьев — люди умирали с голоду.

Его ответы на вопросы крестьян — это ответы и главы правительства, приехавшего помочь народу, и крестьянина, понимающего крестьянские беды.

Как ни трудно было, отец удержался, не пообещал больше, чем мог. Единственное, что он позволил себе сказать, расставаясь: «Сделаем все, что в силах».

Стенограмма этого разговора, который протекал далеко не гладко, не без горьких упреков со стороны крестьян, кончается такой записью. Кто-то из толпы крикнул: «Приветствуем, что вы не обещали того, чего нельзя сделать».

Зато тем требовательнее он говорил в тех губерниях и городах, где считал возможным взять хлеб для голодающего Поволжья, куда он приезжал уже как председатель Помгола (так называлась созданная тогда при ВЦИКе Центральная комиссия помощи голодающим).

Он всегда говорил правду, независимо от того, перед какой аудиторией выступал.

Ленин дал тогда такую оценку этой работе отца: «Благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок».

Литературная запись Ю. КАПУСТО.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

МИЛЛИОНЫ ПРОВОЗГЛАСИЛИ—

Москва. Конгресс миролюбивых сил. Ортенсия Буси де Альенде отвечает на вопросы советских журналистов.

Корреспондент «Пионера» встретился с вдовой погибшего президента Чили Сальвадора Альенде Ортенсией Буси де Альенде. Вот что она сказала:

— Я рада приветствовать пионеров СССР. Меня воодушевляет то, что вы знаете, как много сделано для чилийских детей правительством Народного единства под руководством президента республики Сальвадора Альенде.

Одной из первых мер нашего правительства было обеспечить молоком всех детей Чили, чтобы восполнить нехватку продовольствия, поддержать их здоровье и растущие силы.

У нас открылось много новых школ, но их было недостаточно, и тогда старые автобусы приспособили под школы, чтобы в каждом районе, каждом селении была у ребят своя школа.

Мы создали более двухсот яслей и детских садов, чтобы за детьми чилийских трудящихся был хороший уход и чтобы они получали здоровое питание с первого месяца жизни. Наши планы предусматривали довести в 1973 году до четырехсот число детских садов.

В президентском дворце, близ города Винья-дель-Мар, проводили лето группы детей: лучшие ученики, лучшие спортсмены, дети шахтеров, крестьян.

Не раз чилийские дети приезжали в вашу страну, в «Артек», чтобы жить вместе с детьми других народов мира, поближе узнать дела детей в Советском Союзе.

Военный фашистский переворот 11 сентября 1973 года поверг нашу родину в атмосферу разрушения, преступлений, преследований, ужаса и пыток.

Мы оплакиваем гибель нашего дорогого товарища Сальвадора Альенде и тысяч мужчин, женщин, юношей и девушек.

Меня очень взволновало, что вы обратились ко мне с просьбой сказать несколько слов ребятам Советской страны. Я говорю: СОЛИДАРНОСТЬ! СОЛИДАРНОСТЬ с детьми и молодежью Чили, чтобы они смогли вновь смеяться, петь, участвовать в чемпионатах, свободно жить в нашей прекрасной стране и чтобы у нас тоже были пионеры, как у вас.

С дружеским приветом

Ортенсия Буси де АЛЬЕНДЕ.

Солидарность с народом Чили!

Я хочу рассказать тебе о том, что видел, что узнал и почувствовал в те солнечные дни осени 1973 года в далекой стране Чили — стране, лежащей между строгими и мудрыми горами и океаном, то тихим, когда он ласкает берег мягкой волной, то великим в своей неукротимой ярости. Со мною навсегда широкие просторы и спокойное величие Анд. Можно вскарабкаться до растущих на каменных выступах колючих кактусов. Голубоватые их стволы протягивают ввысь свои жесткие ладони-листья. Вокруг царит тишина. Если глядеть вниз с этой вершины, увидишь зеленые долины, островки кустов, широкие кудрявые купы деревьев среди распаханных полей.

Я хочу описать тебе лица друзей — старых и молодых и совсем-совсем юных. Сквозь усталость, озабоченность светилась в них гордость. Гордость людей, в суровой и трудной борьбе добывших победу.

Три года мы все каждый день разворачивали газеты и в колонках зарубежных телеграмм находили сообщения из Чили. С радостью, тревогой, крепнувшей надеждой прочитывали сообщения о стране, народ которой не захотел дальше жить в империалистической кабале, а захотел идти свободной, прямой, пусть нелегкой, но смелой дорогой вперед, к социализму. Как все мы старались узнавать об этой стране и этом народе больше, еще и еще! И вот случилось так, что мы, четверо пионерских работников и журналистов, были приглашены в Чили, чтобы познакомиться с тем, как живут, чем заняты рождающиеся по всей стране пионерские отряды, и рассказать о жизни и делах советских ребят.

*

Он был с улицы Республики, мой чилийский друг. Тихая, зеленая, малолюдная, уходила она влево от Аламеды, центральной авениды столицы. Когда-то в особняках ее, за фасадами, хранящими невозмутимое аристократическое спокойствие, жила знать. Но с некоторых пор на улице Республики появились новые обитатели: в одном из домов разместился Центральный Комитет Коммунистической молодежи Чили.

Этот дом на улице Республики обладал великим могуществом. В нем хотелось бывать много раз и подолгу. Снуют по тесным коридорам, вверх и вниз по лестнице смуглолицые парни и девчата. Дела, если надо, решаются тут же, на лестнице, или во внутреннем дворике — патио, за столиками, расставленными под тенью виноградных лоз. Обстановка напряженная, нет, скорее напряженно деловая. И днем работает Центральный Комитет и ночью. Приезжают в ЦК усталые люди, видимо, издалека, и уезжают отсюда надолго по срочным и неотложным делам.

Вот тут-то я и познакомился с ним, моим другом, которого назову сейчас Мануэль, или Хуан, или Педро — я не называю его настоящего имени.

Мы приехали с ним в коммуну Сан-Мигель — один из рабочих районов Сантьяго. В тесной квартире собралось три десятка мальчиков и девочек. Самому младшему — шесть, старшим — по двенадцать. Это пионерский отряд «Лас Бананас». Шумно, весело, поют и говорят все сразу: «Распространяем газету «Сигло», «Даем концерты рабочим, придумали песню», «Убираем мусор на улицах», «Построили спортплощадку»... А

существует отряд всего год — это один из первых отрядов Чили.

Потом мы встречались с другими отрядами, побывали в одном из первых пионерских лагерей. Маленькие граждане в пионерских галстуках, с какой жадностью они берутся за работу, как радуются возможности быть вместе, дружить...

❄

Потом мой друг написал мне письмо в Москву.

Оно пришло позже — 12 сентября, когда московское радио передало сообщение о том, что в Чили произошел фашистский переворот. Убит президент! Предатели родины наступили на горло народу Чили...

А мой друг писал: «Мы живем, работаем. Нам трудно. Ты знаешь, как трудно. Но посмотри: дети в Барранкасе хохочут на спектакле, который придумали пионеры,— знаешь, это хорошо!» Письмо было отправлено 5 сентября.

❄

Я помню, помню, помню эту ночь на берегу Тихого.

Сонно катит гремящие валы Великий океан. Справа, сквозь листву узловатых дубов, грудой тлеющих углей лежит город Кокимбо. Слева мерцают огни Ла Сирены...

Ветер качает фонари. Свет их мечется по дощатым стенам домика.

— Ты не спишь, Владимир?

— Нет, не сплю.

— Я получил назначение, завтра еду.

Он завтра уедет... Ах, как жалко расставаться с человеком, который стал тебе близок и дорог! Он уезжал создавать пионерские отряды на севере страны.

❄

Недавно я увидел на фотографии моего друга под дулом автомата. Он стоял вместе с тремя другими ребятами. Он стоял и смотрел прямо в объектив.

Мой славный друг. Его держали на прицеле. Я не знаю, что с ним случилось потом... Жив ли он?

У него была такая улыбка, теплая, ясная. Сколько ему было: восемнадцать, девятнадцать? А он так хотел быть старше!

Мы ехали с ним однажды в автобусе. Его узнал кондуктор. «Вы проходите,— сказал кондуктор,— для вас есть места». Мой друг был ужасно смущен тогда, пробурчал сердито: «У некоторых въелось это мерзкое чувство собственности, я не сказал тебе: мой отец — буржуа».

Он был сыном владельца автобусной фирмы. Богатый особняк, лужайка перед ним, бассейн для плавания, две американские машины в гараже. Папа никак не мог понять, что же заставило сына уйти из дома, голодать и стать верным бойцом союза, который называет себя Коммунистической молодежью Чили.

Он оставил отцовский дом. Однажды мы ехали на машине. «Тут живет мой отец»,— показал он. А потом, помолчав, сказал: «Боюсь, они сумеют обработать брата Мигеля. Ему всего двенадцать».

Не знаю, как живет сейчас в Чили отец моего друга, о чем думает, оставаясь наедине с собой. Что перевешивает в его сознании — прибыли, которые он получает от эксплуатации своих автобусов, или жизнь его старшего сына, который сказал себе: «Честь и достоинство Народного единства — это моя честь и мое достоинство».

❄

За три года своего существования правительство Народного единства сделало много. Иностранные банки убрались восвояси. Те, кто годами выпрашивал места, обивая пороги контор по найму, получили работу. Значительно выше стала зарплата трудящихся, больше пенсии. Величайшие меднорудные сокровища страны стали тогда достоянием нации. В деревне проводилась аграрная реформа, а горожане из «поясов нищеты» впервые жили по-человечески. Увеличилось число школ, тысячи детей, не знавших, как держать ручку и как читать буквы, сели за парты.

...Мы сидим в тесной комнатушке легкого деревянного домика, где разместилось управление медеплавильного завода.

Люди рассказывают о том, как они расширяют свое предприятие.

...Мы стоим посреди огромного кухонного

зала, где мирно урчат электромоторы, сияют начищенными боками автоклавы. Здесь готовят тонны «лече»— молока для детей Сантьяго. Каждый из них сегодня, как всегда, получит пол-литра аппетитной, розовой, сладкой, питательной вкусноты.

Мы идем под ласкающим солнцем осени по кромке неоглядного поля, на котором нежатся полосатые арбузы. Здесь, в коммуне Альто Хагуэль, мы слышим рассказ о том, как аграрная реформа сделала труд крестьянина на земле, своей земле, радостным и спорым.

По дороге вдоль побережья океана мы видим рядом с виллами — дворцами богачей — цветные легкие домики в зарослях апельсиновых деревьев. Это «домики отдыха», в которых проводят свой отпуск люди труда. Впервые на фешенебельных курортах, на пляжах и в парках они присутствуют не в качестве слуг, они здесь отдыхают.

— Поглядите наверх!—говорят нам друзья.

Там, в скалах, президентский дворец «Сьера Кастильо». Все предшествующие президенты проводили здесь лето в таинственном уединении за каменными стенами. Президент Альенде приглашал сюда группу детей со всех концов страны, чтобы провести с ними каникулы...

Да, за время, прошедшее с 1970 года, Чили широко пошла по пути больших социально-экономических преобразований.

Чилийские «ротос»— так презрительно именовала буржуазия свою прислугу — сбросили путы, путы покорности. Они сами учились быть хозяевами.

Как люто ненавидели враги народа все, что совершалось в этой стране! Как неистово они уничтожают все, что было совершено трудовыми людьми этой солнечной страны! Но они еще не ведают, что люди, которые захотели и уже привыкли быть свободными, не отдадут просто так то, что они завоевали.

«Венсеремос!» — говорят патриоты Чили.— «Мы победим!»

В. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент «Пионера».

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛИДАРНОСТЬ ДЕТЕЙ ВСЕГО МИРА С ДЕТЬМИ ТРУДЯЩИХСЯ ЧИЛИ!

Ты знаешь, СИМЕА — это международный комитет детских и юношеских организаций при ВФДМ.

Недавно СИМЕА обратился с воззванием ко всем прогрессивным детским организациям мира.

Дорогие друзья, говорится в воззвании, фашистский террор в Чили продолжается. Тысячи людей брошены в тюрьмы, тысячи расстреляны и замучены.

Десятки тысяч детей страдают. Каждый день позорно нарушается Декларация прав человека, принятая ООН.

Тысячи детей подвергаются преследованию из-за политических взглядов своих родителей, голодают из-за массовых увольнений рабочих. Детям из бедных семей нанесен тяжелый удар отменой права ежедневно получать бесплатное молоко, которым до переворота снабжало их правительство Народного единства. О какой «атмосфере любви» для каждого ребенка можно говорить, если он лишен родителей: они или трусливо и зверски убиты, или заключены в концентрационные лагеря!

О каком праве на образование может идти речь, если школы закрыты из-за нехватки учителей, убитых, брошенных в застенки или уволенных за демократические взгляды! Какие «возможности для игр и развлечений» есть у ребенка, если он боится даже выйти на улицу!

Ребенок в Чили сегодня не только не защищен от всех форм пренебрежительного отношения и эксплуатации, а, наоборот, испытывает на себе самую суровую и бессовестную жестокость хунты.

Самое худшее, самое страшное, что есть в мире, обрушилось на детей Чили сегодня.

Они нуждаются в нашей помощи!

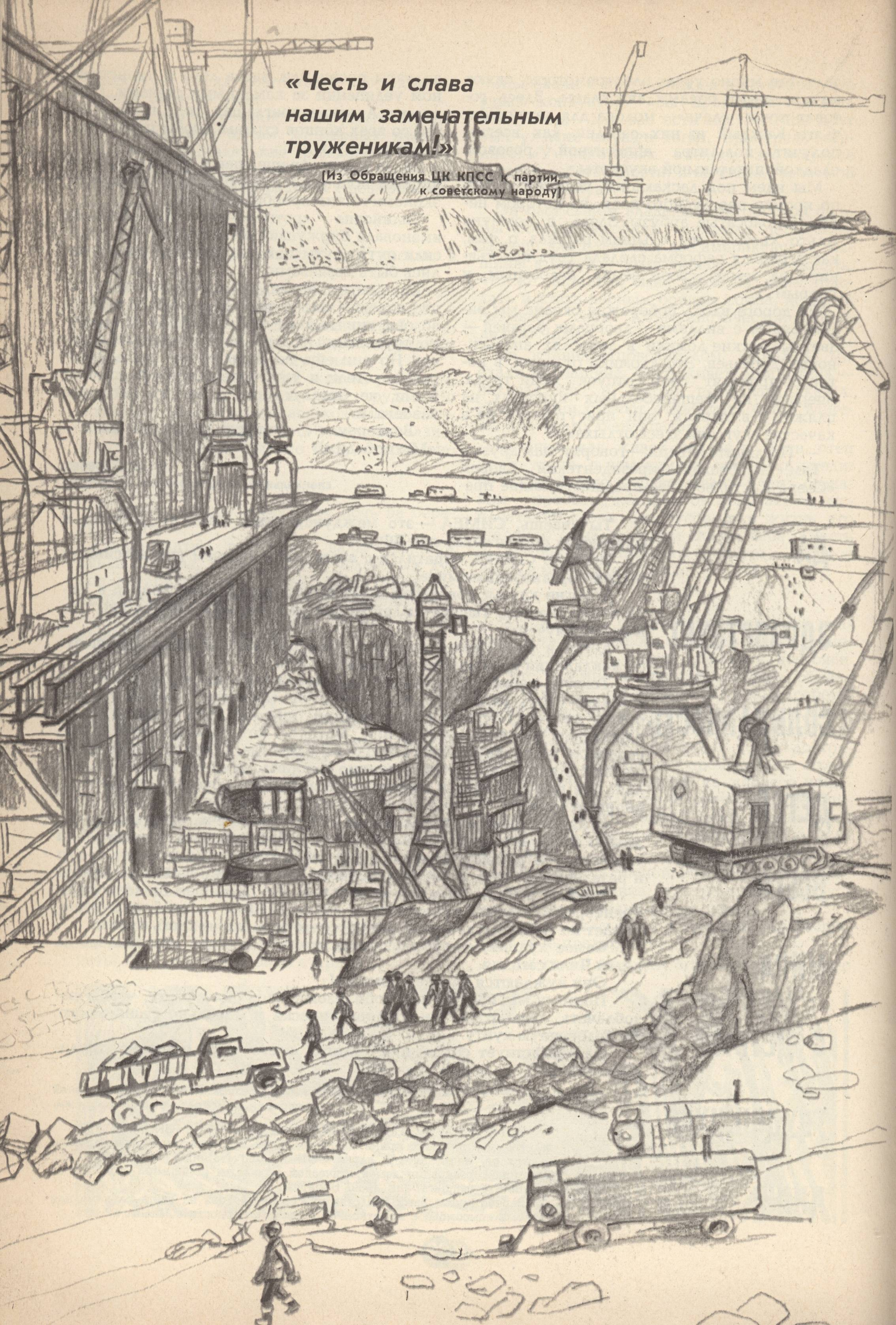
Поэтому мы просим вас мобилизовать все силы на то, чтобы разоблачать, обвинять, осуждать политически и морально фашистскую, бесчеловечную хунту.

Да здравствует солидарность детей всего мира с детьми трудящихся Чили!

Анна ПАПП, генеральный секретарь СИМЕА при Всемирной федерации демократической молодежи.

КОМИТЕТ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР РЕКОМЕНДУЕТ телеграммы протеста, принятые на митингах и сборах пионерских дружин и отрядов, направлять в адрес ООН (United Nations, New York, USA), Всемирной федерации демократической молодежи (Federation Mondiale de la jeunesse demokratique, 1389, Budapest, 62).

Заработанные вами средства нужно переводить на счета райкома или горкома комсомола с пометкой «В фонд солидарности с Чили».

«Честь и слава нашим замечательным труженикам!»

(Из Обращения ЦК КПСС к партии, к советскому народу)

Грохочущий Усть-Илим

МОЯ РОДИНА — СССР

В прошлом номере мы начали рассказ о командировке по Сибири нашего корреспондента художника Семена Трофимова. Рисунки этой серии рассказывают об Усть-Илимской ГЭС...

Ты, наверное, знаешь, что эта комсомольско-молодеж-

Могучее дыхание стройки. Здесь трудятся рабочие десятков разных специальностей. Вот бетонщики. Вибраторы в их руках грохочут, как пулеметы.

Но стоит отойти на несколько километров вверх по реке — и покой, тишина... Эти три острова (на верхнем рисунке) называют Лосятами. Скоро тут разольется новое море, и Лосята уйдут под воду...

ная стройка — пусковой объект четвертого года пятилетки. Молодые экскаваторщики и бетонщики, сварщики и бульдозеристы — словом, строители всех профессий особенно по-боевому работают сейчас, в преддверии XVII съезда ВЛКСМ.

Какова она, строительная площадка современной гидроэлектростанции? Площадка — даже и слово-то такое употреблять странно, когда речь идет о десятках гектаров взрытой и взорванной земли, о сотнях мощнейших машин, о тысячах строителей самых разных специальностей.

Усть-Илимская ГЭС уже третья на Ангаре. До этого были построены Иркутская и Братская станции. ГЭС на Усть-Илиме — их младшая сестра. Но и здесь размах строительства огромен. Трофимов нам признался, что, когда попал на эту ударную комсомольскую стройку, почувствовал вдруг себя совсем крохотным среди этой битвы человека с природой.

Панораму стройки художник делал с одной из гор, стерегущих долину Ангары. Горы — их творила сама природа. А рядом высится плотина будущей ГЭС, она едва ли не вровень с теми горами!

Стройка. Поначалу тебя непременно оглушит грохот ее, кажущаяся неразбериха. Пыль столбом, ахают взрывы. Как снаряды, летят камни, комья смерзшейся земли. Но проходит два-три дня, и ты замечаешь, что никакой неразберихи здесь нет, и улавливаешь мощный, стремительный, четкий ритм стройки. У тебя появляются друзья...

С экскаваторщиком Анатолием Черкасовым художник Трофимов познакомился, можно сказать, случайно. Залюбовался работой сильной и ладной машины. Подумалось Трофимову: видно, хороший мастер здесь работает! Как черпает он ковшом грунт! Пару таких ковшей высыплет в кузов многотонного КрАЗа — и кончена погрузка.

Прошло время, и вот наконец из высокой своей кабинки спустился на землю экскаваторщик. Познакомились, разговорились.

— Как живем-то? — спокойно переспрашивал Черкасов. — Да нормально в общем, по-сибирски...

И после уж узнал Семен Трофимов, что железо здесь может лопаться от мороза, что в бараках первых изыскателей-комсомольцев вырастала ледяная корка на полу.

Усть-Илимск разрастается. Уже сейчас здесь большой и благоустроенный поселок. А вступит в строй ГЭС, многое переменится в этом бывшем медвежьем краю. Пойдет ток — начнет работать громадный (даже по сибирским масштабам громадный!) лесопромышленный комплекс. Работы интересной невпроворот!

— Здесь останетесь? — спросил Черкасова наш художник.

— Нет! — покачал головой Анатолий. — Я строитель. Кончу эту станцию, отправлюсь на Богучанскую — четвертую ГЭС Ангары. Без меня там дело никак не должно обойтись!

Да, Черкасов — строитель до мозга костей. Ему нравится этот стремительный ритм жизни, нравится грохот стройки, нравятся ночные салюты огней электросварки. И таких, как он, здесь множество, едва ли не все.

Вот ребята бетонщики. Работа у них, прямо скажем, не из легких. Всю смену по колено в жидком бетоне. Задача рабочих — уплотнить эту киселеобразную массу. А тяжелый вибратор дрожит, вырывается из рук...

Надо сильно любить свое дело, быть настоящим романтиком строительства, поистине увлеченным человеком, чтобы работать здесь. Работать не за страх, а за совесть, перевыполняя норму, начисто забывая о «перекурах», а иной раз и об обеде.

Трофимов спросил:

— Ребята, можно вас порисовать?

Бетонщики усмехнулись:

— Рисуй, если хочешь. Только вот позировать-то нам некогда. Сам видишь — работа.

Экскаваторщик Анатолий Черкасов.

СИБИРСКИЕ СТРОИТЕЛИ — ЛЮДИ С ЖЕЛЕЗНЫМ ЗДОРОВЬЕМ И С ЖЕЛЕЗНЫМ ХАРАКТЕРОМ (ИНЫХ ЗДЕСЬ НЕТ!). УСТЬ-ИЛИМСКАЯ, БРАТСКАЯ, ИРКУТСКАЯ, БУДУЩАЯ БОГУЧАНСКАЯ ГЭС — ВЕЛИКИЕ ВЕХИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ИХ СОЗДАЮТ ТВОИ СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ — КОМСОМОЛЬЦЫ 70-х ГОДОВ НАШЕГО СТОЛЕТИЯ.

Сказки моего детства

Э. Межелайтис

Рисунки П. Балина

С отцом на мельнице

Приятно резать хлеб упругий
На скатерти в кругу семьи.
Но утруди-ка прежде руки —
Свой хлеб
посей,
взрасти,
сними!

...Уже забыв о трудном лете,
Мы рожь на мельницу везем.
Приплясывают на телеге
Счастливые мешки с зерном.

Мы едем вдоль реки усталой.
В запруде отдохнув слегка,
Вода с отвагой небывалой
Летит на зубья колеса!

И колесо юлой кружится,
И можно лишь из-под руки
Увидеть лопасти и спицы.
Большая сила у реки...

Поток,
набесновавшись вволю
В коварной нашей западне,
Потом выносится на волю,
Махнув волной отцу и мне.

Но мы реку перехитрили,
Река не знает, что сейчас,
Мельча зерно до белой пыли,
Она работает на нас.

Река и не подозревает,
Исполненная торжества,
Что рьяно колесо вращает,
Прилежно движет жернова...

Отец мешки с мукою носит
И скидывает на весы.
Совсем как спелые колосья
Его веселые усы!

И вновь плывем мы на телеге
Меж пашен лишь на вид пустых.
Пора настанет, и побеги
Из норок выскочат своих...

Приятно резать хлеб упругий
На скатерти в кругу семьи.
Но утруди-ка прежде руки —
Свой хлеб
посей,
взрасти,
сними...

Рябинка

Точно костер — огневая
Рябинка.
Вьется, ее огибая,
Тропинка.

Скачет бедовая осень
По веткам.
Деревцу холодно очень
Под ветром.

Где ты, неверное лето?
Где листья?
Нечем — совсем уж раздето —
Прикрыться.

Елкам в бессменной одежке
Получше.
Их укрывают надежно
Колючки.

Видит она их, зеленых,
И плачет.
Плачет и огненных слезок
Не прячет...

Сова

Сделалась совою
Круглая луна.
Желтою листвою
Кормится она.

Сытая, а злится.
Нипочем ей труд, —
Обрывает листья
И бросает в пруд.

И оттуда в гневе
Гонит их долой.
И задула в небе
Звезды до одной...

Клен

В коричневом кафтане
Стоит у дома клен.
Как будто на свиданье
Сюда явился он.

Одежка не сечется.
На лацкане — цветок.
На шевелюре — солнце,
Как новый котелок.

А ночью, мне пригрезясь,
Сквозь белую росу
Несет он с поля месяц,
А может быть, косу...

Я рядом с ним шагаю.
Ползет туман с реки.
Где клен? Где я? Не знаю.
Мы стали двойники.

Старушка

Однажды осеннею ночью
Зашла в палисадник сырой
Старушка в холщовом платочке
И с толстой дубовой клюкой.

Наладила прялку старушка,
Кудель побелее взяла,
И нитка, курчавясь, как стружка,
Свободно из рук потекла...

Смотрели внимательно сливы,
Как пряла она до утра.
Потом принялась торопливо
Она им вязать свитера.

Тулуп она сшила чудесный
Для тополя, чтобы не мерз,
И легкие куртки — семейству
К морозу привычных берез.

И вишни она приодела,
И яблоням свила наряд...
Гляжу я на белый-пребелый,
Искрящийся, праздничный сад.

Деревья склонились друг к другу
И вроде бы снова цветут.
Мне кажется, стужу и вьюгу
Теперь они перенесут.

А все это сделала ночью,
Зайдя в палисадник нагой,
Старушка в холщовом платочке
И с толстой дубовой клюкой.

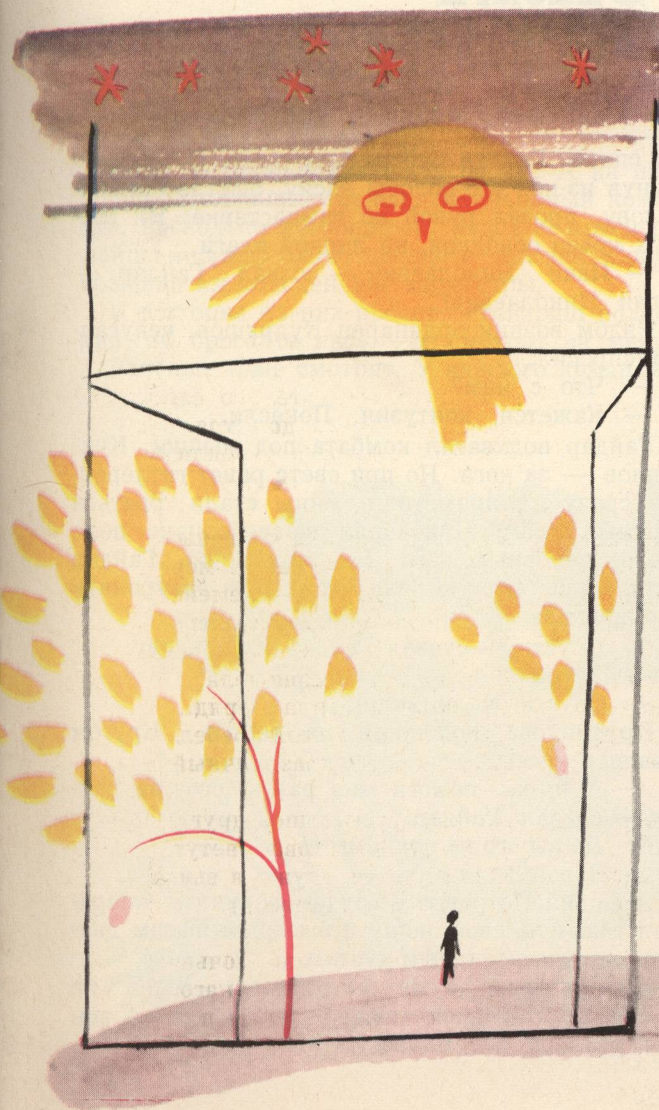
Бабушкины сказки

Надевши кожаные краги,
Гуляли принцы за леском.
А мы, братишки, мы, сердяги,
Пасли скотину босиком.

Алмазные носили пряжки
Одни принцессы наяву.
А вы, сестрички-замарашки,
Возились до ночи в хлеву.

Они натягивали луки,
Пускали стрелы в лебедей.
Охотно к ним рядился в слуги
Какой угодно чародей.

Они в неведомые земли
Скакали, обнажив мечи.
А мы им только вслед глазели,
Сидели дома на печи...

В вереске

В лешего не веря, в лес ходил я часто.
Там, забравшись в вереск, проживала сказка.

Там, сложив толково шишки, листья, иглы,
Преотменный замок муравьи воздвигли.

Был со мною верный меч из ветки дуба.
Заменить дракона мне взялась гадюка.

Повидал уже я всяких бед немало
И хотел, чтоб лиха чуть поменьше стало...

Для того и снес я семь голов дракону,
Что не удалось бы никому другому!

Так, без проволочки, сделав свое дело,
Я к воротам замка кинул вражье тело.

Хлынула из замка вмиг толпа народа,
И остался только остов от дракона!

Повидал уже я всяких бед немало
И хотел, чтоб лиха чуть поменьше стало...

Перевел с литовского Л. МИЛЬ.

В 1941 году Аркадий Петрович прислал в «Комсомольскую правду» несколько очерков о героизме наших командиров и бойцов. И только недавно мы узнали, что за каждым очерком Гайдара стоял подвиг самого Гайдара.

«Конечно, от оружия никто его качеств не отнимает,— писал Аркадий Петрович в рассказе «Бомба»,— но все-таки всякое оружие есть мертвая вещь. Само оно действия не имеет, и вся главная сила в человеке заключается, как человек себя поставит и насколько он владеть собою может».

Находчивость и самообладание Гайдара в боевой обстановке были поразительны.

Ты узнаешь это, прочитав шесть коротких рассказов о мужестве Аркадия Петровича в дни Великой Отечественной войны.

А на фотографии Гайдар еще в мирное время, Гайдар, работающий над кинокартиной «Тимур и его команда».

«ВСЯ ГЛАВНАЯ СИЛА— В ЧЕЛОВЕКЕ»

Борис КАМОВ

ГАЙДАР СПАСАЕТ КОМБАТА

Днем разведка донесла, что все дороги перерезаны. Батальон Ивана Николаевича Прудникова оказался в кольце. Часа два назад в батальон приехал Гайдар. И вот нá тебе!.. Еще никогда положение не было таким серьезным. Помощи ждать было неоткуда. Оставался один только выход — прорываться.

Бесшумно снялся с места конный взвод. Весь батальон двинулся за ним. Когда до вражеских окопов осталось несколько сот метров, кавалеристы с шашками наголо ринулись в атаку. По фашистам ударили автоматы. В шестой роте шел Гайдар.

Конный взвод уже был по ту сторону неприятельской обороны, когда сбоку застучали пулеметы, захлопали и рассыпались в воздухе ракеты, с жутким кошачьим визгом понеслись над головами мины.

Но главное было сделано: оборона гитлеровцев прорвана, и батальон уходил из кольца. Еще несколько минут — окопы окажутся позади, и тогда уже весь батальон рассыплется, растворится в мелком кустарнике, а за ним — лес... Совсем близко завизжала мина. Гайдар с разбегу бросился на землю. Мина взорвалась рядом, обдав его теплым воздухом и обсыпав землей. Аркадий Петрович вскочил, поднял автомат и машинально глянул, где командир.

Прудников, раскинув руки, недвижно лежал на спине. Гайдар бросился к нему. Осторожно вынув из-под его головы каску, быстро ощупал голову, провел рукой по гимнастерке. Ни острых краев осколков, ни липкой влаги.

— Иван Николаевич,— позвал Гайдар. — Иван Николаевич!..

Рядом возник ординарец Кудряшов, испуганно спросил:

— Что с ним?

— Кажется, контузия. Понесли.

Гайдар подхватил комбата под мышки, Кудряшов — за ноги. Но при свете ракет гитлеровцы сразу их приметили, мины стали рваться совсем рядом. Прибавили шагу, однако поле было неровным. То Кудряшов, то Гайдар оступались. Стоило больших усилий не уронить Прудникова.

— Опусти,— сказал Гайдар Кудряшову.

— Зачем?

— Опусти, если велят.

Прудникова положили на землю. Кругом рвались мины.

— А ну-ка, помоги мне взять его на спину,— сказал Гайдар.

— Да вы его не поднимете!

— Давай!!!

Аркадий Петрович с трудом поднялся, поправил тяжелую свою ношу и быстрым шагом двинулся к спасительным кустам.

Кудряшов с двумя автоматами — один на плече, другой наизготовку — шел сзади. А мины рвались все ближе...

Светало, когда Прудников очнулся.

Он лежал на земле. Над ним простер свои ветви могучий дуб. В голове шумело и что-то давило на уши. Комбат с трудом повернул голову и похолодел. Метрах в пяти от него стояли двое в пятнистых немецких плащ-палатках и о чем-то говорили. О чем, Прудников не слышал.

«В плену!» — мелькнула жуткая мысль.

Он машинально схватился за кобуру. К его удивлению, пистолет был на месте. Комбат с трудом вытащил «ТТ», навел на высокого — тот был совсем близко. Но... поторопился и не взвел затвор. И в то мгновение, когда Прудников бессильными пальцами пытался это сделать, высокий повернул голову, кинулся навстречу, прижал руку с пистолетом к земле и голосом Гайдара сказал: «Не надо, Ваня, не стреляй. Здесь и без тебя много стреляют...»

ТОЖЕ МНЕ НАШЛИ, ЗА ЧТО БЛАГОДАРИТЬ

(Из рассказов полковника А. Д. Орлова)

Это случилось после того, как наша армия оставила Киев. И Гайдар шел с моей группой по неприятельским тылам.

...Оставаться в окруженном Семеновском лесу мы больше не могли.

Надо было прорываться к своим. А на пяти подводах лежали раненые: батальонный комиссар, несколько командиров, рядовые красноармейцы — всего около двадцати человек. Сопровождали их молоденькие медсестры.

И вот одна их них просит: «Товарищ полковник, не бросайте нас» — и смотрит на меня.

Раненые тоже смотрят. У каждого командира возле самого изголовья пистолет лежит. А у комиссара батальонного — он был слабее всех — бельгийский браунинг бинтом к руке привязан.

С обозом таким куда мы денемся? К тому же бинтов у нас, скажем, много, а йоду ни капли. И хлеба тоже.

Говорю девочке этой, медсестре:

— Узнайте, может, колхозники возьмут...

Качает головой: «Боятся... Немцы кругом, да и подозрительных шныряет богато».

Подзывает меня батальонный комиссар. Показывает рукой, чтобы наклонился: громко говорить ему трудно.

— Вы меня, товарищ полковник, простите, — шепчет он, — но я застрелюсь... Пока в сознании... застрелюсь...

— И думать не смей! Пока всех вас не пристроим — не уйдем. Пристроим. Обещаю: пристроим!

А сам не знаю, что и делать.

Приходит Аркадий Петрович. Спрашиваю, как быть.

— Разрешите, — просит, — отлучиться. Есть одно соображение.

Кончился день. Проходит ночь, Аркадия Петровича нет. Я тревожусь. Утром является. Докладывает:

— Все в порядке, товарищ полковник. — И, оборачиваясь, бросает в темноту: — Ребята, идите сюда.

Из-за кустов появляются трое: два хлопца и дивчина с узелком. В узелке, вижу, хлеб и еще что-то.

— Комсомольцы, — объясняет Гайдар. — Они увезут и спрячут раненых на дальних хуторах.

— Вы, товарищ командир, не беспокойтесь, — вмешивается дивчина.

— Мы спрячем, — говорят хлопцы.

Хочу сказать им... и не могу. Только молча жму руки.

На утренней поверке — раненых уже увезли — объявляю Аркадию Петровичу благодарность за проявленную инициативу.

— Служу Советскому Союзу! — отвечает Гайдар, а у самого недовольное лицо, словно сердится.

Спрашиваю потом: «Аркадий Петрович, в чем дело?»

— Тоже мне, нашли, товарищ полковник, за что благодарить...

МОТОЦИКЛИСТ НА АРКАНЕ

ПОСЛАЛ я как-то Гайдара за продуктами. Долго его не было, и вот возвращается, шагает как ни в чем не бывало, только слегка посмеиваясь. За спиной стволом вниз — немецкая винтовка. В руках — наизготовку — наша трехлинейка. А впереди — метрах в трех — шествует длинный, как столб, эсэсовец в черном мундире с крестом. За плечами его подеревенски завязанный узел с хлебом. И приторочен узел этот к гитлеровцу телефонным кабелем. В одной руке солдата плетеная корзинка с кукурузными початками и печеными яйцами. В другой — вещевой мешок Гайдара, тоже доверху полный. Под глазом вояки синяк.

Пока товарищи развьючивали пленного, Аркадий Петрович доложил, что, возвращаясь из села к нам в лес с узлом, корзинкой и мешком, он долго не мог перейти шоссе, потому что сновали по нему взад и вперед машины и мотоциклы. А когда шоссе опустело и он перебрался на другую сторону, то стало ему вроде бы жалко, по его словам, «возвращаться с пустыми руками». И решил он, если повезет, «заарканить мотоциклиста» (что, нужно сказать, делывал Аркадий Петрович и до этого).

Спрятал продукты. Достал из сумки моток телефонного провода (это когда еще он шел на задание, то перерезал вражескую линию связи), протянул над дорогой провод и сел ждать «клева». Но теперь, как назло, ни души на шоссе не появлялось.

Наконец затарахтел мотоцикл...

Темнело. Однако мотоциклист все-таки разглядел провод, резко затормозил и свалился в канаву. Гайдар кинулся к нему.

Солдат стал сопротивляться, не давал себя связать. Пришлось Аркадию Петровичу его легонько стукнуть, оттащить в кусты и подождать, пока тот придет в себя...

— Остальное вы видели, — добавил Гайдар.

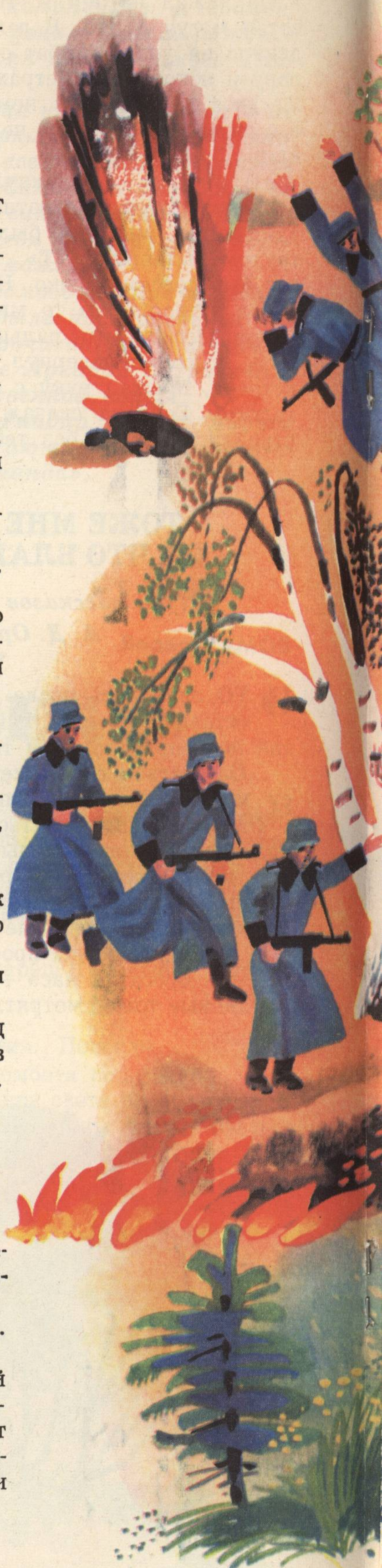
После ужина Аркадий Петрович пришел ко мне в землянку. Мы как раз заканчивали допрос. Пленный оказался связным роты СС. Гайдар «заарканил» его, когда мотоциклист возвращался к себе в часть.

Был солдат молод, однако черная эсэсовская форма и крест говорили о том, что это опытный вояка.

Высокомерие на его лице с голубовато-фиолетовым «фонарем» под глазом сменялось страхом. А страх — высокомерием, которое вбивалось в него годами и которое он не умел теперь скрыть. Наконец пленного увели. А Гайдар молча покачал головой.

— Аркадий Петрович, вы о чем?

— Ни о чем. Просто думаю: мальчишка, а уже фашист...

САХАР

...**ПРОДОЛЖАЕМ** марш по вражеским тылам. Пересекаем шоссе у Переяславской и торопимся уйти из этого района, где полно гитлеровцев и полицаев.

Второй день льет дождь. Под ногами хлюпает грязь. Вязнут ноги. С каждым часом идти все трудней. Я еле-еле бреду.

Уже несколько суток не спал. Со вчерашнего дня во рту ни маковой росинки. Иду последним. Начинаю отставать. А товарищи уходят все дальше и дальше... Вдруг рядом вижу Аркадия Петровича. Он молча снимает с моего плеча карабин, потом планшет с документами, противогазную сумку. Отстегивает пояс с патронташем, пистолетом, гранатами. Вешает и пристегивает все это на себя.

Потом вынимает что-то из кармана и протягивает мне:

— Возьмите, товарищ полковник, все легче будет.

На ладони его два квадратика пиленого сахара.

Мы несколько дней не видели ни хлеба, ни картошки. Полусырую конину ели без соли. И вдруг сахар. Целых два куска. Наотрез отказываюсь.

Рисунки А. БОРИСОВА.

— Я у вас, Аркадий Петрович, не возьму. Ешьте сами.

— Возьмете, — жестко отвечает он мне. — Вы командир... Вы обязаны... — И добавляет: — У меня еще есть.

По глазам вижу: нет у него больше, и... все же беру.

Не знаю, от двух ли кусочков сахара или от потрясшей меня доброты, только появились вдруг силы. И нагнали мы с Аркадием Петровичем остальных.

ПОДВИГ ПУЛЕМЕТЧИКА

22 ОКТЯБРЯ 1941 года, когда Гайдар уже находился в партизанском отряде под Леплявой, неподалеку от лагеря внезапно раздались два винтовочных выстрела. Это шли каратели. Завязался бой.

...Гайдар заметил, что отряд обходят, едва ли не первый.

Ведя огонь с невысокого пригорка, Аркадий Петрович следил за передвижением фашистов. Но автоматчики, стрелявшие в него слева, все же подобрались незаметно. Гайдар приподнял пулемет, легко переставил его на другой край окопа. И тут он увидел, что стреляют по нему, охотятся за ним не один или два, а много автоматчиков, потому что кусты шевелятся в разных местах: и возле раздвоенной сосны, и у высокой муравьиной кучи, и там дальше, у тропы.

Фашисты, отчаявшись взять лагерь в лоб и неся заметные потери, решили ударить в спину.

Место для пулемета было выбрано удачно. Гайдар мог, если бы пришлось, вести круговую оборону с этого бугорка и один, благо патронов пока хватало, и второй номер, Миша Тонковид, бесперебойно подавал ему ленты взамен быстро пустевших.

Но рядом, справа, еще оставались товарищи, и главное сейчас было — задержать врага, пока все бойцы покинут лагерь.

Гайдар, еще круче развернув пулемет, ударил очередь за очередью по тем автоматчикам, которые ближе всего подобрались к холму.

Началась дуэль. По Гайдару били из-за дубов, из-за сосен, из-за старых, трухлявых пней. Пули жужжали и пели над головой. Рвались гранаты, но гитлеровцы бросали их лежа, и гранаты не долетали.

Аркадий Петрович, перенося, почти перебрасывая, пулемет, молниеносно отвечал на новую вспышку огня, и непременно короткими прицельными очередями. Все чаще после его очередей доносился испуганный крик, или тяжелый стон, или бормотание на чужом языке.

А Гайдар бил, менял ленту и стрелял снова, держа в поле зрения все пространство перед бугром и радуясь, что его огонь сдерживает врага. Если теперь они все-таки пойдут в обход, им придется углубиться в лес и сделать немалый крюк, требующий времени, того самого времени, которое нужно было любой ценой выиграть, чтобы дать товарищам возможность отойти.

— Аркадий Петрович, Аркадий Петрович, — раздался сзади торопливый шепот.

Гайдар и Тонковид обернулись. Возле окопа, с лицом, испачканным землей, сжимая в руке наган, лежал Вася Скрыпник.

— Что тебе? — недовольно и резко спросил Гайдар.

— Горелов велел отходить...

Гайдар досадливо махнул рукой. И Скрыпник увидел, как задрожала от длинной очереди широкая, в шинели с оторвавшимся хлястиком спина.

...Вася нашел командира недалеко от поваленной сосны.

— Ну что, где Аркадий Петрович? — требовательно спросил Горелов.

— Федор Дмитриевич, Гайдар не хочет уходить... Я ему сказал, как вы велели, а он махнул рукой...

— Что значит не хочет?! — закричал Горелов. — Возвращайся назад и передай ему, чтобы они с Тонковидом немедленно отходили!

Скрыпник похолодел при одной лишь мысли, что ему придется повторить тот же путь. Но приказ есть приказ. Пробежав «мертвое пространство», он снова бросился на землю и быстро пополз. Вот и окоп. Скрыпник подобрался к нему совсем близко.

— Аркадий Петрович! Вас и Тонковида вызывает Горелов... Сердится он очень...

Гайдар обернулся и посмотрел на него злыми глазами:

— Уходи отсюда и не мешай. Видишь, что творится?

— Вижу.

— Ну и беги!.. А командиру доложи, что буду прикрывать огнем отход отряда. Понял?

РАССКАЗ О БОЕ ПРОДОЛЖАЕТ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ТОНКОВИД

— **ПОМНЮ** ли бой у лесопилки? — Он горько улыбнулся. — Такое не забудешь... Позиция у нас была хорошая: на бугре. И вот видим: гитлеровцы. Выходят они из лесу — не слева откуда-нибудь и не справа, где болото. А вот прямо, как нынешние самолеты по радиомаяку — точь-в-точь. Кто-то вел их. Понимаете?

Да и лейтенанта молоденького, который от Горелова два раза приползал, помню тоже.

Но попробуйте заставить Гайдара отступить... Попробуйте!.. Это же невозможное дело!.. Он в азарт вошел: надо же суметь одному с оравой такой, будто на дуэли, стреляться. А у него получается. Тем более что ленты у нас еще были и продержаться на этой позиции можно.

Гайдар со своим трофейным пулеметом держал сотни полторы, не меньше. И вылези мы из окопа, они бы, как саранча, ринулись на пригорок, а там и в самый лагерь

Мы с Аркадием Петровичем не очень-то себе

представляли, как выберемся отсюда, да и выберемся ли вообще. Но было нам с ним ясно, что уходить сейчас ни в коем случае нельзя. Враг уже подобрался к самому бугру, метров на сто. Здесь уже не убежишь от него, не скроешься. Мы убедились в этом очень скоро.

Пошел наперекос патрон, и пулемет умолк. Мне бы тут осторожно ленту вынуть, но я не успел. Аркадий Петрович с досады дернул ее что было сил... И все... Гитлеровская машинка окончательно замолчала.

Вообще, должен вам сказать, иметь дело с трофейным оружием — хуже нет. Подведет. Так и получилось... Стало тихо.

То без конца стрельба. А то тихо...

Они, видно, заметили, что пулемет наш молчит, и тоже перестали стрелять, как бы прислушиваясь, правда ли, что русский пулеметчик, не дававший все это время поднять голову от земли, больше не стреляет: или у него кончились патроны, или он мертв.

Нет, не показалось фашистам: пулемет в самом деле молчал. И тогда они поднялись. Из кустов, из-за сосен вышло их столько, что зарябило в глазах.

Впервые за те три часа, что продолжался бой, сделалось мне тоскливо. А фашисты, строча на ходу из автоматов, двинулись на нас.

Гайдар смотрел на бегущих солдат. Глаза его были широко открыты. Он устало дышал.

Потом отодвинул пулемет: «Займись!..» Быстро поставил ногу на край окопа. Поднялся на бугре во весь рост. Закричал «ура!» и стал бросать гранаты-лимонки, которыми были полны его карманы.

Я просто не представляю, где он так натренировался в метании гранат. Думаете, еще в гражданскую?.. Может, вы и правы... Только кидал он их так метко и настолько велика была дальность броска, что я диву давался.

— Давай твои! — Наклонился он ко мне.

У меня на поясе тоже было шесть лимонок. Я все их отцепил вместе с поясом. Гайдар снова закричал «ура!», снова стал бросать лимонки.

Вы поглядели бы на него в ту минуту. В короткой шинели, с распахнутой грудью, в сбившемся на затылок рыжем треухе, с широко открытым ртом, из которого неслось с ужасающей силой «ура», с гранатами в каждой руке, он был просто страшен — страшен верой в свою над ними, вот этими бегущими автоматчиками, победу.

И хотя было их много, а он стоял на бугре один (я-то возился с пулеметом), и хотя одной только меткой очереди вполне хватило бы, чтоб его убить, ни у кого из гитлеровцев недостало смелости остановиться, прицелиться и пустить в него очередь.

Ни у кого...

Случается, наступает батальон на батальон. Рота на роту. Наконец, рота на взвод, на двадцать человек, и такое на войне случается тоже. Но когда к холму бежит полторы сотни солдат, а навстречу, в полный рост, подымается один-единственный человек и атакующие видят, что он их не боится, — это невыносимо страшно. Это невозможно выдержать.

И они не выдержали — побежали.

Мне удалось, наконец, вытащить злосчастную ленту и вставить другую. Гайдар подхватил с земли пулемет и снова открыл огонь по фашистам, не давая им опомниться.

Держа коробку с последней лентой, я поднялся рядом, следя за тем, чтобы не получилось нового перекоса. Когда кончились патроны, Аркадий Петрович с сожалением опустил пулемет. Спрыгнул в окоп. И осипшим от крика голосом сказал:

— Теперь, Миша, беги. Я за тобой.

КОРАБЛИК

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ.
ПЕЧАТАЕТ ТОЛЬКО ТЕБЯ.

Может быть, эти стихи покажутся тебе слишком грустными и странными; может быть, тебе захочется отложить их в сторону и поискать что-нибудь повеселее.

Не торопись. Пожалуйста, не торопись. Вчитайся в них.

Вот девочка поднесла к глазам цветные стеклышки — ты тоже, кажется, любишь эту игру? И вдруг вместо веселого праздника красок она увидела пожары и кровь. Почему? Разве у нее другие глаза?

Ванесса Ховард, Гленн Томпсон, Михаэл Гуд, Линда Карри — дети американских негров. Они выросли в Бруклине, огромном грязном пригороде Нью-Йорка.

Мрачные дома, зловонные, заваленные мусором улицы — вот что видят они с первых дней жизни. Но грязь и нищета — еще не самое страшное.

Родиться веселым — и никогда не смеяться, быть добрым — и стать угрюмым, мечтать о счастье — и встречать только ненависть... Такая судьба досталась мальчикам и девочкам из негритянских трущоб США.

Постарайся понять огромную беду этих детей, которым каждый день, каждый час напоминают, что они хуже всех, потому что кожа их темного цвета...

Гленну Томпсону 15 лет. Он весь кипит энергией, он хочет разобраться в окружающей жизни. Особенно интересует мальчугана наука. «Я ужасно любопытный человек,— говорит он о себе и добавляет: — Мне всегда нравилось слушать о мире и людях».

ГРЯЗНЫЙ ВОЗДУХ

Грязный воздух,
Грязная вода,
Грязь на улицах и грязь на коже.
И вы называете это жизнью?

Вы видите мерзкие дома,
Вдыхаете мерзкий воздух,
Вы ходите по мерзким улицам,
Слышите мерзкие звуки.
И вы называете это жизнью?

Называйте это жизнью, если вам нравится.
Но мне не по вкусу все это —
Я собираюсь сбежать.

Я буду дышать свежим воздухом,
Буду бродить по чистым улицам,
Буду встречаться с добрыми друзьями,
Слушать нежные звуки
И жить, жить, жить.

Когда из окна отеля в Мемфисе прогремел выстрел, оборвавший жизнь негритянского лидера доктора Мартина Лютера Кинга, Михаэлу Гуду было четырнадцать лет. Мечтательного, мягкого по натуре мальчика потрясло это хладнокровное убийство замечательного человека, которого называли «совестью Америки».

И все же к скорби его примешивается гордость — он гордится мужеством Лютера Кинга, гордится стойкостью своего народа.

4 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА

Война. Война.
Отчего люди Земли убивают друг друга,
Словно дикие звери?

Великий жил человек.
Он был Негр.
Звали его
Мартин Лютер Кинг.

Но вы слышали, что случилось?
Его подло убил один белый.
Господи! Он убит —
Человек такого ума —
Мартин Лютер Кинг.
Человек такой отваги...
Он стоял спокойно и прямо,
Он позволил ударить себя —
И не вернул удара.

Ваша храбрость — я знаю —
Сразиться с врагом,
На удар ответить ударом.
Но послушайте! Неужели вы верите,
Что способны вот так же, не дрогнув,
Стоять, когда кто-то вас убивает?

Его застрелили. Это точно. Одного из детей
человеческих.
Ну что ж, вас всех ожидает горячее лето—
Ведь черный наш лидер злодейски убит,
Убит, и в грязь он втоптан.

Я запомню этот мрачный день,
Горький день — четвертое апреля.

Ну разве это не забавно?
Нам опасно покидать дома:
Вдруг какой-нибудь маньяк
Всадит в тебя пулю
Совершенно хладнокровно?

Боже мой! Что за мир — этот мир?
Я не знаю...

Семья Линды Карри перебралась в Бруклин из Гарлема, района в Нью-Йорке, где ютится негритянская беднота. Шестнадцатилетняя Линда уже не первый год пишет стихи. Каждую неделю они появляются на страницах детских журналов.

ВЫХОДА НЕТ ОТСЮДА

Огромный мир надвигается,
Чтобы прикончить меня.
Я не знаю, куда мне бежать,
Куда спрятаться.
Выхода нет отсюда.

Черные и белые
Бесконечно враждуют.
Выхода нет отсюда.

Смотри, все пути перекрыты —
Выхода нет отсюда.

Мир убийственный,
Непостижимый —
Выхода нет отсюда.

Безбрежная пустыня отчаяния —
Выхода нет отсюда.

Мир жестокости, рабства и ненависти.
Единственный выход отсюда —
Смерть.

Смерть, завершающая жизнь, рождает
Свободу. Раб сегодня, завтра, вчера,
накануне.
О, что за жизнь, которой живу я!

Ванессе Ховард 15 лет. В своей школе она одна из лучших учениц. Ее стихи очень нравятся ее сверстникам. Их часто печатают школьные литературные журналы.

ЧЕРНЫЙ МОНУМЕНТ

Вычеканьте моего черного отца на пенни,
Вычеканьте его улыбку
на десятицентовке,
Вычеканьте мою маму на долларе,
Потому что они страдали так долго —
Три вечности и еще немного.
Всех денег не хватит на это.

Сделайте памятник моему дедушке.
Пусть он стоит в Вашингтоне.
Он страдал целых три световых года
и еще немного,
Без работы и без надежды,
Герой войн, которые не начинались.

Назовите праздником в честь моего брата
Какой-нибудь ласковый, мирный,
солнечный день.
Потому что брат сражается за свободу.
Он не желает быть награжденным,
Как все мои черные братья,
В заброшенных могилах
Лежащие во Вьетнаме.

ОТРАЖЕНИЯ

Взгляни на мир через цветные стекла,
взгляни.
Увидишь вдруг былую ненависть и боль,
Узнаешь кровь и ужас прошлых войн.
Взгляни на мир через цветные стекла,
взгляни.
А там — беги, пока достанет сил, беги.

Оформление А. ГРИШИНА.
Перевела с английского Т. НЕПОМНЯЩАЯ.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ГАРАНТИЙНЫЕ

9. ПЫЛЕСОСИН В ПЛЕНУ

Мышеловка была пуста. Приманка на месте, и мама успокоилась:

— Мышей нет.

Но девочка Таня и не думала успокаиваться:

— Ну и пусть мышей нет! Я про мышей и не говорю. Я про человечков говорю. А они в мышеловку не пойдут. Я знаю, что делать. Я, мама, зубной порошок насыплю. Если человечки есть, они следы оставят.

— Так я тебе и разрешила! — сказала мама. — Я полы мою, а ты будешь мусорить.

— Мамочка, ну только один раз! Я уберу.

— Ну, если уберешь, попробуй. Только весь пол пачкать не надо. Сделай дорожку из угла в угол. И подметать легко, и если человечки есть, они обязательно следы оставят.

— Ура! — закричала девочка.

— Но ты весь день будешь вести себя хорошо. Иначе никаких дорожек.

— Конечно! — закричала Таня. — Давай скорее кашу!

А Пылесосина в это утро привели на допрос в королевский дворец. Дворец был сделан из перевернутого ящика для посылок. На нем красовалась надпись:

«МОСКОВСК. ОБЛ., ДЕРЕВНЯ ДОРОХОВО. СМИРНОВЫМ».

Все буквы «О» были прогрызены насквозь, и получилось очень много круглых окошек. Внутри было светло, потому что под потолком висела светящаяся гнилушка-люстра.

Вокруг трона стояли важные мышиные генералы, перепоясанные ремнями из колбасной кожуры. Они и начали допрос:

— Сколько человечков приехало на дачу?

— Согласны ли они сдаться в плен?

ЧЕЛОВЕЧКИ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Окончание. Начало в № 1.

— Какие продукты хранятся в холодильнике, и нельзя ли их быстро переправить в подвал?

— Не привезли ли дачники с собой кошку?

Пылесосин спокойно и толково отвечал:

— Человечков приехало много, и в плен они сдаваться не собираются. Продукты в холодильнике самые разные. Все их переправить в подвал нельзя: хозяева заметят. Однако немножко еды можно взять в обмен на него.

— Кошку с собой хозяева не привезли. Но если они узнают про мышей и про то, что мыши перегрызают провода, они возьмут кошку напрокат.

После этого Пылесосина снова отвели на главную площадь и посадили в старый детский автобус.

У гарантийных человечков было свое совещание.

— Не знаю, что мы с ними возимся! — возмущался радиомастер.

— Давно бы пора залить их норку водой.

— А как же наш мальчишка? — спросил Буре.

— А так, — отвечал человечек из приемника. — Если бы мы это сразу сделали, он бы пропал.

— Если бы да кабы, то во рту росли грибы! — сказал Холодилин.

— И потом я вообще не понимаю, почему с мышами надо воевать.

— Потому что они грызуны. А с грызунами надо бороться!

— Странно, — сказал Буре. — С одной стороны, я понимаю, что с грызунами надо бороться. А с другой, как я подумаю, что надо уничтожить лейтенантов кавалерии, мне сразу грустно становится. Мне их жалко. Их бы лучше приучить к делу, как мою Машку.

— Часы с Машкой — это понятно. А часы с мышкой — чушь какая-то, — сказал Новости Дня.

Машка услышала, что про нее говорят, высунулась из буфета и давай куковать!

— Ты что?

— Раскуковалась тут!

— То кукуй! То не кукуй! Толку от вас!

За последнее время Машка отоспалась, отдохнула, помолодела и стала просто очень хорошенькой кукушечкой. Она даже стала пробовать летать. И все время к чему-то прислушивалась. Кто-то куковал на другом конце деревни. И непонятно было, то ли это живая кукушка научилась куковать по часам, то ли это часовая кукушка научилась куковать не хуже лесной. Размышления на эту тему отнимали все Машкино время.

10. Визит лейтенантов кавалерии. Мышкин Подмышкина везет.

А дальше было вот что. Ровно в двенадцать у норки послышался шорох, и кто-то направился в сторону холодильника. Человечки высунулись в щели и стали светить фонариками.

— Ого-го! — закричал Холодилин. — Что я вижу! Мышкин Подмышкина везет.

— Все правильно, — послышалось из темноты. — Только все наоборот. Я-то наверху!

И верно, к ним приблизились старые знакомые с белым флагом, причем один сидел верхом на другом.

— А почему так? — спросил Холодилин.

— Разжаловали его, — объяснил высокий лейтенант, который сидел в седле. — Перевели из лейтенантов в кавалерию. Судьба играет офицером. Кому не везет, тот возит сам.

— За что же вас так понизили? — спросил Буре у мышонка.

Мышонок-лошадь грустно пожевал колбасные ремни и со вздохом произнес:

— Откусил. Вот за что.

— Что откусил?

— Колбасу, которую мы у вас захватили. Велено было не кусать, доставить живьем. А я не доставил.

— Суровые у вас порядки! — сказал Холодилин.

— А как же! — согласился верховой лейтенант. — Армия — это вам не детский сад. Армия — это знаете что такое?

— Что?

— Это очень сложное дело. У нас все делается по команде «бегом»!

— Ну, а с чем вы пожаловали?

— А вот с чем. Мы пришли заявить страшный протест. Почему вы поступаете не по-военному? Почему вы кормите пленных сосиской? Слухи об этом проникли в наши ряды, и теперь вся армия собирается сдаваться в плен. Какой смысл переносить лишения, ходить в атаки и питаться старым сапогом, когда у противника запросто выдают сосиски? Видите вы в этом какую-нибудь толковость?

— Не видим.

— И я не вижу. И все не видят. И поэтому мы категорически требуем пленных не кормить! Никаких сосисок! Корочку хлеба, и то через день! Хватит с них. А то полопаются!

— А если мы не выполним ваши условия — дадим им, например, сала? Тогда что?

— Сала?! — не то вскрикнул, не то всхлипнул Мышкин.

— Да, сала.

— Тогда не знаю что. Это — нарушение всяких правил! Это — военное преступление! Вся наша армия разбежится. И будет права.

— Ну вот что! — пресек его Холодилин. — Если нам вернут мальчишку, мы дадим за него выкуп — колбасу, сахар. А если не вернут, вам будет плохо. Мы пустим в ход мышеловки, электричество и даже всемирные потопы.

— Это как? — спросил лейтенант.

— А так, — объяснил Новости Дня. — Опустим один конец трубки в ведро с водой, а другой — к вам в нору. И будем ждать, пока вы, мокренькие, к нам в руки попрыгаете.

— Ясно, — сказал Мышкин. — Придется нам морской флот организовывать. Лодки из картошек выгрызать.

— Выгрызайте хоть авиацию, — сурово ответил Холодилин. — Только чтобы мальчишка был у нас завтра к вечеру.

В разговор вмешался Буре: он протянул лейтенанту свои карманные часы.

— Вот передайте вашей королеве. Скажите, подарок от нас. Пусть посмотрит, чтобы мальчишку не обижали.

После этого парламентеры и человечки разошлись. А на дорожке из зубного порошка остались следы ног и маленьких мышиных лапок. Затея девочки Тани-Яны-Юшечки осуществилась.

11. Великий трансформатор

— Ну что я говорила! Что я говорила! — закричала утром девочка Таня. — Смотри, мама, есть следы! Значит, есть человечки!

Мама посмотрела и сказала:

— Тебе кажется. Это кошка какая-то...

— Ничего не кошка. Это человечки. Они два шага сделали, а дальше дорожка кончилась. Я новую проведу и узнаю, где они прячутся.

— Ты сначала эту подмети, а я посмотрю.

Девочка принялась убирать, а про себя решила, что сегодня же примется за поиски человечков. И начнет с чердака.

В этот раз Новости Дня сидел у себя в приемнике и слышал весь разговор. От этой новости он страшно разволновался. Гарантийным человечкам категорически запрещалось показываться на глаза детям. Не каждый взрослый знал про них. Только главные специалисты заводов и фабрик. А чтобы про них узнали дети, нельзя было ни в коем случае допускать.

Едва-едва дождавшись ухода хозяев, Новости Дня бегом помчался к Холодилину.

— Мышкин Подмышкина везет!
— Все правильно. Только все наоборот.

— Караул! Знаете, что девочка придумала?
— Что?
— Она дорожку из порошка на кухне насыпала. А мы по ней ходили и следы оставили.
— Плохо, — сказал Холодилин.
— Еще как! — закричал Новости Дня. — Если девочка нас найдет, представляете, что будет? Она станет нас укладывать спать, возить в коляске, кормить пирожными из песка! Забинтовывать, мазать зеленкой и мерить температуру с утра до вечера!

Буре горестно соглашался с ним, а Холодилин помалкивал.

— А если она подарит нас какому-нибудь мальчику? Он станет таскать нас в карманах. Менять на перочинные ножи! Заставит плавать на самодельных кораблях. Превратит в солдатиков! А я не хочу, не желаю!
— И я не желаю, — сказал Иван Иванович.
— Да и я, — согласился Холодилин, — не очень желаю.
— Значит, мы должны немедленно уходить!
— А как же Пылесосин? — спросил Холодилин.
— Не знаю, как, — ответил радиомастер. — Только нельзя, чтобы из-за одного человека пропали все. Все важнее одного.
— Это все разговоры, — сказал Новости Дня.
— Никакие это не разговоры, — возразил Холодилин. — Вспомни Великого Трансформатора и войну 127 на 220.
— Не буду я ничего вспоминать. Если вы не хотите, я уйду один. Сегодня же ночью.
— Счастливого пути! — сказал Холодилин. — Только никуда ты не пойдешь... Как мне кажется.
— Почему?
— Да потому, что тебя зовут не только Новости Дня, но и Говорит Москва. А это ко многому обязывает... Я уже молчу, что у тебя радиола не работает.

Радиомастер схватился за голову.

— А ведь верно! А ведь верно! И как это я...

И он в волнении стал расхаживать из угла в угол холодилинской комнаты.

— Простите, — обратился Буре к Холодилину. — Что это за война такая 127 на 220? Я про нее ничего не слышал.
— Сейчас расскажу, — ответил Холодилин. — Одну минуточку. Слушай, — обратился он к Новостям Дня. — Будь добр, возьми дрель и просверли несколько дырочек в полу. Надо узнать, что там у Пылесосина делается.

Радиомастер взял дрель и вышел из комнаты. А Холодилин начал рассказ:

— Раньше, лет двадцать назад, все телевизоры, холодильники и другие приборы выпускали на напряжение 127 вольт. Но прошло время — начали выпускать на 220. Понятно вам?
— Более или менее, — ответил Буре.
— Сначала гарантийных человечков на 127 было много. Они считали себя главней. И радиопередачи делали для себя, и паяльники, и утюги. Только мастеров на 220 становилось все больше. И те, которые на 127, в конце концов остались в меньшинстве. Но они уже привыкли считать себя важнее и ни в чем не уступали. Тогда и началась война. В каждом доме, на каждом заводе! Сколько пленных было захвачено, сколько разных поломок организовано — целую книжку можно написать!

— А кто такой Великий Трансформатор? — спросил Буре.

— Был такой вождь у 220. Очень умный человек. Это он предложил создать Управление Гарантийных Человечков, а в нем две делегации — 127 и 220. В каждом городе или поселке есть свои управления. Даже на больших кораблях и самолетах.

— А что стало с Великим Трансформатором?

— А ничего. Работает где-то. Может, в стиральной машине. Может, в полотере. Он человек скромный. Прекратил войну и работать ушел. Только памятники ему все равно стоят почти в каждом доме.

— Это как? — удивился Буре.

— Да очень просто. Есть такие приборы — трансформаторы. Они могут преобразовывать напряжение: 127 переделывать на 220, а 220 на 127. Слышали про них?

— Слышал...

— Так вот эти трансформаторы и считаются памятниками тому мастеру.

— Очень мудро! — тихо сказал Буре. — Прекрасная история. Ее просто можно в дом приносить, как подарок ко дню рождения.

В это время вернулся Новости Дня.

— Можно идти смотреть, — сказал он. — Готовы дырочки.

Мастера отправились вниз.

12. МОТОР КОРОЛЕВСКОГО АВТОМОБИЛЯ

Над главной площадью королевства взошло полосатое солнце. Осветило пол, норки и королевский дворец.

Пылесосин выглянул в окно своего автобуса-зоопарка и увидел, что в королевстве не все в порядке. По площади туда-сюда разгуливали толпами мышата.

У каждой группы был свой лозунг. Мальчик с удивлением читал:

«Долой порох, да здравствует творог!»

«За каждого генерала нам дадут кусочек колбасы или кусочек сала!»

Были лозунги попроще, без выкрутасов:

«Мы хотим дружить с гарантийными, потому что они молодцы и все умеют».

«Если он гарантийный, это еще не значит, что он вредный и противный!»

Тут на игрушечном автомобильчике подъехал король. Его окружили конные, вернее, мышиные генералы кавалерии, перетянутые ремнями из колбасной кожуры. Король выбрался из автомобиля и сказал ему:

— Поезжай на стоянку и жди меня там.

Как ни странно, автомобильчик сам развернулся и поехал к автобусу Пылесосина. А на площади поднялся невероятный шум — это начался митинг. Король вышел на трибуну и стал говорить:

— Дорогие мыши и сограждане! В наших рядах появились отступники и изменники! И их большинство! Они узнали, что противник живет хорошо, и решили, что они должны жить не хуже! Иначе как предательством это не назовешь. Сосиски — разве это в жизни главное? Даже я могу обойтись без них! А вы-то уж и подавно! В первую очередь мы должны завоевать гарантийных!

— А зачем? Для чего? — закричали из толпы.

— Если мы завоюем их, это будет наша победа! Тогда у нас будет сколько хочешь сосисок и всего остального! Понятно вам? А вы говорите — сосиски. Смешно! Ура!

Однако население молчало. Никто не закричал «ура», если не считать нескольких генералов.

— Ну, ладно, — сказал король. — Я вижу, мнения разделились. И теперь перед нами стоит один вопрос: королевство или колбаса? Колбаса или королевство? Это мы должны сейчас решить. Кому важнее королевство, пусть идет направо, кому колбаса — налево!

Площадь зашумела и стала думать. А Пылесосин вдруг услышал чей-то голос:

— Эй, гарантийный! Ты меня слышишь?

— Кто это?

— Это я. — Из-под машины вылез маленький белый мышонок. — Я Вася.

— Ты кто?

— Я мотор. Одна лошадиная сила. Я машину завожу.

— Разве нельзя заводить ее ключом? — спросил Пылесосин.

— Можно. Но тогда у меня работы не будет. Я нарочно не говорю королю про ключ. А сам он в технике ни бум-бум!

— А ты бум-бум?

— Конечно. Я во Дворце пионеров жил. В живом уголке. Потом сбежал и по разным кружкам бегал, где технику учат.

— А как ты сюда попал?

— Случайно. Я в самолет залез с моторчиком. Спать. А его утром запустили. Вот меня сюда ветром и принесло. Теперь я здесь живу.

— Хочешь к нам?

— Еще бы! Возьмете меня?

— А ты поможешь мне выбраться?

— И помогать нечего. Я думаю, тебя и так отдадут. Видишь, сколько ты здесь беспорядков наделал.

В это время на площади закончилось деление мышат на тех, кому дороже колбаса, и на тех, кому — королевство. Колбасных оказалось десять, сторонников короля — двенадцать. Среди них четыре верховых генерала.

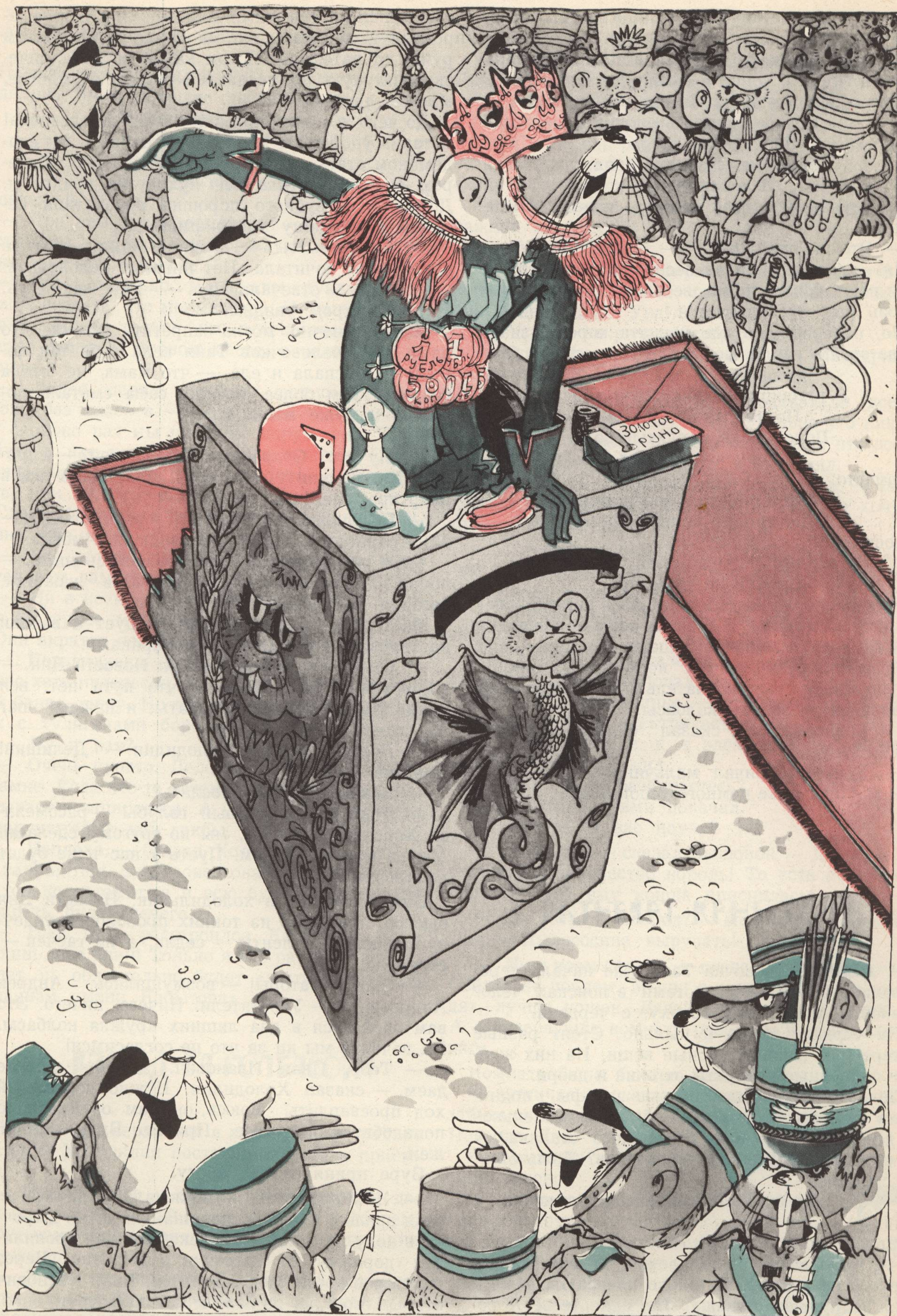
— А лошади? — вскрикнул Пылесосин. — Что, они не считаются?

— Считаются, — ответил мышонок. — Только как им быть? На них же генералы сидят.

И тут белого мышонка осенило. Он открыл багажник автомобиля и вынул стеклянный наконечник пипетки... Для кого-то это был наконечник, а для мышонка — горн, труба. Он поднял голову и затрубил:

— Та-та-та-та! Та-та-та-та!

Это был мышиный королевский гимн. И все

— И теперь перед нами стоит вопрос:
королевство или колбаса?

мышата стали вставать на задние лапы и вытягиваться во весь рост, потому что при исполнении гимна всегда полагается вставать. Генералы попрыгали с коней и вытянулись в струнку. То же сделали и кони. И все запели:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.

— Странный у вас гимн, — сказал Пылесосин.

— Это я предложил! — ответил мышонок Вася. — А что? Лучшая песня. В Новый год ее дети поют. Много шуму, веселья. Много конфет сквозь пол проваливается.

Но, наверное, не все мышата хорошо знали слова своего гимна, потому что некоторые пели так:

В трусишках зайка серенький
Под елочкой скакал,
Порою волк, сердитый волк
С овцою пробегал.

А вместо:

Мороз снежком укутывал,
Смотри не замерзай!..

доносилось:

Матрос с мешком запутывал,
Смотри не вылезай!..

И пока елочка жила в лесу, пока скрипел снег по лесу «частому» и бежали всякие «лошадки мокроногие», мышиные лошади незаметно, шаг за шагом переходили на колбасную сторону. В результате счет окончательно и бесповоротно изменился в пользу колбасы.

— Поздравляю! — сказал белый мышонок Пылесосину.

— Ура! — закричал мальчишка.

И мастера тоже немного успокоились.

13. КОННАЯ ГАРАНТИЯ

А хозяйская девочка Таня уже начала переворачивать дом вверх ногами в поисках человечков. И начала она сверху, с чердака.

На чердаке темно и пыльно. Стоят разные интересные и неинтересные вещи. На них желтые солнечные квадраты от окна и двери.

Девочка открывала старые шкафы, поднимала крышки чемоданов. Нет ли где маленького домика? А в домике маленького столика? А за столиком маленьких человечков? Пыль стояла столбом.

— Ну, где же вы? — спрашивала девочка. — Апчхи.

Человечков не было.

— Человечки, пчхи-ловечки! Я вам ничего плохого не сделаю. Я только поиграю с вами и пчхи-подружкам покажу. Не прячьтесь! Хорошенькие человечки!

Но человечков по-прежнему не было.

Зато карманы девочки с каждой минутой наполнялись интересными вещами. Она нашла деревянную картинку, потом колокольчик. Потом ручку от патефона. Потом какую-то металлическую штуку в промасленной бумаге. И многое, многое другое.

До чего ж она упрямой была, эта девочка! С таким упорством можно в пятнадцать лет академиком стать, если так же уроки учить. Вечером она расчертила всю кухню на квадраты. Дорожки из зубного порошка превратили веранду в страницу по арифметике.

— Да брось ты, — говорила мама. — Лучше букварь бы почитала. Нет никаких человечков.

— Есть, — отвечала Яна. — Еще как есть. Вот мы утром увидим.

Мама, конечно, могла запретить девочке. Но из-за этих человечков Таня вела себя так хорошо — и спала и ела, — что мама не стала спорить. Тем более девочка сама сметала дорожки и даже мыла пол.

— Ну что? Отправимся за щеткой? — спросил Холодилин у Новостей Дня, когда все в квартире улеглись спать.

— Безусловно, — ответил радиомастер. — Мою радиолу в любой день включить могут.

— А ты, Иван Иванович, не ложись спать, — попросил Холодилин Буре. — Мне кажется, сегодня мальчик вернется.

Мастера вооружились как следует и вышли на террасу, освещая путь фонариками.

— Стой! — вдруг вскрикнул Новости Дня. — Смотри-ка. — Они увидели, что пути нет: вся кухня расчерчена на квадраты, и каждый шаг их станет заметен утром.

— Дела! — сказал Холодилин. — Делишки! Как же быть?

— Может, Машку послать?

— Тоже мне почтовый голубь! — рассмеялся Холодилин. — Нет, мы по-другому сделаем. Мы на мышах поедем. Пусть у нас тоже будет кавалерия.

Они вернулись в холодильник. Новости Дня быстро смастерил из тонких проволочек уздечку, из клейкой ленты — седла, а из гаечек — стремена.

— Эксплуататоры! — возмущались Андреи Андреевичи. — Угнетатели! Ничего, ничего. Это вам обойдется в два лишних кружка колбасы. На печенье мы ни за что не согласимся!

— Тебе, Иван Иванович, задание важное даем, — сказал Холодилин. Нужно подземный ход просверлить. Боюсь, он нам очень скоро понадобится. Ну все. Привет. Будь осторожен.

Буре принялся за работу.

— Ж-ж-жжжжжж! — жужжала электрическая дрель в руках часовщика. Он делал дырочки в полу. А потом маленькой пилкой пропиливал дорожку от дырочки к дырочке. Через некоторое время люк был готов. Иван Иванович открыл его и лег на пол, чтобы посмотреть вниз. И тут же из люка показались беленькие усики и наружу выбрался мотор королевского автомобиля — мышонок Вася.

— Привет, гарантийные! — сказал он. — Я к вам. Плохо дело. На вас нападение готовится.

Ночной поселок был тих. И почему-то у Холодилина было хорошее настроение.

— Мы конная гарантия.
И про нас
Наука хиромантия
Ведет рассказ, —

напевал он.

— При чем тут хиромантия? — спросил Новости Дня. — Это же такая наука, которая по руке говорит о человеке.

— Все правильно. По нашим рукам сразу можно сказать, что мы мастера. И, кажется, неплохие. Плохо только, что в некоторых из нас мастер стоит на первом месте, а человек — на втором.

— Ладно, ладно! — сказал радиомастер. — Прошу без намеков. — Из-за твоей человечности уж сколько раз мы правила нарушали. Да и сейчас у нас положение не из лучших. Снизу мыши донимают, сверху — девочка. Неизвестно еще, чем все это кончится.

Слава Кабытов, а по-служебному Ноль Один, давно уже ждал их.

— Что это вы не появляетесь? Я уж было хотел сам вам щетку нести.

— Ни в коем случае. У нас там такие события. Наверное, мы будем уходить.

Они вкратце пересказали ему всю историю.

— Позавидуешь вам, — сказал Кабытов. — У вас хоть интересно. А я здесь, как в консервной банке, сижу. Но ничего, я опять придумал, как с хулиганами бороться.

— Ну и как?

— Очень просто. Делается такое устройство в замке. Если кто-то автомат ломает, замок срабатывает и запирается. А утром милиция ходит и нарушителей, как грибы, собирает. Здорово?

— Неплохо, — сказал Холодилин. — Но если нарушитель поздоровее окажется, он к утру не только автомат, а и всю будку разнесет. И собирать будет нечего.

— Тьфу ты! — расстроился Кабытов. — Куда ни кинь, все клин! Только я все равно изобрету. Будет он, обязательно будет «Антихулиганный механизм имени Кабытова».

14. ВПЕРЕД-ЗА КОЛБАСОЙ!

Прежде чем вернуться в холодильник, радиомастер и Холодилин поставили щетку в приемник.

— Знаешь что, — сказал Холодилин, — давай на всякий случай твою комнату разберем. Вдруг нам бежать придется. Так по инструкции положено.

— Я смотрю, некоторые не только нарушать инструкции могут, но и соблюдать иногда, — съехидничал радиомастер и принялся за дело.

Через пять минут комната была разобрана. Они сели на мышат и поехали к холодильнику.

— Вы слышали? — встретил их Буре. — На нас нападение готовится!

— Вот еще новости! — сказал Новости Дня. — Что за нападение?

— А вот послушайте. — Буре познакомил их с белым мышонком, и Вася начал рассказ.

Да, Пылесосин радовался рано. В тот момент, когда сторонники колбасы победили, король снова вскочил на трибуну.

— Так, значит, дорогие сограждане, для вас важнее колбаса?

— Точно!

— Так завоюем гарантийных! — закричал король. — У них сколько хочешь колбасы! И вся она будет наша! Ура!

— Ура! — закричали сограждане.

— Вперед! — закричал лейтенант кавалерии Мышкин. — К оружию! За колбасой!

— Вперед! За колбасой! — подхватили все.

Удивительно это получилось. Только что никто не хотел воевать, и вдруг оказалось, что все за войну. Почему, так никто и не понял.

— В общем, гарантийные, готовьтесь, — закончил свой рассказ мышонок. — А я не хочу против вас воевать.

— Слушай, — сказал Холодилин, — кто у вас там такой толковый? Кто про клей придумал? И провода перегрызать?

— Я придумал. Я немного в технике разбираюсь.

— Спасибо, — сказал Новости Дня. — Очень ты нас порадовал.

— А в какой технике? — спросил Буре. — В механике или в электричестве?

— И в механике и в электричестве. Я во Дворце пионеров жил.

— И в часах разбираетесь?

Вася только усами покачал.

— Хотите, я вас научу?

— Еще как! — сказал мышонок. — Да здравствует его величество король! То есть нет, наоборот. Чтоб ему кошка приснилась!

— Ну что, вперед? — спросил Новости Дня. — Пылесосина выручать!

— Ни в коем случае, — сказал Холодилин. — Сейчас не пойдем. Мыши в темноте хорошо видят, лучше кошек. Давайте-ка дождемся утра. А сейчас лучше комнату разберем и вещи сложим.

Комната была быстро разобрана.

— Отлично, — сказал Холодилин. — Теперь займемся оружием. У тебя что? — спросил он Новости Дня.

Радиомастер извлек из рюкзака металлический бочонок.

— Конденсатор заряженный. Если эти проволочки поднести к кому-нибудь, так трахнет — закачаешься!

— Отлично. А у вас что? — спросил он у Буре.

— У меня ничего, — сказал Иван Иванович. — Разве вот это. — Он показал что-то завернутое в промасленную бумагу.

— Что это?
— Запасная пружина к часам. Скрученная.
— Откуда?
Буре опустил глаза.
— У хозяйской девочки стащил.
— Вот еще! — ахнул Холодилин. — Зачем?
— Ничего не мог с собой поделать. Когда я вижу запасные части к часам, я ненормальным становлюсь. Может, она не заметит?
— Как же не заметит! — сказал Новости Дня.
— Час от часу не легче! — вздохнул Холодилин, и наступила сердитая пауза.
— Ладно, делать нечего, — продолжал холодильный мастер. — Но если об этом узнают в Управлении, вам здорово нагорит.
— Может, положить на место? — спросил Буре.
— Теперь уже поздно. Только хуже будет, — сказал Новости Дня. — А у тебя-то что за оружие?
— У меня? — переспросил Холодилин. — А вот что: баллончик с гелием. Хорошая штука! Кран откроешь — из него газ, как из огнетушителя. Только холодный. Сразу зима вокруг на целый метр. Хоть шубу надевай. Отлично охлаждает горячие головы.
— Хорошая вещь, — с уважением сказал Новости Дня.
— А сейчас всем спать! — приказал Холодилин.
Его комната была разобрана. Ни диванов, ни кроватей. И все улеглись на полу, положив под голову рюкзаки с инструментами и оружием. Рядом тепло посапывали два пленных Андрея Андреевича.

15. ЛУЧШИЕ ЗУБЫ КОРОЛЕВСТВА

Утром Татьяна внимательно исследовала все меловые дорожки.
— Мама, мама! Иди сюда! Есть человечки! Есть человечки! Вот, пожалуйста: они следы оставили!
— Как следы? — крикнул Холодилин радиомастеру. — Ты что, слезал с лошади?
— Нет, не слезал. Просто мой мышонок пониже. И я, наверное, ногами задевал.
— Мышиные лапки я вижу, — с тревогой сказала мама. — А насчет человечкиных следов сомневаюсь.
— А я не сомневаюсь! — кричала девочка.
— Глупости все это! — сказала мама. — Я тридцать лет на свете живу, а ничего подобного не слышала. Вот котенка я тебе, пожалуй, заведу.
— И котенок хорошо! И человечки хорошо! — танцевала девочка. — Я их теперь обязательно найду. Они где-то около холодильника прячутся.
— Ты сначала позавтракай, — сказала мама. — И подумай еще: стоит ли их ловить, раз они от тебя прячутся?
Девочка сразу погрустнела.
— Ты знаешь, мамочка, наверное, не стоит. Мне просто на них посмотреть хочется, как они там живут. Я даже сама не знаю, откуда во мне такое ловительство. Я посмотрю на них и отпущу.
Все-таки вредная половинка не всегда брала верх. Юшечка тоже иногда говорила свое слово.

— Все! — сказал Холодилин. — Идем! Посмотрите, мы ничего не забыли? — Он стал поднимать крышку люка.
— Боюсь, нас там схватят, — предупредил белый мышонок.
— Могут, — кивнул Холодилин. — А мы вот как сделаем. Иван Иванович, давай твою пружину.
И все поняли, что задумал мастер.
Буре вынул из рюкзака тяжеленный сверток — что-то промасленное и крепко перевязанное проволокой.
— Раз! — И сверток полетел вниз, в подпол.
— А теперь ждем.
Внизу под люком сначала все было тихо. Потом послышался торопливый бег большого количества ног и голоса.
— Это я нашел! Я первый увидел! — кричал мышонок Подмышкин. Ему очень хотелось снова стать лейтенантом.
— Нет я! — кричал лейтенант Мышкин, который всей душой рвался в генералы. Для убедительности он даже встал на сверток, как на пьедестал.
— Нет, это мы нашли! — кричали два каких-то колбасных генерала.
Все больше и больше мышей прибывало на площадь. Суматоха и шум росли. И вот прибыл король. Все разошлись и уступили ему дорогу к свертку.
— Ваше величество! — сказал Мышкин. — Эта штуковина упала сверху. И она вся промасленная.
— Что упало, то пропало. Так говорит наш мышиный народ, — заявил король. — А я пока еще ему доверяю.
— Кому вы поручите торжественно перегрызть веревочку? — спросил Мышкин.
— Я сам ее перегрызу, — отвечал король. — Мои зубы, пожалуй, самые лучшие в королевстве.
— Не завидую я его зубам, — грустно сказал Буре.
Послышался такой звук, будто кто-то пилил металлом по металлу. Потом раздался ужасный звон и треск. И пружина плеснула во все стороны. Она раскручивалась все больше и больше по площади, и кругами разбегались и разлетались во все стороны рядовые и генералы колбасной армии.
— Вперед! — сказал Холодилин. — В путь.
— Не могу идти, — вдруг уперся Буре.
— Почему?
— Без Машки я не пойду.

— Но вы всех нас подведете! — крикнул Новости Дня.

— Пошли, пошли, — вдруг сказал мышонок Вася. — Я знаю, где ваша Машка.

16. БАЦ-БАЦ, НА МЕСТО!

Главная площадь мышиного города была пуста. Никого. Только Пылесосин что-то радостно кричал из автобуса. Мастера выпустили мальчишку и с огромным трудом скрутили пружину Ивана Ивановича.

— Ну, как местная публика? — осведомился Холодилин.

— Бестолковые они, а так ничего. Кормили меня, здоровались. Если бы не их король, с ними можно ладить. А вы почему с рюкзаками?

Ему рассказали, что случилось за это время наверху.

— Значит, уходим? — спросил мальчишка.

— И как можно скорее, пока местные умы не расчухались. Кстати, где тут выход?

— А вон, — показал Вася. — Вон там в углу в подвальном окошке дырочка есть.

— Послушайте, — сказал Новости Дня. — Может, еще один подарочек оставим королю? — Он показал на газовый баллончик Холодилина. — Прокусит он его, а оттуда зима как засвистит! Тогда он больше не станет воевать с гарантийными.

Но Холодилин не согласился:

— Больше он ничего кусать не станет. Подмышкину велит. А ему, бедняге, и так не везет. Все вперед, у нас путь далекий. Неизвестно, что еще нас ждет.

На улице было тепло и непривычно. И желто-залито-солнечно. Человечки по обочине дороги направились к краю деревни. Там, на околице, по сведениям мышонка Васи, проводила все свое свободное время легкомысленная кукушка Машка. Потому что в том доме тоже были старинные часы. В часах тоже жила кукушка. Звали ее, а вернее его, Петька.

Гарантийные пробивались сквозь густую траву, стараясь не показываться на открытых местах.

— Я первый раз так иду, — сказал Иван Иванович.

— А я сколько раз! — сказал Новости Дня. — Вертолеты ведь далеко летать не могут. Вот и добираешься на попутках.

Он шагал впереди, прокладывая дорогу и посматривая, нет ли какой опасности — кошки там или коршуна. Перед собой он держал две проволочки от конденсатора, а сам конденсатор был в рюкзаке. Шествие замыкал Холодилин с баллончиком в руках.

Ни кошки, ни коршуна не было. И вообще не было особых приключений. Только один настырный и бестолковый индюк попытался их поклевать. Но радиомастер протянул к нему проволочки, и шесть килограммов индюшатины в ужасе унеслись в неизвестном направлении.

Вот и крайний дом. Двери закрыты, окна заколочены. Но мышонок знал здесь все ходы и выходы. Он приподнял половицу под дверью, и человечки пробрались внутрь.

— Мы раньше здесь жили, — сказал Вася. — Пока хозяева в город не переехали.

В доме было чисто и пусто. В большой комнате висели старинные часы. Человечки покричали, пошумели, и к ним сверху упала веревочная лестница.

Хозяином был плечистый, седобородый старик. Он встречал гостей на площадке внизу, придерживая огромного цепного паука.

— Тихо, Бац-Бац! На место. Кому говорят!

Паук с недовольным ворчанием удалился в свою будку — темный угол часов, занавешенный паутиной.

— Сергей Сергеевич Мозер, — представился хозяин и поклонился в пояс.

Он быстро вскипятил самовар и стал угощать пришельцев. Но Машку отдать наотрез отказался.

— Это как голуби, — сказал он. — Я подманил, была ваша Машка, стала наша Глашка. Не зевайте в следующий раз. А у меня теперь пара.

Старик оказался интересным. Он привык к одиночеству и не тяготился им, как не тяготятся пожилые лесники и пасечники. И вообще он вел скорее крестьянский, чем мастеровой образ жизни. Даже пчелы у него были. Вернее, осы.

Буре совсем было загрустил, но толковый Вася нашел выход:

— А сменяться можно? — спросил он у старика.

Мозер недоверчиво покосился на него.

— А на что?

— Вот на это. — Вася вытащил из рюкзака Буре пружину. Глаза у Мозера загорелись. Пчелы пчелами, природа природой, а все-таки он был мастер! И неплохой, судя по тому, сколько лет служили его часы и как они выглядели.

— Вот черти хитрые! — сказал он. — Ладно, берите вашу бестолковушку.

Он вышел из комнаты и принес пучеглазую Машку. Кукушка увидела Буре, захлопала крыльями, закудахтала и радостно уселась к нему на плечо.

— Все, — сказал Холодилин. — Прощаемся.

Мозер проводил их до лестницы. Придержал Бац-Баца и пожелал счастливой дороги.

— Ну, как дальше? — спросил Буре, когда они вышли из дома.

— Очень просто, — ответил Холодилин, — до ближайшего шоссе. Там у километрового столба делаем знак: ставим наверх цветок и ждем.

— Чего ждем?

— Увидите.

И вот целый час стоят они возле километрового столба. На столбе цветок. А они ждут.

— У-у-у-у! — послышался вой мотора издалека. Показался новенький, с иголочки грузовик.

— Приготовиться! — приказал Холодилин.

И точно, грузовик вдруг стал пыхтеть, чихать, дергаться и резко сбавлять скорость. Около километрового столба машина остановилась. Из кабины вылез молоденький недоумевающий шофер, открыл капот и стал копаться в моторе.

— С чего бы это? — говорил он, почесывая затылок. — Ехал, ехал... Мотор совсем новый. Еще гарантия не кончилась.

Тут из мотора грузовика рядом с передним колесом выпала веревочная лестница. Человечки подхватили рюкзаки и ринулись внутрь.

— Быстрее, быстрее! — говорил маленький человечек в черном комбинезоне. Он стоял наверху.

Путники оказались в довольно уютной, хотя несколько замасленной комнате-мастерской. И как только они вошли, хозяин немедленно исчез. Через две минуты мотор снова запел песню, и они поехали.

17. ПОЧЕМУ МЫ, ГАРАНТИЙНЫЕ, ХОРОШО НА СВЕТЕ ЖИВЕМ

— Ничего не понимаю, — сказал Буре хозяину комнаты, когда тот вернулся. — Вы, что, специально за нами приехали?

— А чего понимать-то? — ответил автомастер. — Увидел я знак — и все. И остановил машину.

— Но как?

— Да просто. Перекрыл жиклер в карбюраторе. Прекратил подачу бензина. А потом снова завел. Все путем. В первый раз, что ли?

— А что шофер?

— Что шофер? Он подумал — песчинка попала. Да мало ли что?

— А я вас знаю, — сказал Пылесосин. — Вы Карданыч. Вы нас на дачу перевозили.

— И вовсе нет. Я Рессорыч. А Карданыч — это мой приятель. Мы в одном автопарке работаем. Хороший мастер. Все путем. Ну ладно, вы лучше скажите, кому куда.

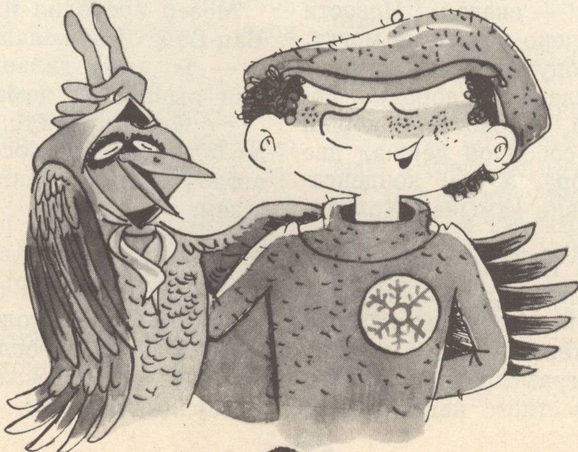
Человечки назвали адреса.

— Все путем. — сказал Рессорыч. — Прокат холодильников на нашей улице. Радиозавод рядом. Карданыч туда ездит. Да и мастерская по ремонту пылесосов где-то по дороге будет. А вот вам куда? — обратился он к Буре.

— Поедете со мной? — спросил Буре у мышонка.

— Еще как!

— Тогда нам на улицу имени водопроводчика Петрова, дом 31.

— Ладно, — согласился Рессорыч. — Только вам придется со мной поездить. Может, неделю. Может, две. Мы в тех краях редко бываем, там заводов нет.

— А как вы в дом проберетесь? — спросил Холодилин.

— Проберутся, — сказал Новости Дня. — Через балкон. Там дикий виноград до третьего этажа. Или через чердак. Или через вентиляцию. Или через крышу — по антенне. Не маленькие.

— Ну что же, — сказал Буре. — Давайте на всякий случай прощаться. Очень я к вам привык. Сдружился за это время. Я теперь осиротею.

— Ничего, — успокоил его Пылесосин. — Может, кто у вас новый появится. В стиральной машине приедет. Или, например, в полотере.

— То ли появится, то ли нет, — возразил Буре. — А потом пока я к ним привыкну, пока подружусь, как с вами... Им уже и уезжать пора.

— Не прав ты, Иван Иванович, — сказал Холодилин. — В чем наша сила? Почему мы, гарантийные, хорошо на свете живем? Да потому, что мы не привыкаем друг к другу, а сразу ладим. Мы к каждому мастеру подходим так, будто всю жизнь его знали. И не просто знали, а знали как хорошего человека. Верно, Рессорыч?

— А что? Все путем.

— А хочешь, Рессорыч, я тебе перочинный нож подарю? Или фонарик новенький?

— Нож-то мне ни к чему, — отвечал мастер. — А вот от фонарика я бы не отказался. Дари, коли не жаль.

А мотор все гудел и гудел. А дорога все бежала и бежала под колесами. Потом Холодилин отвел Буре в сторону и сказал:

— У тебя, Иван Иванович, хорошее дело может выйти. До сих пор мыши с людьми не ладили. А их можно помирить! Чем мыши, например, собак хуже? Или пчел?

— Понял, — сказал Иван Иванович. — Постараюсь.

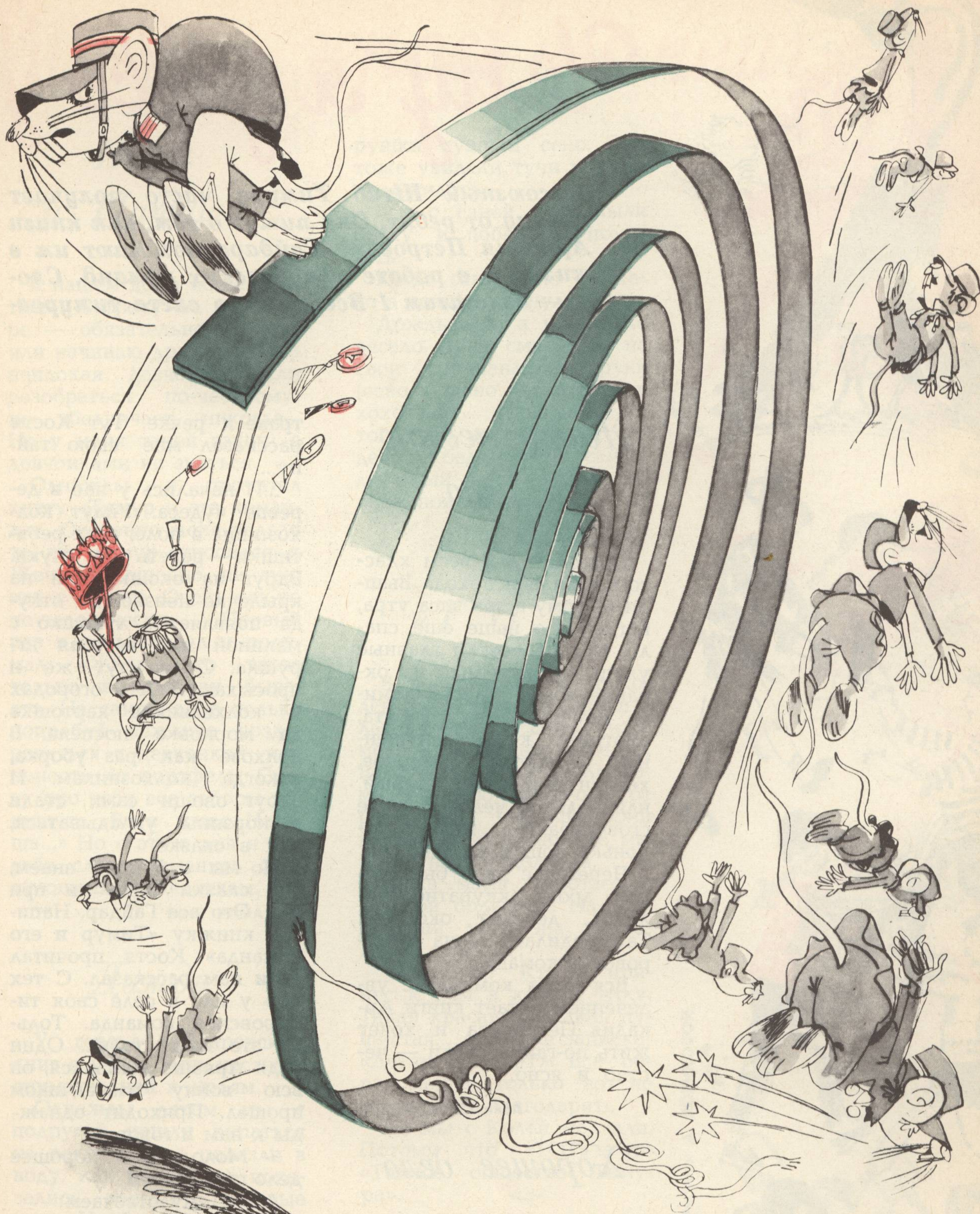
А дорога все бежала и бежала назад. И становилась все короче и короче.

Все путем.

ЭПИЛОГ

Девочка Таня все излазила на даче. Но не нашла человечков. И грустно-прегрустно ей стало. И немножко совестно.

— Мама, — сказала она. — Я больше не буду человечков искать. Если они от меня прячутся, то знают почему. Пусть живут, как им

Пружина плеснула во все стороны!..

хочется. Даже если их нет. Если они мне приснились.

И вдруг она увидела кончик белого листка, торчащего из-под холодильника. Девочка взяла его и прочитала: «Никаких человечков нет. Это все тебе приснилось. Но котенка у мамы не проси. И. И. Буре».

И опять Иван Иванович жил в часах. Он, да Машка, да мышонок Вася. Замечательно они жили. Просто очень хорошо. Только Машка отличилась. Стала яйца нести. Нет чтобы свое гнездо свить. Так, здрасьте, пожалуйста, стала из дома вылетать и по разным часам их раскладывать. Ничего не поделаешь: она же кукушка, а не курица. И в разных часах, в разных квартирах стали птенцы выводиться.

Вот почему в современных домах, среди современной мебели так много стало обыкновенных деревенских ходиков с кукушкой. Вы тоже это заметили?

КОНЕЦ

Чему я учусь у

Всесоюзный Штаб Тимура часто получает письма от ребят. Они пишут о том, как книги Аркадия Петровича Гайдара помогают им в жизни и в работе тимуровских команд. Слово — делегатам I Всесоюзного слета тимуровцев.

Жить честно и ясно

Однажды мы всем классом ходили в поход. Вышли из дому в три часа утра, когда село наше еще спало. Мы пересекли главные улицы и очутились на окраине возле старого домика. Кто-то сказал: «Ребята, смотрите, какое запущенное хозяйство. Наверное, хозяин или очень старый, или больной человек...» Не сговариваясь, мы потихоньку вошли во двор.

Через час двор был убран, дрова аккуратно сложены, деревья окопаны. Так родилась наша тимуровская команда.

Вся наша команда с увлечением читает книги Аркадия Петровича и хочет жить по-гайдаровски — честно и ясно.

Лена **СТРОКИНОВА.**

Хорошее дело

Первый день летних каникул. Мы с Костей бежим по мокрой от росы траве к речке. Тут Костя рассказал мне свою тайну...

...И начались у нас в деревне чудеса. Уйдут колхозницы в поле, а их ребятишки — реветь от скуки. Вдруг на окошке или на крылечке неизвестно откуда появляется лукошко с малиной или веселая игрушка. Слезы тут же и просыхают... А в огородах у колхозников картошка да морковка поспела. В колхозе как раз уборка, некогда колхозникам. И вдруг овощи сами стали в корзины укладываться, как в сказке.

Но мы с Костей знаем, что сказки здесь ни при чем. Это все Гайдар. Написал книжку «Тимур и его команда». Костя прочитал ее и нам рассказал. С тех пор у нас в селе своя тимуровская команда. Только это наша тайна. Один дядя Аркаша догадался, он всю войну разведчиком прошел. Приходит однажды к нам и говорит:

— Молодцы, хорошее дело придумали!

А мы ему отвечаем:

— Это, дядя Аркаша, нам Гайдар помог.

Валерий **МОРОКОВ.**

ГАЙДАРА и героев его книг

Женя и Наташа

В нашем доме живет Наташа. Встречу ее во дворе — обязательно толкну или начинаю дразнить. Она неплохая девчонка, если разобраться по-честному: не ябедничает никогда... Но у меня такой закон: с девчонками не знаться.

Однажды я прочитал книгу «Тимур и его команда». Особенно меня задело то, что Тимур относился к Жене совершенно не так, как я к Нате. Очень как-то по-человечески... Первый раз я позавидовал и подумал: «Жаль, что такое только в книжках бывает». На самом деле только попробуй вежливо поздороваться с девчонкой или понести ее портфель. Сразу про тебя все заборы испишут: «Витя плюс Наташа...» Но с этого дня я дал себе слово изменить свое отношение к девочкам.

Витя РОМАНОВ.

Дождь

У героев гайдаровских книг я учусь быть честной, внимательной к людям.

Однажды летом мы с подругой пошли купаться на реку. Только полезли в воду, как из-за леса показались черные грозовые тучи. На берегу реки старушки сушили сено. Они тоже увидели тучи и переполошились.

Мы с Таней переплыли речку и побежали помогать.

Когда сено было сложено в копны, хлынул дождь.

Дождь лил, а нам было весело. Мы смотрели на свои поцарапанные руки (сено больно кололось) и хохотали... Наверное, от того, что не оставили людей в беде. Мой самый любимый герой — Алька из «Военной тайны».

Лена КРУПИНА

«ТОТ»

В воскресенье мы с Колей взяли санки и пошли в лесничество за семь километров от нашего поселка. Весь день мы не были дома, а вечером получили от родителей нагоняй. Они добивались от нас, где мы были, но мы молчали.

Наша мама работает в детской больнице. На следующий день она приходит и говорит:

— Чудеса! Кто-то принес к нам в корпус елку. Такая красавица, такая пушистая... А в елке записка: «Детям от «ТОТ». Все обрадовались, только вот не знаем, кого благодарить.

Но мы с Колей молчали. Потому что «ТОТ» — это «Тайное общество Тимура».

Вова ЛАПШИН.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

фотоконкурс

«Школьная летопись»

«Шестью восемь — сорок восемь», Владимир Ильичев, Москва

Фотоурок ведет корреспондент журнала «Пионер» В. ПОСТНИКОВ.

Школьные летописцы отозвались на наш конкурс и прислали первые свои работы. Распечатаны толстые конверты, и перед нами замелькали странички бесконечной летописи.

Лето и осень 1973 года... Одним ребятам это время запомнилось веселым турпоходом, на другом снимке — экскурсия в музей, на третьем — смена караула у школьного мемориала, на четвертом — обычный урок.

Все летописцы справились с важным делом — точно, интересно выбрали тему. За каждым снимком — живая школьная жизнь, каждый из них достоин того, чтобы быть частью летописи.

Но вот о качестве ваших фотографий — особый разговор. Пожалуй, ни одна из них для настоящей летописи не годится. Уже сейчас почти все снимки бледные, плохо напечатаны, а что же будет через десять—пятнадцать лет? Захочешь посмотреть на свой любимый 5-й класс, а разобрать ничего не сможешь. Очень будет обидно...

Давайте на этих снимках разберем, в чем же причина.

Начнем со снимка Пети Марочкина «ЦВЕТЫ ПОГИБШИМ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ» (г. Пермь).

Здесь хорошо видна одна из главных причин ваших неудач. Мы догадываемся, глядя на снимок, что происходит важное событие, но видим только спины людей, да еще снятые мелким планом. Здесь нужно было крупно снимать лица людей, их глаза, чтобы показать волнение и скорбь. Такой снимок не сделаешь откуда-то издалека.

из-за чьей-то спины. ВОТ НАШ СОВЕТ: ВЗЯЛ В РУКИ ФОТОАППАРАТ — НЕ РОБЕЙ! ДЕЙСТВУЙ СМЕЛЕЕ! ПОКАЖИ САМОЕ ГЛАВНОЕ, САМОЕ ВАЖНОЕ ИЗ ПРОИСХОДЯЩЕГО.

Снимок Андрея Клименкова «С аппетитом начинается обед» (г. Свердловск) очень славный. Тут ничего не надо объяснять и добавлять: уютно расположились на полянке два друга и так аппетитно прихлебывают из одной миски. Но снимок мог бы быть лучше, ЕСЛИ БЫ АНДРЕЙ УСИЛИЛ РЕЗКОСТЬ, ДАЛ КРУПНЕЕ РЕБЯТ (для этого по бокам и сверху надо обрезать кадр — «скадрировать» снимок).

«ИДЕТ СОВЕТ ДРУЖИНЫ». Света Галкина из Златоуста удачно передала живой момент общего разговора: видно, что никто не позирует, не смотрит на фотографа, все очень сосредоточенны. Но и здесь одна из самых серьезных ошибок: ПЛОХАЯ РЕЗКОСТЬ. При большей резкости снимок был бы просто хорошим.

«Идет совет дружины». Света Галкина, Златоуст.

Редакция продолжает получать снимки на конкурс, поэтому продлеваем срок предоставления снимков до 1 мая 1974 года.

Лучшие из присланных снимков сделаны ребятами, которые давно уже занимаются в фотокружках при клубах и Дворцах пионеров. Учтите это, начинающие фотолюбители!

НОВИЧКИ, НЕ РОБЕЙТЕ! ПУСТЬ ВАШИ СНИМКИ ЕЩЕ НЕ СОВСЕМ УДАЧНЫ. ДЕЙСТВУЙТЕ СМЕЛЕЕ! ИЩИТЕ ИНТЕРЕСНЫЕ КАДРЫ! СНИМАЙТЕ КРУПНЫМ ПЛАНОМ!

Очень мало в нашей почте снимков, сделанных с улыбкой, с юмором. А ведь за такой снимок учрежден ОСОБЫЙ ПРИЗ.

СПЕШИТЕ СНЯТЬ САМЫЕ ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ «ШКОЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ-74»!

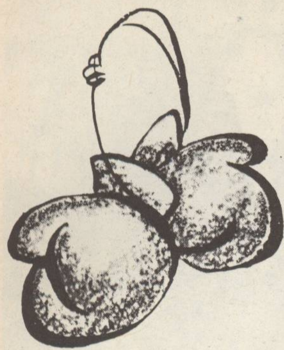
Победителей ждут премии и грамоты журнала «Пионер».

«Цветы погибшим за революцию». Петя Марочкин, Пермь.

Согласитесь, что снимок «ШЕСТЬЮ ВОСЕМЬ — СОРОК ВОСЕМЬ» Владимира Ильичева из Москвы лучший из тех, что мы сегодня разбираем. Почему? Во-первых, КРУПНЫЙ ПЛАН. На снимке нет отвлекающих деталей, нет ничего лишнего — скадрирован он правильно. И момент выбран удачный, выразительный — на лице школьницы полная поглощенность своим делом. Снимок много рассказывает о девочке, о ее характере и отношении к школьному труду.

«С аппетитом начинается обед». Андрей Клименков, Свердловск.

ЧЕМПИОНСКИЙ СПАРРИНГ

Секундирует корреспондент «Пионера» В. ЛАРИН.

Журналистам иной раз везет!

В редакцию «Пионера» пришел олимпийский чемпион Вячеслав Лемешев. Для любителей спорта имя его более чем знакомо: герой олимпийского Мюнхена, знаменитый мастер нокаута, один из самых техничных современных боксеров. Поэтому мы не удивлялись, что большая часть нашей спортивной почты — с вопросами о Лемешеве. Поэтому и пригласили к себе чемпиона.

Это было, так сказать, запланированным везением. Но в тот же день и в тот же час пришел к нам другой олимпийский чемпион по боксу — Владимир Сафронов. Он свое золото завоевал еще в 1956 году на Олимпиаде в австралийском городе Мельбурне. Сафронов давно сменил боксерские перчатки на острое перо журналиста, на карандаш художника (вот, кстати, его рисунки ты здесь можешь увидеть).

Естественно, мы не хотели да и просто не могли упускать такой счастливый случай. Моментально возникла идея: герой Мельбурна берет интервью у героя Мюнхена. Спрашиваем:

— Товарищи, согласны на такой «спарринг»?

Чемпионы улыбнулись:

— Попробуем...

Поначалу вроде бы все шло, как задумано, однако потом... В общем, не получилось у нас интервью «в чистом виде». Слово за слово, пошел просто «чемпионский» разговор. И мы решили ничего не перекраивать, а печатать, как это было на самом деле.

САФРОНОВ. Слава, расскажи, пожалуйста, как ты начал заниматься боксом. И вообще каковы должны быть первые шаги мальчишек в боксе?

ЛЕМЕШЕВ (смущенно). Первые шаги в боксе?.. Да вроде как вы это лучше меня знаете...

«ПИОНЕР». Товарищи-товарищи! Был уговор!..

ЛЕМЕШЕВ. Первый шаг в бокс — он самый разный бывает. Сколько людей, сколько характеров на свете, столько и «шагов» этих... Кого-то тянет на ринг, а кому-то бокс, как говорится, до лампочки... Я, например, и думать не думал, что стану боксером. Только иду однажды по своей родной Тишинке (я коренной москвич), вижу: трое каких-то ребят одного колотят. Я портфель бросил — и к ним. Раза три по воздуху кулаками махнул, а сам в это время получил по носу и по скуле... Когда немного очухался, смотрю, этот парнишка, которого били, надо мной склонился. И так виновато руками разводит: мол, ничего не поделаешь — хулиганы. А меня злость взяла! Как это, думаю, ничего не поделаешь! И с тех пор стал боксом заниматься. Благо старшие братья оба боксеры... Тренировался и все мечтал с теми подлецами встретиться. Но потом забылась эта злость: когда по-настоящему сильным становишься, драться уже неохота. Да и неловко...

САФРОНОВ (улыбаясь). Вот, значит, как у тебя было...

ЛЕМЕШЕВ. А у вас?

САФРОНОВ. У меня все менее «романтично» получилось. Просто тянулся к боксу... Драчуном я не был. А именно вот к боксу тянулся. В секции стал зани-

маться с тринадцати лет... Кстати, нам это надо обязательно сказать ребятам: самое благоприятное время для начала занятий нашим видом спорта — двенадцать-тринадцать лет... Можно и постарше немного. Но младше — не стоит!

Помню, очень меня задела книга К. В. Градополова. Был у нас такой знаменитейший мастер бокса, так и ушел с ринга непобежденным. В ней говорилось о мужестве и стойкости. О том, как нужен боксеру крепкий характер. О том, как важно с юных лет готовиться к большому рингу. И я взялся за дело. Это важные для боксера годы. От природы я был не очень-то одарен. Что делать? Работать! Мой соперник столько-то тренируется, а я буду больше. Подъем железно в семь, потом пробежка, зарядка с гантелями. В школу, из школы только бегом! Всегда теннисный мяч в руке — мну его, сжимаю. Отличное средство для укрепления кистей...

ЛЕМЕШЕВ. Володя! Только одно уточнение. На счет гантелей. Нужно ребятам сказать, что тяжелыми гантелями увлекаться никак нельзя. Боксеру нужна реактивность, быстрая сила. А из-за тяжелых гантелей скорость в два счета потеряешь. Боксеру двенадцати — четырнадцати лет в самую пору будут гантельки до полутора килограммов.

САФРОНОВ. Верно! Вообще я считаю, что для нас основа — легкая атлетика (бег, прыжки), баскетбол. Словом, все то, что развивает подвижность, резкость. А чтоб силы свои проверить, по-моему, соревнования ГТО — самое отличное средство!..

ЛЕМЕШЕВ. Согласен. Я лично свой значок ГТО до сих пор храню. Вместе с золотой олимпийской медалью!

САФРОНОВ. Слава, теперь такой вопрос. Он, кстати, и в письмах ребят часто встречается: когда ты понял, что можешь чего-то добиться в спорте?

ЛЕМЕШЕВ. Пожалуй, на Всесоюзном первенстве школьников в Ереване. Было мне тогда шестнадцать лет. Первенство это я выиграл. И сразу как-то почувствовал, что окреп, что сила есть. Появился жесткий удар справа... Тренер стал ставить меня в спарринг со старшими.

САФРОНОВ. А я тебя помню по первенству Москвы 1969 года. Пришел туда уже как журналист. Вдруг слышу знакомую фамилию, я ведь с братьями твоими начинал... Гляжу: боксер современного склада, умеет мыслить на ринге, противопоставить себя, свою личность противнику. И еще мне понравилось, что ты очень спокоен в бою. Не медлителен, а именно спокоен — быстроты-то тебе не занимать!..

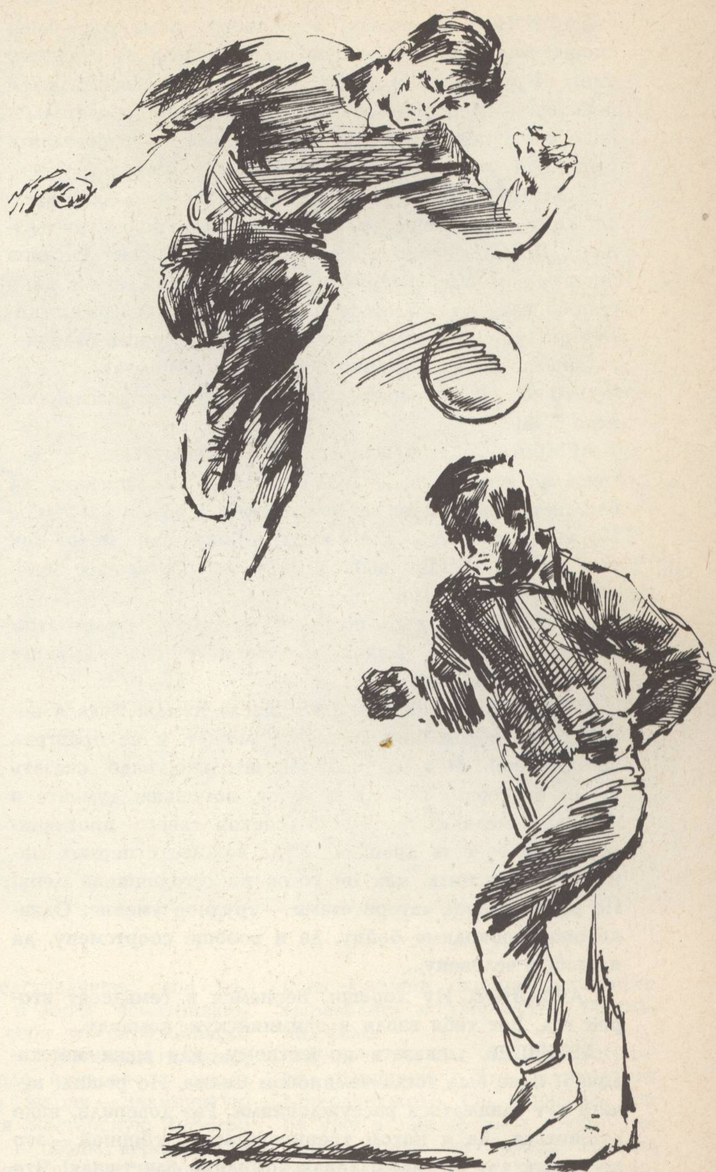
ЛЕМЕШЕВ. Да, тогда хорошие времена были! Все впереди, все казалось простым и ясным, поехал на юношеское первенство Европы — выиграл легко, поехал второй раз — снова выиграл. Почти все бои — ввиду явного преимущества. Представляете?!.

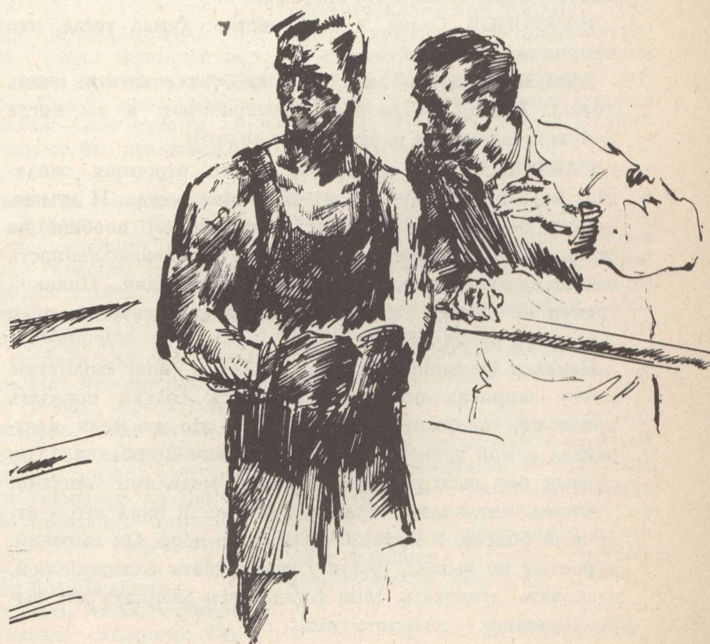
САФРОНОВ. Да, я помню!

ЛЕМЕШЕВ. Вот тут-то я и прихворнул... «звездной болезнью».

САФРОНОВ. Серьезно?!

ЛЕМЕШЕВ. Честное слово. Думал: чего уж там, восходящая звезда!.. Правда, «излечился» быстро — как только вышел на взрослый ринг, это был 1971 год. Тут меня на Спартакиаде народов СССР Руфат Рискиев быстро в чувство привел. Он боксер опытный, мощный. Я думал: пойду на него, как танк. А вышло: шел, как баран. Проиграл вчистую. Помню, расстроился!..

САФРОНОВ. А знаешь, в ту пору, помнится, были споры: мол, стоит ли выпускать Лемешева на взрослый ринг? Я думаю, стоило! Так или иначе человек должен решающий, переломный шаг делать. Тебе обязательно надо было почувствовать свою готовность, сопоставить себя со взрослыми боксерами высокого класса...

ЛЕМЕШЕВ. После того проигрыша, ох, я за дело взялся! Гонял себя нещадно. Я тебе, думаю, покажу, «звезда»!.. Потом матч с американцами. В Москве Рискиев проиграл своему сопернику Джонсону. В Ереване дали попробовать мне. Я, конечно, видел этого негритянского боксера: невысокий, крепкий, удар держит отлично, темповик, любит ближний бой, стойка открытая.

САФРОНОВ. В общем, где-то манера профессионального бойца.

ЛЕМЕШЕВ. Да, пожалуй... И «теоретически» я был готов ко всему этому. Знал, что надо: не пускать на ближнюю дистанцию, не ввязываться в обмен ударами... Но одних этих «не» для победы в боксе явно мало! Как и в жизни, всегда необходима твоя собственная положительная программа.

САФРОНОВ. А еще, пожалуй, он тебя и авторитетом своим «придавил». Какая-то робость у тебя на ринге чувствовалась...

ЛЕМЕШЕВ. Вы правы! Я все после думал: будь я пособранней в том бою, посмелее, может, и не проиграл бы. Обидно!.. И здесь нам обязательно надо сказать юным боксерам: выходя на ринг, поменьше думайте о прошлых медалях, заслугах, успехах своего противника. Прошлое есть прошлое. Куда важнее с первых минут боя выяснить, как он готов на сегодняшний день! Не робеть перед авторитетами — трудное умение. Однако оно необходимо бойцу, да и вообще спортсмену, да и вообще человеку...

САФРОНОВ. Ну хорошо. Вернемся в семьдесят второй год. Вот тебя взяли в олимпийскую команду...

ЛЕМЕШЕВ. ...сказать по-честному, для меня неожиданно! Я не был тогда чемпионом Союза. Но решил: нечего тут заниматься рассуждениями. Раз доверили, надо готовиться. Да и потом тренироваться в сборной — это же мечта для каждого. Такая компания блестящая! Что ни боец — свой характер, своя повадка. А ты учись, смотри, бери лучшее. Но ищи свое!

САФРОНОВ. Слава, а если честно, думал тогда, что чемпионом станешь?

ЛЕМЕШЕВ. Думал ли?.. А можно так ответить: очень хотел!.. Володя, тогда и вам контрвопрос: а вы когда почувствовали свое олимпийское золото?

САФРОНОВ. Как сказать?.. Мечта огромная, желание, вера в себя, думаю, жили во мне всегда. И думаю, кстати, без этой уверенности чемпионом вообще не стать. Я хочу подчеркнуть: нужна не самонадеянность пустая, а уверенность — глубокая и твердая. Никакой тренер не сумеет тебя настроить психологически, если ты внутри размазня!

Начался Олимпийский турнир. Тут я свою «золотую» мечту запрятал поглубже, старался только показать красивый, содержательный бокс. На это же меня настраивал и мой тренер Сергей Семенович Щербаков... Три первых боя выиграл — ого, думаю, медалями запахло!

Финал, англичанин Томми Никольс. Я знал его — отличный боксер. В принципе все было ясно. Он высокий, я ростом не вышел. Значит, надо искать ближний бой, атаковать, атаковать. Мне тогда всего двадцать лет было. Никольсу — двадцать семь...

ЛЕМЕШЕВ. Я однажды видел кинограмму этого боя. Конечно, так судить трудно. Но вроде первый раунд у вас прошел ровно.

САФРОНОВ. Ну правильно. Он выжидал, хотел играть на контратаках. А я все никак не мог найти лазейку в его обороне. В перерыве мне Щербаков кое-что подсказал: там защитка не совсем плотная, там он чуть запаздывает с отходом. А в общем-то ясно было: все от меня зависит. Второй раунд я неплохо провел, чувствую — есть преимущество. В перерыве Щербаков почти ничего не говорил мне. Только перед самым гонгом: «Ну-ка глянь, Володя, вон туда!» И вижу я: среди других развевается наш советский флаг... Какое-то особое вдохновение меня вдруг охватило. Может, это и была та самая «спортивная злость», о которой так любят писать журналисты? Но только знаю: никакой злости во мне не было. Бокс и злость — вообще плохие союзники... А третий раунд с Никольсом был, наверно, лучшим во всей моей жизни...

ЛЕМЕШЕВ. Такого успеха, какой выпал на вашу долю, никто из нас и никогда уже добиться не сможет!

САФРОНОВ. Почему, собственно?

ЛЕМЕШЕВ. Ну стать первым советским олимпийским чемпионом по боксу!..

САФРОНОВ. Спасибо тебе за эти слова! (Пауза). Ну что ж, Слава. Давай и твой турнир вспомним.

ЛЕМЕШЕВ. Да там все как-то было не очень опасно. Противники известные...

САФРОНОВ (усмехаясь). Джонсон, например...

ЛЕМЕШЕВ. Да, к этому-то бою я готовился особо! А вышло все просто, в первом же раунде.

САФРОНОВ. Сработал твой коронный прямой в голову.

ЛЕМЕШЕВ. Ну «коронный» там или не «коронный», а действительно, сработал!

САФРОНОВ. Однако же три из четырех олимпийских боя были тобой закончены досрочно и именно этим ударом. Помню, кое-кто из публики даже обижался — уж очень все быстро у этого Лемешева...

ЛЕМЕШЕВ. А когда уже поднимался на ту самую, заветную ступеньку, когда медаль... и когда заиграли наш гимн... Словом, ради этого стоит и тысячу потов пролить, и терпеть, и... в общем, ну что тут говорить!

Чемпионы замолкают, и каждый вспоминает свое...

Мысли Сафронова угадать трудно. А Лемешев?.. Быть может, он сейчас думает о том последнем чемпионате Европы в Белграде. В первом же бою он серьезно повредил правую руку — главную свою ударную силу. И противники отлично знали об этом. И смело шли в атаку на олимпийского чемпиона. Однако он выстоял, победил — сумел добыть еще одну золотую медаль для команды... О спортивном подвиге советского спортсмена писала тогда вся мировая спортивная пресса.

«ПИОНЕР». Товарищи! Спасибо вам большое за «взаимное интервью». В заключение — что бы вы хотели пожелать нашим читателям?

САФРОНОВ. Крепкими им быть желаю, значкистами ГТО, непримиримыми в борьбе со всяким злом. Словом, настоящими пионерами, такими, у кого галстук на груди не для красоты.

ЛЕМЕШЕВ. А я хочу добавить: бокс — это отличная школа и силы, и мужества, и подлинного благородства, хотя дорога в нашем спорте нелегка. Но легкие дороги никогда еще к настоящему успеху не приводили. И не приведут!

Жизнь Микеланджело Буонарроти

Найти эти книги трудно, и я считаю, что мне повезло: одна большая и тяжеленькая, как кирпич, — 758 страниц! — «Муки и радости», вторая — «Микеланджело». Написал их американский писатель Ирвинг Стоун, и рассказывают они о жизни итальянского художника Микеланджело Буонарроти.

Обе книги я читала с одинаковым чувством жадности и сожаления. Если ты любишь читать, то тебе должно быть знакомо это состояние: жадно глотаешь главу за главой, торопишь события, за которыми следишь и, переворачивая очередную страницу, щемяще сожалеешь, что этих страниц остается все меньше и меньше.

«Подумаешь, можно читать второй и третий раз»,— скажешь ты. Конечно, можно, но лучше, интереснее читать один раз медленно, и думать, и размышлять, и вспоминать. Я даже занимала себя какими-то иногда не очень-то важными заботами, чтобы не почитать лишний часок, чтобы осталось еще впереди триста... сто двадцать... пятьдесят пять страниц, чтобы еще чуть-чуть продлить свою сопричастность к жизни удивительного героя Ирвинга Стоуна.

Микеланджело Буонарроти. Скульптор и живописец, архитектор и поэт, рисовальщик и, как он сам себя называл, каменотес.

Он создал величественную скульптуру гиганта Давида, украшавшую площадь Синьории во Флоренции, могучие скульптуры «Дня», «Ночи», «Утра»...

Он создал великолепную роспись Сикстинской капеллы, радовавшую друзей, заставлявшую завидовать врагов (что ж, и у Микеланджело были враги, да еще довольно злобные)...

Он завершил строительство одного из величайших зданий мира — собора Петра в Риме (изображение собора непременно присутствует в любом учебнике архитектуры)...

А когда завоеватели подошли к стенам его родной Флоренции, он проектировал и строил заградительные укрепления...

Вот как начинается книга:

«Он сидел перед зеркалом в спальне и рисовал свои худые, с резко проступающими скулами щеки, плоский широкий лоб, сильно сдвинутые к затылку уши, спадающие к надбровью завитки черных волос, широко расставленные янтарного цвета глаза с тяжелыми веками».

Сразу представляешь себе непоседливого и зорко всматривающегося в себя и окружающих мальчишку. Тринадцатилетний Микеланджело попадает в художественную школу — знаменитую в то время мастерскую маэстро Гирландайо, а потом переходит в скульптурную школу Бертольдо при дворце Медичи. А потом... Я остановлюсь, все же ты сам прочтешь книгу.

Давно жил Микеланджело. 6 марта этого года исполняется 500 лет со дня его рождения. Юбилей этот будут праздновать во всех странах — нет страны, в которой не знали бы итальянского мастера.

Ты вырастешь и, может быть, поедешь в Италию, тогда убедишься, как великолепно понимал Микеланджело красоту мрамора. Он сам выбирал глыбы мрамора для своих творений в труднодоступных горах Каррары — не любой мрамор годится для скульптуры, а только тот, что пропускает сквозь свою толщу луч солнца. Тогда-то и говорят, глядя на изваяние: «Мрамор дышит, он живой».

Микеланджело жил в то же время, что и Леонардо да Винчи, Рафаэль, Боттичелли, Сангалло, Филиппино Липпи — художники, архитекторы, создавшие славу Италии эпохи Возрождения.

Вся страстность, сила, стремление, борьба этого сложного, бурного времени сконцентрированно выразились в творчестве Микеланджело.

Я хочу, чтобы ты присмотрелся к рисунку. Это автопортрет Микеланджело. Он нарисовал себя уже в зрелые годы, просто пером и тушью на бумаге. Рисовал он прекрасно. Если хотят похвалить рисунок какого-либо художника, то говорят: «О, да, у него микеланджеловский штрих»... Посмотри, как точны штрихи рисунка, словно точные удары резца, емкие и сильные. Как мощно нарисована голова — одним смелым взмахом. Все монолитно и до предела выразительно.

Лицо его кажется тебе странным? В шестнадцать лет, когда Микеланджело стал делать первые успехи в скульптурной школе Медичи, один из учеников, тщеславный и не очень-то талантливый да к тому же и драчливый, поссорившись, ударил его и сломал ему нос. Микеланджело потерял много крови, врачи чудом спасли его, но увечье осталось.

Таким был Микеланджело, как он сам себя нарисовал,— суровый, сильный, правдивый, не щадящий себя, смелый, страстный, немного насмешливый. Стремящийся к гармонии линий, стремящийся гармонией выразить главную внутреннюю сущность человека.

С. САХАРОВА

Живой и светится...

Давно уже, лет двенадцать назад, в журнале «Пионер» довелось мне писать об одной из первых книг Виктора Драгунского. Яркая, талантливая, удивительно добрая это была книга! И называлась она необычно: «Он живой и светится...»

В ней писатель познакомил нас с мальчиком Дениской, которому суждено было стать близким другом миллионов детей и взрослых не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Виктор Юзефович Драгунский долго шел к своему главному призванию — писательству. Долго, больше сорока лет. Биография его напоминает захватывающе интересный фильм. Кем только не был Виктор Драгунский — шорником, лодочником, работал на заводе, потом стал артистом, выступал на эстраде, создал театр, которым несколько лет руководил. Он работал и в цирке и на всю жизнь сохранил нежную привязанность к нему. Много прекрасных страниц написано им о цирке. Один из самых любимых моих рассказов — «Девочка на шаре». Вот я подумал о нем, об этом рассказе, и вижу, как зажглись прожекторы над цирковой ареной, а потом погасли, и похожая на Дюймовочку из сказки девочка в серебряном платье катится на огромном голубом шаре... Тихо играет музыка, светится в полутьме серебряное платье, медленно плывет по кругу девочка, и колокольчики тонко звенят на длинных ее руках. А среди зрителей, подавшись вперед, сидит мальчишка — он навсегда теперь запомнит этот день, и запах цирка, и необыкновенную девочку на шаре.

— Я люблю посмеяться! — говорит в одном из рассказов Дениска. И, наверно, каждый из вас согласится с ним. Все мы любим посмеяться. Виктор Драгунский и в

жизни и в своих книгах был на редкость веселым человеком. Передо мной фотография: Виктор Юзефович читает свои рассказы на традиционном костре в Переделкине, у Корнея Ивановича Чуковского, который высоко ценил его талант. Надо сказать, В. Драгунский читал свои рассказы великолепно. Вся фотография — сплошь! — хохочущие лица слушателей. Вот мальчишка заливается, даже голову запрокинул. Смеется девочка — наморщила нос, глаза стали узкие, как щелки. Все хохочут. Да и попробуй не расхохотаться, когда слушаешь или читаешь про урок пения в рассказе «Слава Ивана Козловского», или рассказ «Заколдованная буква» — про ребят, которые никак не могут выговорить простое слово «шишка». Да что там, пришлось бы перечислить почти все рассказы Драгунского, когда говоришь о веселом и смешном.

Но в книгах своих Виктор Драгунский был не только веселым. Он бывал еще и нежным, а иногда и грустным. Ведь и жизнь состоит не только из веселого. Вспомните хотя бы «Арбузный переулок». Отец рассказывает своему привередничающему сыну о военном детстве, о двух полуголодных мальчуганах, счастливых от того, что получили в подарок треснувший арбуз... И этой авторской грустной серьезности еще больше веришь, потому что исходит она от человека жизнерадостного.

В чем же секрет книг Виктора Драгунского? Почему так любят его рассказы и дети и взрослые? Скорей всего потому, что книги эти, как всякие настоящие талантливые книги, обладают редкостным качеством — они оставляют добрый след в человеческом сердце, заставляют читателя думать, радоваться и грустить вместе с автором.

За что бы ни брался Виктор Драгунский — все он делал талантливо. Покинув театр, он оставался артистом в самом высоком смысле слова, человеком, тонко чувствующим искусство, будь то стихи или живопись, кино, театральная сцена или арена цирка. Во всем написанном им ощущаешь какое-то особое дыхание. Прочитайте вслух хотя бы кусочек его прозы, и вы не только уловите смысл прочитанного, но еще и услышите внутреннюю музыку фразы. И нет как будто рифмы, а звучит, как стихи. Это тоже одно из главных свойств подлинного писательского таланта.

Все пригодилось Виктору Юзефовичу для писательской работы, вся его жизнь — и скитания по городам, и самые разные профессии, и неожиданные знакомства,— все увиденное, услышанное, пережитое. Однажды он попал в автомобильную аварию, чудом остался жив. Но и этот случай помог Виктору Драгунскому написать

прекрасный рассказ «Человек с голубым лицом». Став взрослыми, вы, как и я, будете волноваться, читая «взрослые» повести Драгунского «Он упал на траву», «Сегодня и ежедневно». И в этих книгах многое из того, что происходит с героями, не только увидено, но и пережито автором.

Помню, как Виктор Юзефович по-детски радовался выходу первых своих книг, помню «в лицо» почти все его книги, разлетевшиеся по нашей стране, по многим странам мира. Книги эти иллюстрировала целая плеяда замечательных художников: В. Горяев, В. Лосин, Е. Монин, И. Кононов, А. Елисеев, М. Скобелев, Л. Токмаков, Г. Вальк, В. Чижиков, С. Калачев... Художники работали увлеченно, все они были связаны с писателем и его героями дружбой прочной и веселой.

Нельзя не вспомнить и читательские письма, их приходило и до сих пор приходит множество. Вот письмо двенадцатилетнего мальчика. Он пишет: «У нас в семье большая радость—родился маленький брат. И чтобы он был веселым, добрым, мы с мамой и с папой решили назвать его Дениской». Еще одно письмо, печатными буквами: «Дядя, я тебе расскажу секрет. Я боялся раньше входить в темную комнату. А потом начитался твоих веселых книжек, вошел в темную комнату и не испугался».

Виктору Юзефовичу теперь исполнилось бы шестьдесят. Его нет среди нас. Но никогда не погаснет чистая звездочка-светлячок, зажженная удивительным писателем. Все, что написано Виктором Драгунским,— живое и светится.

Я. АКИМ

В государственном издательстве «Детская литература» выходили много раз книги Виктора Юзефовича Драгунского:
«Девочка на шаре», «Двадцать лет под кроватью», «Друг детства», «Красный шарик в синем небе», «На Садовой большое движение», «Он живой и светится», «Поют колеса тра-та-та...», «Расскажите мне про Сингапур», «Слониха Лялька», «Человек с голубым лицом»;
в издательстве «Детский мир» и «Малыш»:
«Зеленчатые леопарды», «— И мы!..»;
«Денискины рассказы», «Заколдованная буква», «Приключение», «Что любит Мишка»;
в издательстве «Советская Россия»:
«Похититель собак», «Рыцарь и еще 57 историй», «Старый мореход», «Фантомас».
Вот сколько книг!
Многие рассказы В. Драгунского печатались в «Пионере». Вы, наверно, все их читали. Но рассказы эти можно читать по многу раз. А тем, кто еще не читал, можно только позавидовать — такая радость их ожидает.

Ей покоряются львы

А. КОВАЛЕНКО

Рисунки В. РУДЕНКО.

Идет по улице девочка — тоненькая, большеглазая, с крепкой темной косичкой. Девочка как девочка, каких много можно встретить на улице. Наверное, ученица старшего класса...

Нет, девочка эта уже окончила школу и у нее очень редкая, я бы сказала, редчайшая профессия.

...Оля выросла в семье артистов цирка. Отец ее, заслуженный артист РСФСР Влади-

мир Георгиевич Борисов — укротитель львов. Мама, Римма Васильевна, была наездницей, а теперь выступает с дрессированными собачками. С четырнадцати лет Оля, еще школьница, тоже выступала на манеже цирка, показывая на своем коне Буйном высшую школу верховой езды.

Но мечтала Оля о другом: ей хотелось стать укротительницей львов. В семейном альбоме Борисовых хранится интересная фотография: на ней молодой Владимир Георгиевич с маленькой Олей и группой... львят.

Она любила этих животных и нисколько не боялась. Кормила их, гладила.

— Ни за что не разрешу Оле работать с хищниками!— взволнованно говорила Римма Васильевна.— Хватит с меня одного укротителя.— И, повернувшись к Оле, она твердо добавляла: — Все что угодно, только не это.

— Ничего, кроме этого, я не хочу,— не менее твердо ответила девочка.

Борьба продолжалась несколько лет. Владимир Георгиевич в ней не участвовал. Он хорошо понимал Римму Васильевну, но и Олю тоже понимал. Он видел, как тянется дочка ко львам, как любят ее животные — даже самые свирепые позволяют гладить и ласкать их... Однажды на репетиции Владимир Георгиевич открыл двери клетки и сказал:

— Заходи, не могу больше на твой мученический вид смотреть. Видно, так тому и быть...

Так Оля стала постигать секреты укрощения, дрессировки львов. На это ушло несколько лет.

Оля усиленно занималась еще и спортом, бегала, прыгала, вырабатывала силу, ловкость. Все это было необходимо в ее будущей профессии — физически слабому человеку нечего и мечтать об укрощении хищников.

С нетерпением Оля ждала, когда ей исполнится восемнадцать: только совершеннолетним разрешается работать с хищниками.

И вот однажды я получила от Оли телеграмму из города Фрунзе: «Можете поздравить меня. Сегодня премьера». А через несколько дней пришел по почте пакет. Развернула — в нем афиша: «Впервые в нашем городе самая юная укротительница львов Ольга Борисова». Тут же фотография Оли и ее любимца льва Андрея.

«Значит, стала все-таки укротительницей. Значит, добилась своего»,— с восхищением подумала я.

А потом стали приходить от Оли открытки из разных городов. И, наконец, после долгого молчания — письмо из Мехико. «Вот уже три недели мы в Мексике. Гастроли проходят успешно. Принимают нас хорошо».

Позже Оля показала мне мексиканские газеты. О ней писали с восторгом. «Эта маленькая русская укротительница ведет себя на арене так, будто перед ней не лев, а всего-навсего котенок. Она не укрощает хищника, она просто играет с ним».

«Просто удивительно, сколько силы заключено в изящной Оле Борисовой, которой удается удержать навалившегося на нее огромного льва».

Пока Оля выходит на арену только с одним Андреем. Семь других львов, воспитанных Олей, еще не готовы для арены цирка. Но пройдет время, и мы увидим Олю Борисову с группой дрессированных львов. Убеждена, что это будет очень интересное и увлекательное зрелище.

Академия Домашних

Алеша еще раз нажал кнопку звонка и недоуменно пожал плечами. Марина и Лёка должны быть дома, но почему-то не открывают...

Алеша взглянул на Чубчика, усевшегося перед дверью на резиновом коврике, и спросил.

— Обидимся? И уйдем?

Чубчик приподнял ухо-лохматушку, повел черным, как кусочек хоккейной шайбы, носом и вздохнул осуждающе: «Ну, зачем уходить? Они там заняты важным делом: пекут пирог. И у них морковка очень вкусная, не знаешь, что ли! И вообще я люблю ходить в гости... Будь терпелив и выдержан».

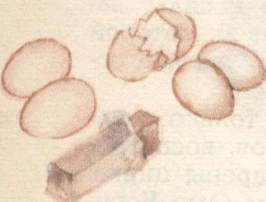
Действительно, не прошло и четверти минутки, как дверь распахнулась, и Чубчик, радостно лая, закрутился вокруг Лёки.

— Гости, Алеша, что заставили вас ждать. Очень были заняты. Ой, Чубчик, не трогай меня. Уколешься! Булавки! — Лёка пыталась загородить странное свое полугазетное - полутряпочное одеяние.

— Молодцы! — обрадовался Алеша.— В карнавал будем играть?

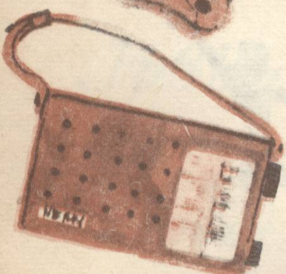
— В какой карнавал? Сейчас не каникулы,— озабоченно сказала Лёка.— Калинка патронку на мне заколола. У нас сегодня мастерская. Дошили Марине платье, а теперь мне шьем. И еще пирог чуть не пригорел.

Чубчик покосился на Алешу хитрым глазом: «Что я тебе говорил? Пирог с капустой. Уже испечен! Слышишь, как он лежит там, дышит под полотенчиком, отдувается после жаркой духовки. Эх ты! «Обидимся? Уйдем?» — И Чубчик смирно дал вытереть себе лапы.

Большой стол был раздвинут, и на его просторе аккуратной мозаикой разбежались лоскутки, нитки, коробка с булавками, газетные выкройки. Калинка примостилась на спинке любимого маминого кресла и вязала что-то голубое и пушистое.

Все бы мог Алеша простить: долгое ожидание под дверью, испеченные без его участия пироги, даже шитье новых платьев (его куртка лежит недошитая), но вязанья Калинкиного простить никак не хотел. Вяжет пушистое голубое кому-то неизвестному, а не ему давно обещанную хоккейную шапочку... Ну, ладно уж!..

— Ну, ладно,— насупился Алеша.— Идем, Чубчик. Между прочим, мы с Бобом Сухаревым решили собрать транзистор. Бабушке в подарок к Восьмому марта... Чубчик! Пошли.

Чубчик нахмурил такую всегда добродушную, улыбчивую мордочку и отвернулся. «Никакого терпения у человека нет. Лёка была занята, сейчас освободится... Еще неизвестно, над каким вязаньем трудится Калинка. Вон как загадочно улыбается. А что Марина делает, известно. Чистит морковку на кухне. Сладкую, сочную. Ни за что не уйду».

— Чубчик, Чубчик! — позвала Марина.— Иди ко мне, морковку дам. Алеша! Разреши ему взять морковку!

Алеша секунду помедлил.

— Иди, Чуб, возьми морковку.

«Видишь, как все хорошо разрешилось,— вильнул огрызочком-хвостиком Чубчик.— Надо, Хозяин, быть терпеливым и выдержанным».— И Чубчик так аппетитно хрустнул розовой морковкой, что и Алеше самому захотелось погрызть твердую, сочную морковину, но просить у Марины морковку не стал: обида так и кипела в нем.

Калинкины спицы мелькали быстро-быстро, голубой пушистый клубок ниток танцевал на кресле замысловатый веселый танец, а Калинка, чуть улыбаясь, считала петли и словно не замечала Алешиной обиды.

— А почему ты нас не зовешь транзистор мастерить? — удивилась Лёка.— Я тоже хочу.

«Есть ли на свете дело, какое бы она тоже не хотела делать? — с завистью подумал Алеша.— И никогда не делит дела на девчоночьи и мальчишьи. Даже в хоккей играет не хуже Володьки Крамаренко. И сейчас не отстанет. Придется включить ее в ударную транзисторную. Да втроем интереснее будет. А может, и Калинка согласится? Марина, конечно, не захочет...»

— Ладно, будем собирать сразу два транзистора. Боб придет через час.

— Как хорошо! — обрадовалась Марина.— Позвони ему, пусть придет пораньше, будем пить чай с пирогом, а потом все пойдем к тебе. Я тоже хочу транзистор собирать. А ты, Калинка?

— Сейчас вспомню свое расписание на сегодня.— Черная тоненькая Калинкина косичка качнулась влево-вправо — тик-так.— Да, пожалуй, я могу.

— А знаешь, Марина,— вдруг неожиданно для самого себя выпалил Алеша,— дай и мне морковку,— и засмеялся.— Чубчик так вкусно хрустел.

— Да, пожалуйста, и не одну!

— Может, и мне дашь? — попросила Лёка.— И тебе, Калинка?

— И мне. Обязательно. Кто откажется от такой вкусной морковки!.. Алеша, подойди ко мне. Я хотела тебе шапочку связать в подарок, сюрпризом, но придется примерить. Наклонись.

Алеша даже порозовел от радости, когда легкие Калинкины ручки натянули на голову голубое и пушистое.

— И кисточку сделаешь?

— Ну как же без кисточки?— развела руками Калинка.— Без кисточки и шапка не шапка.

— Калинка, такую шапку сложно вязать?

— Все на свете просто, если хочешь и умеешь. Решил взяться за вязание?

— Нет, я пробовал, не получается, попрошу бабушку всей нашей хоккейной команде связать. Расскажешь?

— Расскажу.

— И как пирог пекли?

— А ты как думаешь?

— Я глупый вопрос задал. Можно такой пирог и бабушке на Восьмое марта испечь?

— Конечно. Мы поэтому и занялись сегодня пирогами. Вроде генеральной репетиции.

И Марина с Алешей отправились на кухню.

— Калинка сказала, что настоящее дрожжевое тесто, опарное слишком для нас сложно, поэтому научила нас печь попроще.

КАЛИНКИН ПИРОГ

Тесто для пирога. Все продукты для дрожжевого теста должны быть не холодными. Яйца, масло, сметану взять из холодильника заранее, муку, конечно, просеять и даже немного обогреть в кастрюле на легком огне. Тогда пирог быстро подойдет и будет легким.

Для одного пирога возьми всего поровну: полстакана сметаны, полстакана яиц (примерно 2—3 яйца), полстакана масла (пополам растительного и топленого), полстакана разведенных теплой водой густоватых дрожжей, примерно 30—35 граммов (треть палочки), и две столовые ложки сахару и половину чайной ложки соли.

Все вместе смешивается в миске, слегка взбивается, постепенно всыпается мука и замешивается тесто. Сначала ложкой в миске,

Волшебников

а потом смазанной растительным маслом рукой на доске, присыпанной мукой. Месить минут десять. Получится гладкий, не жидкий и не твердый, а слегка текучий ком теста, который легко отделяется от доски.

Положи тесто в теплую кастрюлю, укутай потеплее и поставь на два часа в самый теплый уголок в кухне. Когда тесто поднимется шапкой, раздели его на две неравные части. Большая — низ пирога, меньшая — покрышечка. Раскатай скалкой больший пласт, сразу положи на смазанный маслом теплый противень, а меньший раскатай и прикрой полотенцем. **Пусть тесто полежит — это первая расстойка.**

К этому времени у тебя должен быть готов фарш. Десять минут первой расстойки прошли. Положи равномерно остывший — обязательно остывший — фарш, сверху закрой покрышечкой. Защеми края красиво и внимательно. Смажь яйцом, сверху ножом прорежь несколько разрезов, чтобы пирог поднимался ровнее, **и поставь его в тепло на вторую расстойку минут на пятнадцать.** За это время тесто снова наберет силу и в теплой духовке поднимется ровно и хорошо.

Пеки в жаркой, но не слишком, духовке минут тридцать пять — сорок. **Остынет, снимешь с противня и положишь под полотенце.**

— Совсем несложно. Тепло, тепло и тепло. Сладкий пирог так же печь?

— Так же, только покрышечку можно делать не сплошной, а нарезать тесто на полоски и положить на повидло сеточкой. Сладкий пирог, когда остынет, присыпь сахарной пудрой.

Теперь слушай про фарш.

Капустный. 700 граммов капусты нашинковать как можно более тонкой стружкой, присолить и потереть рукой, чтобы она стала мягкой. Положить капусту на разогретую сковородку в растопленное сливочное масло (2 столовые ложки) и потушить минут десять, все время помешивая. Остынет — добавить два-три рубленых крутых яйца, можно чуть приперчить. Вместо яиц можно положить мелко рубленные, хорошо сваренные и обжаренные грибы, четыре-пять грибков. Готовый фарш попробуй: не надо ли посолить, поперчить, добавить масла.

Мясной. Полкилограмма мяса провернуть через мясорубку и обжарить минут десять на не сильном огне в сливочном или топленом масле (1—1,5 столовые ложки). Все время не забывай мять фарш вилкой, чтобы он не собрался комками и не пересох. Посоли, чуть поперчи и добавь в остывший фарш два-три рубленых крутых яйца.

Фарш из кураги. Полкилограмма кураги промой в холодной воде, добавь полстакана сахарного песку и полстакана воды, повари полчаса на среднем огне. Получится свежее повидло. Такое же повидло можно сделать из чернослива. Можно взять любое готовое повидло или конфитюр, примерно 400—450 граммов.

АЛЕШИНА ШАПОЧКА

Через три дня в один прекрасный час открылась форточка, и легкий сверток, перевязанный красной ниткой, упал прямо в руки Алеше. Там была не только пушистая шапочка, но еще и картинка и описание, как вязать эту шапочку с помпоном на шнурке, и еще шлем, и наушники.

80 граммов средней шерсти, пять спиц № 3.

Набираем 140 петель и вяжем 14 сантиметров резинкой 1×1. Следующие 6 рядов вяжем лицевыми петлями. Затем вяжем, чередуя лицевой ряд с изнаночным, причем в каждом лицевом ряду убавляем петли, провязывая вместе 6 и 7, 5 и 4 и т. д., пока на спицах не останется 8 петель. Закрепляем их. Помпон пришиваем к косичке, связанной крючком.

ШЛЕМ

150 граммов средней шерсти, спицы № 4,5.

Набираем 96 петель и вяжем 15 сантиметров резинкой 1×1. После этого делаем прорезь для лица, закрыв 40 петель, а в следующем ряду так же набираем 40 петель. На двадцать восьмом сантиметре от начала вязки начинаем убавлять петли в шести пунктах, провязывая через 13 петель по три петли вместе наизнанку. Надо внимательно следить, чтобы убавление петель шло одно над другим и давало ровную линию. Когда на спицах останется 8 петель, закрываем вязку: протягиваем через петли нитку и зашиваем с изнанки. Последний этап — у прореза для лица наберем 82 петли на 4 спицы и провяжем 7 рядов изнаночной вязкой.

НАУШНИКИ

На 2 спицы № 4,5 набираем 29 петель и провязываем 10 сантиметров вязкой: 1 петля лицевая, 2 петли изнаночные.

Затем меняем спицы на № 4 и вяжем этой же вязкой еще 6 сантиметров и начинаем убавлять вязанье сразу на 10 петель, провязывая по 2 изнаночные петли вместе. Когда на спице останется 19 петель, начинаем вязать резинкой 1×1, вяжем 12 сантиметров. Затем прибавляем 10 петель и вяжем вязкой — 1 петля лицевая, 1 изнаночная — еще 6 сантиметров.

Меняем спицы на № 4, 5 и вяжем еще 10 сантиметров.

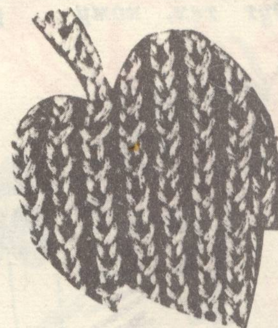
Набрав на 2 спицы 11 петель, вяжем резинкой 1×1 две полоски: 20 сантиметров и 23 сантиметра и пришиваем их крест-накрест к наушникам.

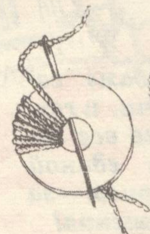

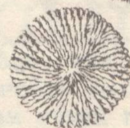

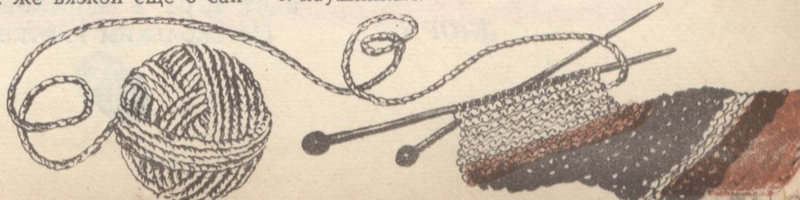

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

А. ОРЛОВ и А. РОЗЕНТАЛЬ

Уже пятая... Уже кончают школу лягушата — участники первых олимпиад «Пионера», а Евгений Хухро — победитель самой первой — учится сейчас в университете. Недавно он успешно выступил на Международной математической олимпиаде.

А для вас Неизвестные приготовили новые задачи. Как всегда, специальные награды ждут тех, кому

окажутся «по зубам» самые трудные задачи, и тех, кто решил пусть не все задачи, но зато без единой ошибки. Особые призы — за самые изящные решения!

И еще — помните, МЫ ЛЮБИМ ПОДРОБНЫЕ РЕШЕНИЯ, а не только ответы.

Не забудьте отправить письмо до 15 марта 1974 года. Все решения посылайте в одном конверте. Фамилию, имя, класс, школу, домашний адрес напишите печатными буквами.

Поздравляем с началом V Олимпиады!

ЖЮРИ.

ПЯТАЯ ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

НА АРЕНЕ — ХИЩНИКИ

Предположим, ты дрессировщик, у тебя три льва (назовем их Мбили, Вайти и Тату) и два тигра — Угас и Гаиту. Ты выводишь их на арену и выстраиваешь в ряд. Смотри только, чтобы тигры не оказались рядом друг с другом — драка неминуема!

Можно построить зверей так: МТГВУ (каждый хищник обозначен первой буквой имени) или так: ГВМТУ... Сколько всего существует способов построения?

КО + ЛЯ = ОЛ — Я

Замените буквы цифрами так, чтобы равенство сохранилось (разные буквы — разными цифрами, одинаковые — одинаковыми). Это равенство можно расшифровать более чем десятью способами. Задача полегче — расшифровать равенство, если известно, что К+О+Л+Я = 21. В письме не забудь упомянуть, какую из двух задач ты решал!

«КРЕЙСЕРЫ» и «ЛИНКОРЫ»

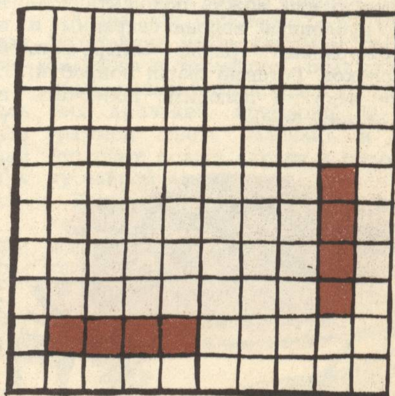
На доске 10×10 клеток идет игра в морской бой. По скольким клеткам надо нанести удары, чтобы наверняка задеть «линкор» (корабль из четырех клеток, расположенных в ряд)?

Например, если стрелять по всем клеткам нечетных горизонталей (или четных вертикалей), то можно и не попасть в него: вдруг «линкор» стоит как раз на четной горизонтали (или нечетной вертикали)? А вот если раскрасить доску, как шахматную, и стрелять по черным полям, то «линкор» наверняка будет задет.

а) Придумайте план из возможно меньшего числа выстрелов, гарантирующий попадание в «линкор».

б) Докажите, что меньшего числа выстрелов, чем у вас, может и не хватить.

в) Найдите все планы стрельбы, гарантирующие

попадание при минимальном числе выстрелов.

г) Сколько выстрелов необходимо, чтобы наверняка задеть хотя бы один из кораблей эскадры, состоящей из «линкора» и «крейсера» (три клетки в ряд)? По правилам игры у кораблей общих точек нет.

НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ

На полях шахматной доски нужно так поставить коней, чтобы они не били друг друга. Назовите наибольшее число коней, которое удовлетворит этому условию. Сообщите нам, как их разместить, и докажите, что больше, чем у вас, никому не удастся расставить.

ОСТРОВ ТРЕУГОЛЬНИК

На одном из островов хорошо знакомого вам архипелага Трех Неизвестных расположены знаменитые математические страны: Алгебра, Геометрия, Топология, Дифур, Урматфиз, Тер-Вер и другие.

Вы, наверное, уже догадались, что последние четыре слова — сокращенное шутливое название некоторых областей математики: дифференциальные уравнения, уравнения математической физики, теория вероятностей.

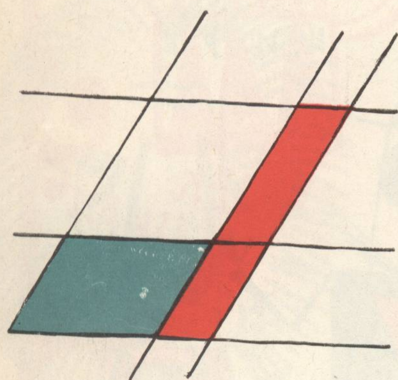
Остров треугольный, и каждая страна, расположенная там, тоже треугольной формы. На море выходят только три страны, у каждой из них — два соседа, у каждой из остальных стран — трое соседей. Соседями мы называем страны, имеющие общую границу — сторону треугольника. Внутри острова есть 9 точек, к которым примыкают три или большее число стран. Сколько всего стран на острове?

Примечание. Тем, кто не знает, сообщаем: сумма углов треугольника равна 180 градусам, каким бы треугольник ни был.

НА КАРНАВАЛЕ

Обычай этой страны не позволяет два дня подряд веселиться в одном городе. Поэтому ровно в полночь в каждом из шести городов страны на центральной площади собираются все участники карнавала. Там они разделяются на 5 групп, следя, чтобы по численности группы были равными. После этого разъезжаются по остальным городам. Жителей в стране около миллиона. Докажите, что на одиннадцатый день в каждом городе окажется одинаковое число участников карнавала.

СКОЛЬКО ИХ?

На большом листе бумаги проведено X параллельных прямых, а потом под углом 60 градусов к ним — еще Y параллельных прямых. Сколько различных параллелограммов можно обнаружить на этом листе, если $X = 19$, $Y = 17$?

Примечание. Если $X = 3$ и $Y = 3$, то на листе 9 параллелограммов — 4 маленьких, по одной «клетке», 4 двухклеточных (два горизонтальных и два вертикальных) и 1 четырехклеточный.

РЕЖЬТЕ ОСТОРОЖНО

Каждую фигуру разрежьте на три конгруэнтные фигуры.

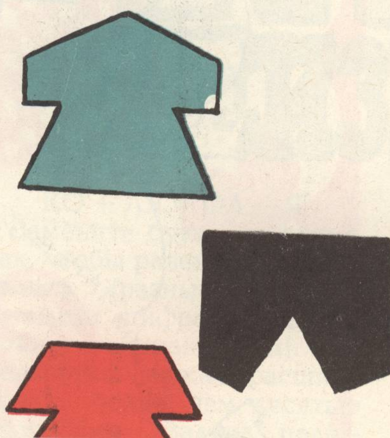
Примечание. Раньше вместо слов «конгруэнтные фигуры» говорили «равные фигуры».

ШЕЙТЕ САМИ!

Из каких одних и тех же частей одной и той же правильной фигуры составлены эти платьица и шорты?

Эту и предыдущую задачи прислал Н. К. Антонович (Новосибирск).

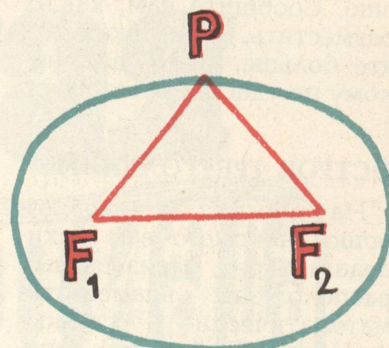

БЕГ ПО ЭСКАЛАТОРУ

Зет весьма медлителен, а Икс всегда торопится, даже вверх по эскалатору метро бежит вприпрыжку. И вот однажды Зет и Икс одновременно стали на соседние эскалаторы. Икс, как обычно, помчался вверх, рассчитывая сильно обогнать Зета. Ровно на середине пути его эскалатор внезапно остановился. Но Икс продолжал бежать и в результате оказался наверху одновременно с Зетом, потратив на подъем 2 минуты. На сколько секунд Икс рассчитывал обогнать Зета?

ПЛАНЕТЫ ДВИЖУТСЯ ПО ЭЛЛИПСАМ...

Эллипсом называется множество точек P_1, сумма расстояний которых до двух постоянных точек F_1 и F_2 постоянна:

$$PF_1 + PF_2 = S.$$

Эллипс вполне определяется заданными точками F_1 и F_2 и суммой расстояний S; точки F_1 и F_2 — фокусы эллипса. Каждая планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце. Об эллипсе мы рассказывали в ноябрьских «Встречах с Тремя Неизвестными» в прошлом году. Впрочем, все, что нужно знать для решения задачи, уже сказано.

а) Пусть P — точка эллипса, точка A лежит на отрезке PF_2. Тогда для любой другой точки эллипса P^1 длина ломаной F_1P^1A больше длины ломаной F_1PA.

б) Пусть снова P — произвольная точка эллипса. Проведем через точку P прямую, перпендикулярную к биссектрисе угла F_1PF_2. Докажите, что все точки этой прямой, кроме P, расположены вне эллипса.

П. КУЗЬМИЧЕВ

самая скорая и самая простая помощь

Эта очаровательная маленькая пичуга необычайно любопытна и подвижна. Она обследует малейшие щели, выискивая кладки вредных насекомых и самих насекомых, укрывшихся на зимовку.

Неутомимый санитар наших лесов и садов, синица, когда деревья и кустарники укроет снег, летит искать пищу поближе к человеку, доверчиво ютится около его жилища.

Полет синицы головокружителен — она может стремительно взвиваться ввысь, кувыркаться в воздухе и останавливаться в неподвижном парении, ее так и хочется назвать зимней бабочкой.

Диву даешься, глядя на ее тоненькие лапки, как это они у нее не промерзают насквозь. Правда, в сильные морозы синичка часто прячет то одну лапку, то другую в пушок на брюшке, отогревает их.

Многие горожане устраивают кормушки для синиц. Еще до снега и сильных холодов синицы прилетают «проверять» эти птичьи столовые. Я одну синицу заприметил, у нее перо в хвосте загнуто в сторону, как у тетерева. Всю прошлую зиму она кормилась у меня за окном, нынче опять прилетела к кормушке.

Соседи спрашивали меня: чем это вы приманиваете синиц? А я ответил, что любят они несоленое масло, вот и прилетают. Они и в самом деле охотнее едят несоленое сливочное масло, чем сало — это мною проверено. Очень любят семечки подсолнуха, конопляное семя.

К кормушке прилетают рано. Звонкий голосок синицы можно услышать еще до восхода солнца. В это время наши постоянные «жильцы» — воробьи и голуби — еще спят. Прилетают синицы к кормушке и в течение дня. Последние посетители «столовой» кормятся поздно, в сумерки, когда все городские птицы угомонятся, поразлетятся на места ночевок. А вот где проводят ночь синицы, я так и не знаю.

Самую скорую и самую простую помощь синицам в трудное зимнее время можно оказать так: срезать разветвленную ветку какого-нибудь кустарника. Лучше, если веточки будут тонкие, тогда на них не сядут тяжелые голуби. Воробьям тоже трудно держаться на гибких веточках, а синица такой акробат, что может клевать, держась за что-нибудь и вверх лапками.

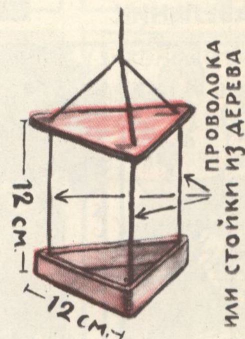
Срезанную ветку надо укрепить за окном, привязать на веревочке за форточкой или на балконе. Синицы эту ветку с маслом найдут быстро.

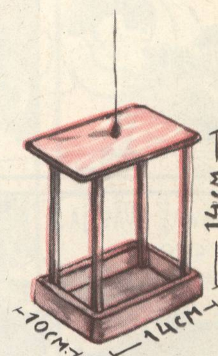
Кормушки, напоминающие небольшие фонарики, сделать нетрудно. Донышки и крыши, прямоугольные или круглые, делаются из фанеры и проволоки. Донышко должно иметь бортики высотой примерно в два сантиметра, чтобы семена не скатывались вниз. Между донышком и крышей натяните прозрачную пленку, чтобы снег не засыпал корм. Для птиц оставьте открытой только одну из сторон. Такие кормушки удобно подвешивать на проволоку, прикрепленную к палке.

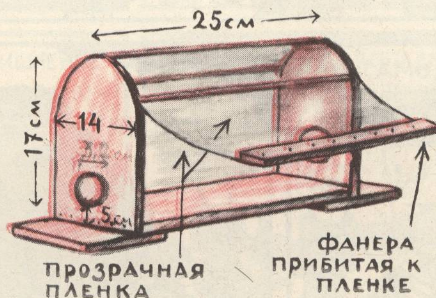
Более сложная кормушка, в которой корм лучше защищен от снега, показана на нижнем рисунке. Ее можно и подвешивать и укреплять на балконе.

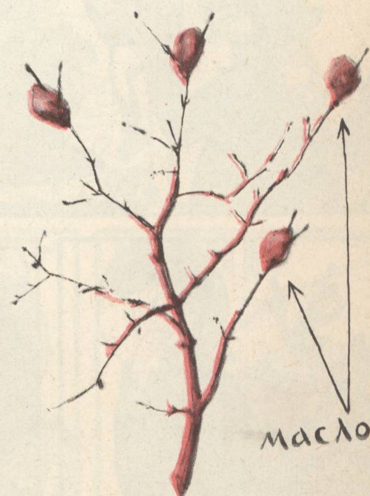
Основание кормушки — дощечка, боковые стенки (в них круглые отверстия — летки для синиц) из фанеры или тонких дощечек. Вверху на стенках (они могут быть ровными или закругленными) три брусочка — один сверху и два сбоку. Каркас кормушки обтяните прозрачной пленкой. На ближней стороне кормушки пленку не прибивайте, чтобы можно было поднимать ее и класть корм. К нижнему, свободному концу пленки прибейте деревянный брусок или фанерку, чтобы не трепал ветер. Круглые отверстия для синиц — примерно 4 сантиметра в диаметре. К такой кормушке можно приспособить и веточку для масла.

Понаблюдайте за синицами, и вы узнаете много интересного.

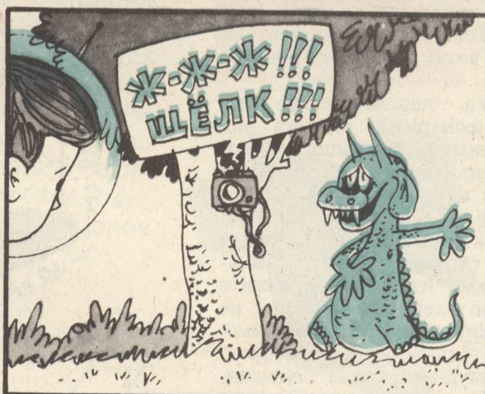
Планета чудес

Е. ШАБЕЛЬНИК

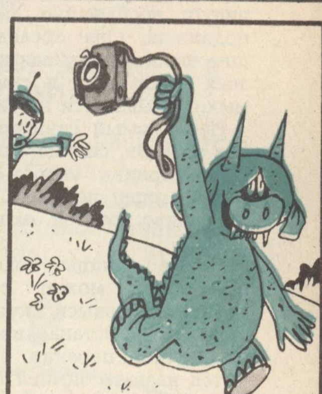

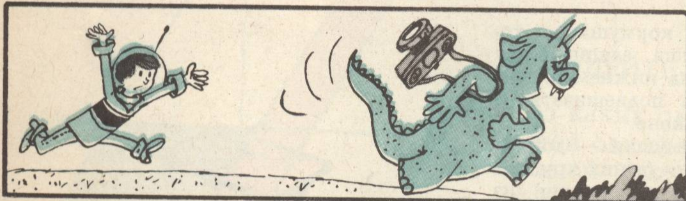

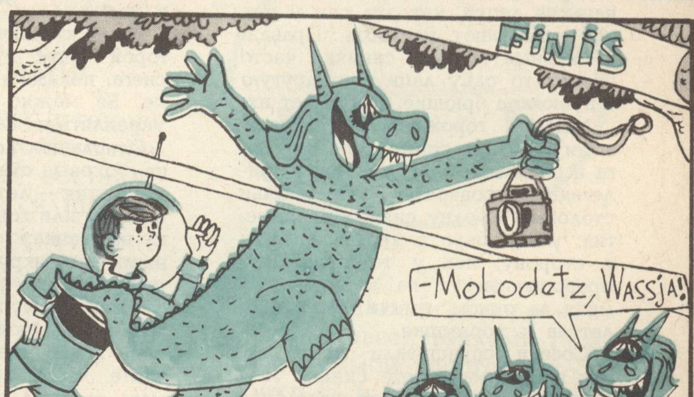

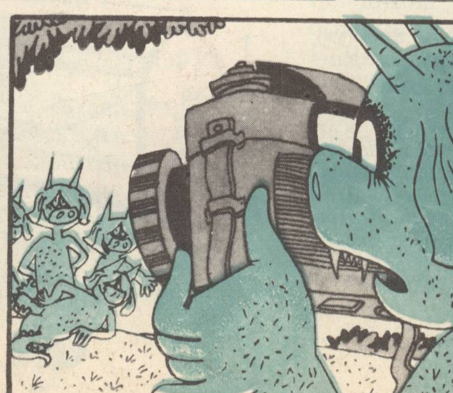

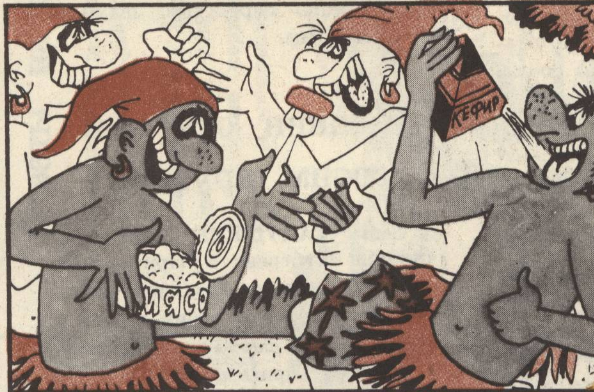

-Spassajsja kto možet! Karaul!!!

-Ага! Испугались!

-Время обеда. Пора к ракете...

КЕФИР
МЯСО

-Хорошо, что я половину припасов на дереве спрятал... Но ведь и к дереву не пробраться...

-Придумал!

-Я, кажется, промахнулся...

ХЛОП!

-А-а-а-а-ааа-а-а!!!

-Ну кое-что и мне на обед осталось...
-Начну, пожалуй с варенья...
ВАРЕНЬЕ
МЯСО

-Нет, -от варенья не та сила! Хотя... в варенье витамины...
МЯСО
ВАРЕНЬЕ

-Люблю вишнёвое варенье с косточками!...

-Интересно,- попаду ли я косточкой вон в тот серый валун?

ЩЁЛК!

Филип Стамма и Саша Александров

Знаменитый сирийский шахматист Филип Стамма и шахматист из 158-й новосибирской школы Саша Александров. Что между ними общего?

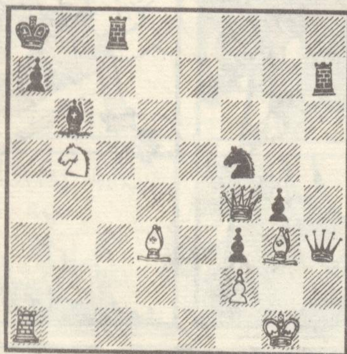
Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрите эти две диаграммы.

В 1737 году в Париже была издана книга Стамма «Опыт о шахматной игре», в ней были собраны сто красивых комбинаций и окончаний партий. На первой диаграмме — одна из комбинаций Стаммы, взятая из его книги.

Видите, белый король окружен, и, казалось бы, мат на h1 или на g2 неизбежен, но сейчас ход белых, и Стамма придумал удивительное спасение:

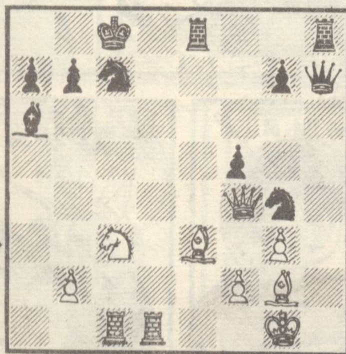
1. Cd3 — e4+Лh7—b7 2. Фf4—b8+! Лc8 : b8 3. Лa1 : a7+! Cb6 : : a7 4. Kb5—c7x.

На второй диаграмме позиция, которая возникла на чемпионате 158-й новосибирской школы. Белыми играл **Саша АЛЕКСАНДРОВ**, черными — **Сережа ЗАЙЦЕВ.** Вот какую комбинацию провел Саша. Партия закончилась так:

1. Фf4 : c7 + ! (Белым надо принимать экстренные меры,— от мата на h2 не видно защиты) 1... Крc8 : c7 2. Кc3 — b5 ++ Крc7 — b8 3. Лd1 — d8+! Лe8 : d8 4. Сe3 — f4 + Крb8 — a8 5. Кb5 — c7 + Крa8 — b8 6. Кc7 : a6+ + Крb8 — a8. 7. Кa6 — c7 + Крa8 — b8 8. Кc7—d5+ Крb8—a8 9. Кd5—b6+! a7 : b6 10. Лc1 — a1, мат.

Так Саша Александров повторил комбинацию сирийского шахматного мудреца.

Пешкин отвечает своим друзьям

Саша ГАЛУШКИН живет на станции Губерево в Приморском крае. Он просит Пешкина включить его в список своих друзей и давать ему шахматные задания.

Пешкин приглашает Сашу и всех ребят принять участие в решении конкурсных задач.

«Мы с ребятами спорим: в какие фигуры может превратиться пешка. Одни говорят — только в ферзя. Другие — во все фигуры, даже в пешку. А как правильно, Пешкин?» Это письмо прислал **Александр СМОЛОВ** (г. Верхний Уфалей).

В любую фигуру, кроме короля. Но пешкой оставлять пешку, достигнув «призового» поля, нельзя.

«У нас во дворе много ребят играет в шахматы,— пишет Сережа СЕМЕНЕНКО (г. Азов, Ростовской обл.).—И мы поспорили: один мальчик говорит, если король пройдет на последнюю линию, то тому, кто проведет короля в тыл противника, дается одна пешка. Так это или нет?»

Нет, Сережа, за такие храбрые рейды королем не полагается никаких вознаграждений.

«Никак не можем разобраться,— пишет Женя ВОЗНЮК из 125-й школы г. Харькова,— кто главнее, конь или слон?»

Слон и конь примерно равноценны, все зависит от обстановки на доске. Очень важно так расположить свои фигуры, чтобы они действовали активно, занимали хорошие позиции. Боевая сила фигур зависит от их активности.

У **Сережи ПОПОВА** и у его друзей из 55-й московской школы уже есть четвертый спортивный разряд. **«Нельзя ли нам получить третий разряд?»** — спрашивает Сережа.

Надо провести турнир на первенство школы, провести организованно, обязательно вести таблицу результатов. Тогда победители турнира смогут стать шахматистами третьего разряда.

Юра ФИЛИМОНОВ из Сумгаита просит Пешкина ответить: «Что такое цейтнот?»

Оля ЛУКИНА из Ленинграда рассказывает: **«Я с папой ходила на межзональный турнир, который проводился у нас в городе. Я следила за партиями Анатолия Карпова. Мне очень нравится, как он играет. Но у него часто был цейтнот. А нельзя ли играть без часов, чтобы не было цейтнота?»**

«Цейтнот» — немецкое слово, оно означает нехватку времени. Он часто возникает в турнирной борьбе. Трудная позиция, шахматист задумывается, ищет лучшее продолжение, минуты бегут, и наступает цейтнот.

Поэтому контроль времени в шахматах необходим. В международных турнирах каждому играющему дается два с половиной часа на 40 ходов. В других соревнованиях время турнира может быть меньше.

Конечно, цейтнот неприятен, но играть без контроля времени нельзя. Это показал опыт. На первом международном шахматном турнире, проходившем в Лондоне в 1851 году, игра шла без часов. Шахматных часов тогда еще не было, торопить друг друга противники, конечно, не могли, и вот к чему это приводило.

Партия между английским мастером Стаунтоном и немцем Горвицем началась в одиннадцать часов утра и без перерыва продолжалась до десяти часов вечера.

Был и такой случай: противники начали играть днем, сражались до глубокой ночи, затем оба заснули здесь же, у шахматной доски, и, проснувшись утром, продолжали свой затяжной поединок.

Своим долгодумием прославился английский шахматист Вильямс. Иногда он думал над своим ходом более двух с половиной часов! Он не торопился, а каково было противнику...

Ребята присылают Пешкину задачи, которые они составили са-

ми. Интересные задачи прислали **Лена РОДЫГИНА** из города Тольятти, **Саша ЗАХАРОВ** из Костромы, **Женя ВАСИЛЬЕВ** из г. Цхакая и другие друзья Пешкина.

Задачи-то интересные, но есть в них серьезные недочеты. Слишком много фигур на доске, и некоторые из них не принимают никакого участия в решении. Надо экономить силы.

В некоторых задачах решение начинается прямо с шахов или со взятия фигур. Такие ходы бросаются в глаза, делают задачи легкими и простыми. Не начинайте решение с очевидных ходов.

Ответы на задачи

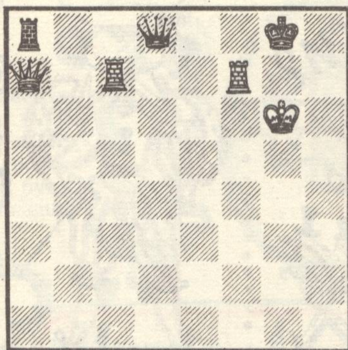
Задание № 8 решает маневр короля: 1. Крd6 Крa6 2. Крc7 и так далее.

Задание № 9. К цели ведет красивый ход 1. Лh4, и после 1... Ф : h4 белые жертвуют ферзя 2. Фg8 + и добиваются победы.

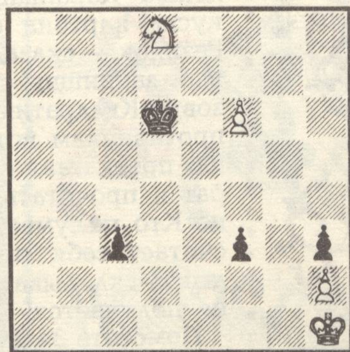
«Конкурс-74»

Теперь займитесь задачами и этюдом, открывающими конкурс Пешкина. На первый взгляд позиции эти простые, но в них содержатся красивые и интересные комбинации.

Как и обычно, в конкурс войдет десять заданий. За правильное решение шести позиций участники заочного соревнования получат четвертый спортивный разряд. За решение восьми позиций — третий разряд. Итак, за дело.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

А это этюд, в котором белые, начиная игру, добиваются ничьей.

Сначала это кажется невозможным. Пешку белых удерживает черный король, а черные пешки неудержимо идут в ферзи. Но страна шаха — страна чудес!

Сообщает судейская коллегия

Участникам конкурса, проводившегося в прошлом году, получившим спортивные разряды, рассылаются классификационные справки.

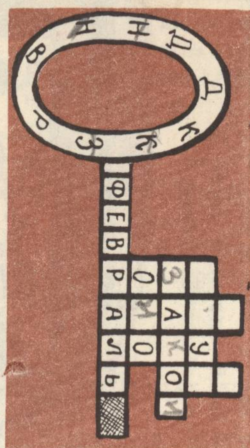
Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Запасись ключом

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ,

А не сделать ли тебе самому ключ на какой-нибудь из следующих месяцев?

Кто играет в прятки?

Три, четыре, восемь, семь —
Я зимою сено ем.

3	4	8	7

Три, двенадцать, девять, три —
На меня ты не смотри.

3	12	9	3

Два, шестнадцать, сто, один —
Это джунглей властелин!

2	16	100	1

Девять, три, пятнадцать, пять —
Я даю команду «спать»!

9	3	15	5

Десять, три, четыре, семь —
Я приказываю всем
Разгадать мои загадки!

10	3	4	7

Семь, шестнадцать, десять, два —
Кто играет с вами в прятки?
Что за хитрые слова?

7	16	10	2

Конечно, вы догадались, что одинаковые числа означают одинаковые буквы?

Капитан Перо-86 ищет помощника

Ко мне пришел расстроенный Зеленый Карандаш и показал четыре куска картона странной формы. «У Резинок,— сказал он,— появился новый зачинщик ссор и потасовок. Его зовут Квадратик. Он посылает своим противникам вот такие куски картона, предлагает сложить из них квадрат и прочитать, что на нем написано. Кто не сумеет этого сделать, пусть считает себя побежденным. Я складывал-складывал, но у меня ничего не получается!

Помогите Зеленому Карандашу!

О
О Н И
П Я Т
Ц
У
Е Д
К
В
Н И
П

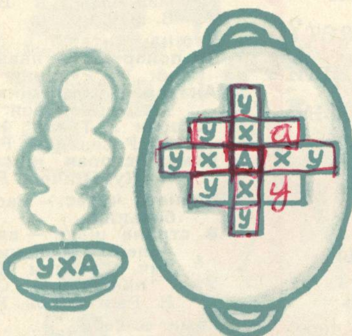

Уха у петуха

Наловил петух ершей,
Пригласил к себе гостей,
И явились к петуху
На уху:
Утка, гусь, индюк, козел,
Аист, цапля, еж, осел,
Чайка, выдра, кошка, кот,
Поросенок и енот.
Здесь кончаются стихи.
Жду письма с ответом:
Всем хватило ли ухи
На обеде этом?

ЖИВЖИВКА.

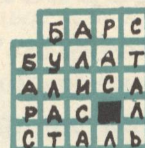
Примечание Деда Буквоеда: Посмотри на рисунок. Одна «тарелка» равняется слову «уха», которое нужно составлять из соприкасающихся букв, читая их в любом направлении и любыми зигзагами.

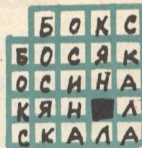

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 1
ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Запасись ключом!

Слова на ключе такие: коза, горы, рот, зов, вата.

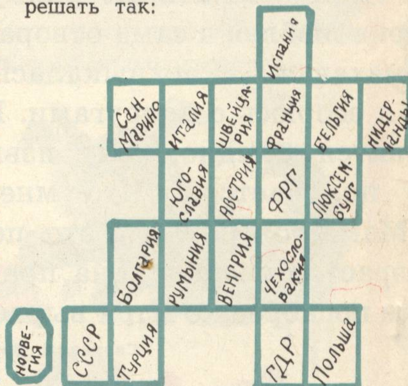
Где Алиса?

Алиса — в первом домике. Ее приятель — во втором.

На рисунке ты видишь ответ на эту задачу.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

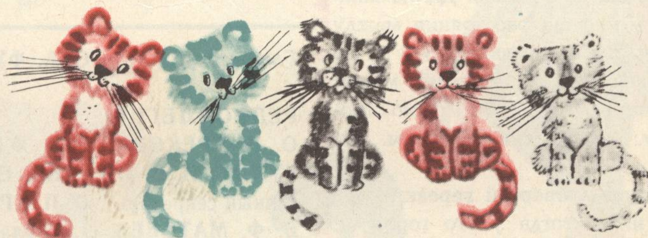
Задачу «Шайба в ворота» нужно решать так:

Задачи-шутки — «Сапожник Пим» и «Карат приглашает в гости» все ребята решили правильно.

Игры Лупы и Пинцета

Непослушные тигрята

У тигрицы было пятеро тигрят: белый, красный, зеленый, черный и рыжий. Мать расстелила под деревом циновки: белую, красную, зеленую, черную и рыжую.

«Каждый будет спать на циновке такого же цвета, как он сам», — сказала она строго. Но ни один из тигрят не послушался матери. Утром тигрица увидела, что слева от красного тигренка свернулся клубком белый, справа от черного — красный, слева от зеленого — рыжий.

Какого цвета была циновка, на которой спал каждый из непослушных тигрят?

САМИ О СЕБЕ

Переходный возраст

Мне исполнилось четырнадцать лет. Кажется, уже не маленькая... Но характер у меня по-прежнему детский: то смеюсь без причины, то задумаюсь и начинаю грустить. То мне от души хочется помочь подруге в беде, то делаюсь равнодушной ко всему. Хочу приласкать сестричку, которую очень люблю, а сама отворачиваюсь и усмехаюсь: «Расхныкалась». В школе я ссорюсь с подругами. Потом становится стыдно, хочу извиниться — не получается... Что мне мешает?

Мама говорит, что это переходный возраст. Наверное, она права, только мне поскорее хочется вырасти.

Светлана. Воронежская обл.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Аэродром на острове Неизвестных

Чтобы выбрать место для аэродрома, проденем через кольцо три веревки. Оба конца одной дадим жителям Плюса и Знаменателя, концы второй — их ближайшим соседям, из Пи и Синусоиды, третьей — оставшимся. Попросим натянуть веревки. Сумма длин веревок равна сумме расстояний от аэродрома до городов. Длина каждой веревки не может быть меньше расстояния между соответствующими городами. Хотя веревки натянуты до отказа, кольцо, показывающее место аэродрома, может двигаться от Контура до Минуса. Аэродром можно строить в любом месте между Контуром и Минусом. Все Трое Неизвестных правы!

Если городов 7, то оба конца четвертой веревки надо дать жителю среднего из них,— тогда у его города и придется строить аэродром. Если же на острове 8 городов, то годится любое место между четвертым и пятым.

Эта задача тесно связана с важными разделами математики — такими, как теория поиска экстремума и математическая статистика.

А ну-ка расшифруйте!

Так как КОКОКО : КО = 10101, то К = 1, А = 0, а буквой О зашифрована одна из 8 цифр: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. РЕКТОР равен 310625 или 740625. Приведем по одному ответу в каждой из задач. Н. К. Антоновича: $53439 \times 2 = 106878$; $4652 + 4652 + 64608 = 73912$. Если вам удалось найти другие,— напишите!

Приходят письма с вопросом: «МОЖНО ЛИ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «ПИОНЕР?»

Конечно, можно! Подписка на «Пионер» принимается круглый год. Расскажи об этом ребятам своего отряда.

СОДЕРЖАНИЕ

Слушай мою команду! — А. Л. Гетман . . . 1
Рассказы о великой Московской битве. — С. Алексеев. Рисунки И. Урманче . . . 2
Костры над Днепром. — Ю. Качаев. Рисунок С. Трофимова . . . 6
Мой старший брат... — Стихи Любы Ивановой 10
Мчится автобус вперед... — Стихи Миши Муразакова . . . 10
Слушай мою команду! — М. Невзорова. Фотографии В. Гусева . . . 10
Повесть об отце. — Ю. Калинина. Продолжение. Литературная запись Ю. Капусто. Рисунки В. Дудкина . . . 14
Международный пионерский клуб «Товарищ».
Миллионы провозгласили солидарность с народом Чили! . . . 26
Моя Родина — СССР.
Грохочущий Усть-Илим. — Рисунки С. Трофимова . . . 30
Сказки моего детства. — Стихи Э. Межелайтиса. Перевел с литовского Л. Миль. Рисунки П. Багина . . . 33
«Вся главная сила — в человеке». — Б. Камов. Рисунки А. Борисова . . . 36
«Кораблик». — Перевела с английского Т. Непомнящая. Оформление А. Гришина. . . 42
Гарантийные человечки. — Повесть-сказка Э. Успенского. Окончание. Рисунки Е. Шабельника . . . 44
Чему я учусь у Гайдара и героев его книг . 56
Фотоконкурс «Школьная летопись». — В. Постников . . . 58
Чемпионский спарринг. — Интервью с В. Лемешевым и В. Сафроновым. Рисунки В. Сафронова . . . 60
Что нам читать? . . . 63
Ей покоряются львы. — А. Коваленко. Рисунки В. Руденко . . . 66
Академия домашних волшебников. — Рисунки Т. Ларионовой . . . 68
Встречи с Тремя Неизвестными. — А. Орлов, А. Розенталь. Рисунки Б. Кыштымова . 70
Самая скорая и самая простая помощь. — П. Кузьмичев. Рисунки автора . . . 73
Планета чудес. — Рассказ в рисунках Е. Шабельника . . . 74
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки И. Красулина . . . 76
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . 78
Сами о себе . . . 80
Неизвестные раскрывают свои тайны . . . 80
На обложке:
Идет пионерская «Зарница». Рисунок Б. Гуревича.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА.
Макет А. А. АСТРЕЦОВА.

Сдано в набор 27/XI 1973 г. А 00702. Подписано к печати 3/I 1974 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 242. Заказ № 1584.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МУШКЕТЕРЫ

Начертите на льду два круга или положите на лед два цветных гимнастических обруча. В центр каждого круга положите по шайбе. Два мушкетера встают около кругов так, как показано на рисунке, и стараются выбить клюшкой шайбу из круга соперника. Выбитая шайба — очко. Если игроки выбьют только по одной шайбе, победу решает третья шайба. Если игрок выбьет две шайбы подряд, третья шайба не разыгрывается.

ПЕТУХИ

Прыгая на одной ноге, постарайся плечом вытолкнуть соперника из круга. Если ты встал на обе ноги или выскочил из круга, значит, проиграл. Можно играть и на коньках.

ЩЕЛЧКИ

На краю катка сделайте стенку из снега. С расстояния в пять метров нужно ударить клюшкой по шайбе так, чтобы она пробила снежную стенку. Если шайба увязнет в снегу, победит тот, чья шайба глубже вошла в снег.

Самсон ГЛЯЗЕР,
мастер спорта СССР.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.